
ISSN: 2074-1944

ВОЕННОЕ ПРАВО

<http://www.voennoepravo.ru>

№ 5 (81) 2023

Редакционный совет

1. **Бут Надежда Дмитриевна**, доктор юридических наук, заведующий отделом проблем прокурорского надзора и укрепления законности в социально-экономической сфере НИИ Университета прокуратуры Российской Федерации

2. **Воронов Александр Федорович**, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры гражданского и арбитражного процесса юридического факультета Московского государственного университета

3. **Ермолович Ярослав Николаевич**, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии Московской академии Следственного комитета Российской Федерации

4. **Корякин Виктор Михайлович**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры военной администрации, административного и финансового права Военного университета

5. **Маликов Сергей Владимирович**, доктор юридических наук, профессор, председатель диссертационного совета по специальности «Военное право», профессор кафедры криминалистики Военного университета

6. **Свининых Евгений Анатольевич**, доктор юридических наук, доцент

7. **Сморчкова Лариса Николаевна**, доктор юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института государства и права РАН

8. **Субанова Наталья Викторовна**, доктор юридических наук, доцент, проректор Университета прокуратуры Российской Федерации

9. **Туганов Юрий Николаевич**, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор Российской таможенной академии

10. **Холиков Иван Владимирович**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного и европейского права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

Издается с 2001 г.
Научные направления
периодического издания:
— Военные науки
— Юридические науки

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
Эл 77-4305 от 16.01.2001 г.
Номер ISSN: 2074-1944

Издание включено в систему Российского
индекса научного цитирования (РИНЦ)

Главный редактор —
КОРЯКИН
Виктор Михайлович,
доктор юридических наук,
профессор
e-mail: Korjakinmiit@rambler.ru

Ведущий редактор —
ГУСЕЙНОВА
Альбина Джабаровна

Адрес в интернете
<http://www.voennoepravo.ru/>

СОДЕРЖАНИЕ

Указатель сокращений	5
Правовое обеспечение национальной безопасности	
1. Синяева Н.А., Ломакина Т.В.	
Правовые основы развития военной политики Российской Федерации в Арктике.....	8
Теория и история военного права	
2. Кахкпян А.С.	
Военное право в период проведения боевых действий и во время вооруженного конфликта	12
3. Тарадонов С.В.	
Война как разновидность военного конфликта: современные теоретико-правовые подходы к ее сущности, содержанию и разновидностям	18
Военно-административное право	
4. Зайков Д.Е.	
Должности профессорско-преподавательского состава и научных сотрудников: обоснованы ли коррупционные риски?	30
5. Кайнов В.И., Шеншин В.М.	
Управление транспортным средством военнослужащим в состоянии алкогольного опьянения: правонарушение, имеющее отягчающий характер	36
6. Муфаздалов С.И., Чукин Д.С.	
Отдельные вопросы законодательного регулирования проведения обязательной дактилоскопической регистрации в войсках национальной гвардии Российской Федерации	42
7. Овчаров О.А.	
Цели и задачи военного духовенства: проблемы их правового регулирования	49
Военные аспекты гражданского и трудового права	
8. Зайков Д.Е.	
Уменьшение размера (лишение) стимулирующих выплат работникам воинских частей: новые правила регулирования	56
9. Федоров П.Е.	
Перспективы совершенствования нормативных правовых актов в сфере защиты и распоряжения результатами интеллектуальной деятельности, полученными в ходе выполнения государственного оборонного заказа	62
Военная служба. Социальные гарантии и статус военнослужащих	
10. Баранников М.М., Харитонов С.С.	
Обеспечение законности в сфере прохождения военной службы по контракту: военно-судебная практика	67
11. Грищенко Л.Л., Александрова Н.А.	
О реализации военными ведомствами полномочий, предусмотренными Федеральным законом «Об обороне», в сфере правового регулирования медицинского обеспечения	74
12. Кириченко Н.С., Лысянский В.Л.	
Правовые основы медицинского обеспечения военнослужащих	79
13. Корякин В.М.	
Реформа воинского учета граждан Российской Федерации: правовой аспект	83

14. Цуциев С.А.	
Социальные гарантии военных моряков: актуальность на современном этапе строительства Военно-Морского Флота Вооруженных Сил Российской Федерации.....	90
15. Чукин Д.С., Бибик А.Ю.	
Проблемные аспекты реализации права на дополнительную материальную помощь военнослужащими войск национальной гвардии Российской Федерации	96
Правоохранительная и правозащитная деятельность	
16. Анисимов В.С.	
Актуальные вопросы участия адвокатов в осуществлении юридической защиты свобод, прав и интересов участников специальной военной операции	103
17. Шеншин В.М.	
О праве лиц, подававших жалобы на решения призывных комиссий, пользоваться услугой юристов, консультантов	109
Уголовное право, криминология, уголовный процесс и криминалистика	
18. Борисов А.В.	
Понятие и система преступлений, посягающих на порядок прохождения военной службы	114
19. Зюбанов Ю.А., Харитонов С.С.	
Квалификация преступлений: ознакомление с практикой военных судов	119
20. Новикова О.В.	
К вопросу об уголовно-правовой характеристике дезертирства	124
Военные проблемы международного права	
21. Синяева Н.А., Самодуров Д.И.	
Стратегические подходы к развитию Арктического региона в документах НАТО	132
22. Шаковец О.В., Ломакина Т.В.	
Правовой статус Арктики согласно подходам ООН и других международных организаций	135
23. Шаковец О.В., Самодуров Д.И.	
Правовые основы реализации военного потенциала США в Арктике	141
24. Шамаров П.В.	
К вопросу о необходимости разработки Концепции международной гуманитарной деятельности Российской Федерации на период до 2030 года	145
Рецензии на правовые издания	
25. Землин А.И., Багреева Е.Г., Бальчугов С.Г.	
Актуальные направления развития отечественных правовых идей: заметки на полях монографии «Идея добра в творчестве Ф.М. Достоевского и её влияние на развитие философии права (к 200-летию Ф.М. Достоевского)»	159
26. Иванов В.Ю.	
Противодействие коррупции как учебная дисциплина (рецензия на учебник «Организационно-правовые основы противодействия коррупции»)	164

Указатель сокращений

абз. — абзац

БК РФ — Бюджетный кодекс Российской Федерации

ВА ГШ ВС РФ — Военная академия Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации

ВВК — военно-врачебная комиссия

ВВСТ — вооружение, военная и специальная техника

ВКС — Воздушно-космические силы

ВМФ — Военно-Морской Флот

ВМС — Военно-морские силы

ВПК — военно-промышленный комплекс

ГВКГ — Главный военный клинический госпиталь

ГДР — Германская Демократическая Республика

ГИБДД — Государственная инспекция безопасности дорожного движения

ГК РФ — Гражданский кодекс Российской Федерации

ГОЗ — Государственный оборонный заказ

ГУСП — Главное управление специальных программ

ДНР — Донецкая Народная Республика

ЕС — Европейский Союз

КНР — Китайская Народная Республика

КоАП РФ — Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях

ЛНР — Луганская Народная Республика

МВД России — Министерство внутренних дел Российской Федерации

МИД России — Министерство иностранных дел Российской Федерации

Минздрав России — Министерство здравоохранения Российской Федерации

Минобрнауки России — Министерство образования и науки Российской Федерации

Минобороны России — Министерство обороны Российской Федерации

Минпромнауки России — Министерство промышленности, науки и технологий

Минпросвещения России — Министерство просвещения Российской Федерации

Минтранс России — Министерство транспорта Российской Федерации

Минфин России — Министерство финансов Российской Федерации

Минцифры России — Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации

Минюст России — Министерство юстиции Российской Федерации

млн. — миллион

млрд. — миллиард

МСЭ — медико-социальная экспертиза

МЧС России — Министерство Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий

НАТО — Организация Североатлантического Договора (англ. North Atlantic Treaty Organization, NATO)

НИОКР — научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы

ОБСЕ — Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе

ОВС — Объединенные вооруженные силы

ОДКБ — Организация Договора о коллективной безопасности

ООН — Организация Объединенных Наций

ООО — общество с ограниченной ответственностью

п. — пункт

подп. — подпункт

ПЛА — подводная лодка атомная

ПРО — противоракетная оборона

РАВ — ракетно-артиллерийское вооружение

РИД — результаты интеллектуальной деятельности

РВСН — Ракетные войска стратегического назначения

Росгвардия — Федеральная служба войск национальной гвардии Российской Федерации

Рособрнадзор — Федеральная служба по надзору в сфере образования и науки

РПЦ — Русская православная церковь

РСФСР — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика

руб. — рубль, рублей

СВО — специальная военная операция

СВР России — Служба внешней разведки Российской Федерации

СК России — Следственный комитет Российской Федерации

СМИ — средства массовой информации

СНГ — Содружество Независимых Государств

СССР — Союз Советских Социалистических Республик

ст. — статья

США — Соединенные Штаты Америки

ТК РФ — Трудовой кодекс Российской Федерации

тыс. — тысяча

УВС ВС РФ — Устав внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации

УК РФ — Уголовный кодекс Российской Федерации

УПК РФ — Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации

УФО — Управление финансового обеспечения

ФГБУ — федеральное государственное бюджетное учреждение

ФГКВОУ ВО — федеральное государственное казенное военное образовательное учреждение высшего образования

ФГОС — федеральный государственный образовательный стандарт

ФКУ — федеральное казенное учреждение

ФНС России — Федеральная налоговая служба

ФРГ — Федеративная Республика Германии

ФСБ России — Федеральная служба безопасности Российской Федерации

ФСО России — Федеральная служба охраны Российской Федерации

ЦИК — Центральный исполнительный комитет

ч. — часть

Правовое обеспечение национальной безопасности

Правовые основы развития военной политики Российской Федерации в Арктике

© Синяева Нателла Александровна,
кандидат юридических наук, доцент, заведующая
кафедрой конституционного (государственного) и
международного права ФГКВОУ ВО «Военный
университет имени князя Александра Невского»
Минобороны России

© Ломакина Татьяна Вячеславовна,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры
конституционного (государственного) и
международного права ФГКВОУ ВО «Военный
университет имени князя Александра Невского»
Минобороны России

Аннотация. В статье рассматриваются основные правовые подходы к расширению военного присутствия Вооруженных Сил Российской Федерации в Арктике и дальнейшему развитию арктической группировки войск. Проведен анализ и систематизированы подходы, изложенные в актуальных нормативных документах по развитию Арктического региона, в том числе и с позиции обеспечения военной безопасности. Сделан вывод, что современная военно-политическая ситуация ставит новые задачи перед Вооруженными Силами Российской Федерации по противодействию реализации стратегических планов НАТО в Арктическом регионе, что требует уточнения принятых стратегических документов с позиции военной составляющей.

Ключевые слова: Арктический регион, Россия, НАТО, основы государственной политики, стратегия, военно-политическая ситуация, противодействие.

Legal basis for the development of the military policy of the Russian Federation in the Arctic

© Sinyaeva N.A.,
Candidate of Law, Associate Professor, Head of the De-
partment of Constitutional (State) and International Law
of the Prince Alexander Nevsky Military University of
the Russian Ministry of Defense

© Lomakina T.V.,
Candidate of Law, Associate Professor, Associate Profes-
sor of the Department of Constitutional (State) and Inter-
national Law of the Federal State Educational Institution
of Higher Education "Prince Alexander Nevsky Military
University" of the Ministry of Defense of Russia

Abstract. The article discusses the main legal approaches to the expansion of the military presence of the Armed Forces of the Russian Federation in the Arctic and the further development of the Arctic group of troops. The analysis was carried out and the approaches set forth in the current regulatory documents on the development of the Arctic region were systematized, including from the standpoint of ensuring military security. It is concluded that the current military-political situation poses new challenges for the Armed Forces of the Russian Federation to counteract the implementation of NATO strategic plans in the Arctic region, which requires clarification of the adopted strategic documents from the position of the military component.

Key words: Arctic region, Russia, NATO, fundamentals of state policy, strategy, military-political situation, counteraction.

Арктический регион является вектором развития Российской Федерации на стратегическую перспективу. Во многом это определяется значительными природными ресурсами региона, глобальным потеплением, несущим более широкие возможности для судоходства и развития глобальных транспортных потоков в Северном Ледовитом океане, а также непосредственной близостью материковой части России. С другой стороны, в военном отношении северное направление для России является менее укрепленным и потенциально опасным в условиях устремления стран НАТО на динамичное развитие в Арктике и притязаний на лидерство в регионе со стороны США.

В регионе со стороны стран НАТО идет не только усиление присутствия за счет расширения и увеличения числа приарктических военных баз, но и нарастание количества проводимых учений и тренировок в арктических условиях как со стороны подводного флота, так и надводных

сил. Необходимость присутствия России в Арктике с военной точки зрения определяется также и расположением в регионе объектов стратегических ядерных сил (СЯС) и стратегического неядерного потенциала в целях недопущения агрессии со стороны иностранных (недружественных) государств.

В марте 2020 г. Президентом России были утверждены Основы государственной политики в Арктической зоне до 2035 года (далее — Основы), в которых изложены основные подходы к развитию Арктики на стратегическую перспективу. Кроме экономического и социального блоков значительное внимание в документе уделено и военной составляющей, а также обеспечению национальной безопасности.

Систематизация основных задач в сфере обеспечения военной безопасности Российской Федерации в Арктике согласно указанного документа представлена на рис. 1.

Рис. 1. Систематизация основных задач в сфере обеспечения военной безопасности Российской Федерации в Арктике согласно Основам¹

¹ Указ Президента Российской Федерации от 5 марта 2020 г. № 164 «Об Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года».

В качестве показателя, характеризующего эффективность реализации военной политики Российской Федерации в Арктике, в Основах обозначен только один, который касается доли современных образцов вооружения, военной и специальной техники (ВВСТ) в общем количестве вооружения, военной и специальной техники в Арктической зоне Российской Федерации.

С позиции обеспечения национальной и военной безопасности реализация указанных задач направлена на недопущение военных действий против Российской Федерации в Арктическом регионе.

Несомненно, что Основы выступают неким общим вектором развития Арктического региона и поэтому детализация обозначенных в них задач нашла свое воплощение в Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года (далее — Стратегия), утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 26 октября 2020 г. № 645.

В Стратегии в качестве мер по реализации основных задач в сфере обеспечения военной безопасности в Арктической зоне обозначены следующие (рис. 2).

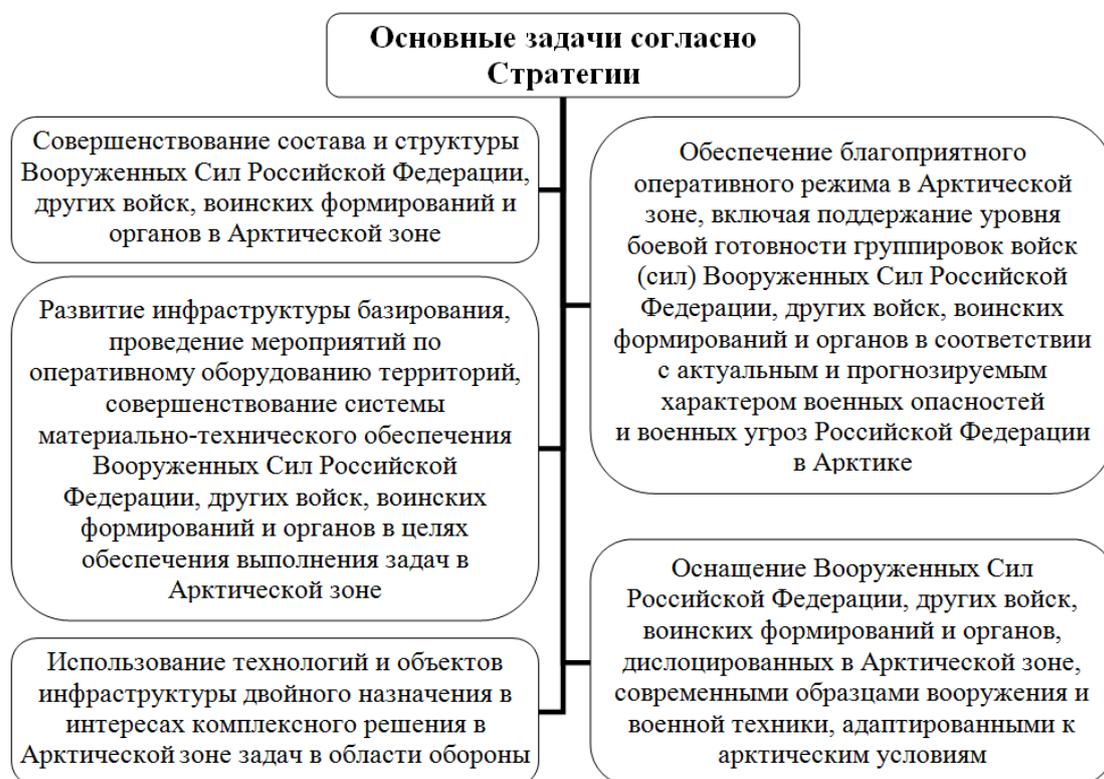

Рис. 2. Систематизация основных задач в сфере обеспечения военной безопасности Российской Федерации в Арктике согласно Стратегии

Вместе тем, в Стратегии не нашло своего отражения количественное значение целевого показателя, указанного в Основах, по доле современных ВВСТ в Арктическом регионе. Кроме этого, считаем этот единственный показатель явно недостаточным для комплексной и системной оценки выполнения задач по обеспечению военной безопасности.

Обозначенные подходы в Основах и Стратегии получили свое закрепление в Едином плане их реализации, утвержденном распоряжением Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2021 г. № 996-р. В течение 2021—2023 годов в Основы, Стратегию и Единый план вносились изменения, но они не коснулись сферы обеспечения военной безопасности

государства в Арктическом регионе, что считаем упущением в связи с изменением военно-политической обстановки в мире.

Таким образом, принятые в 2020 г. Основы рассчитаны на реализацию государственной политики в развитии Арктики на период в 15 лет. Документ направлен, в том числе, и на повышение обороноспособности государства на арктическом направлении. Детализация задач по обеспечению военной безопасности России в Арктике наша свое отражение в соответствующей Стратегии и Едином плане осуществления Основ и Стратегии. Но произошедшие события в 2022 г., переросшие в практически прямую конфронтацию с НАТО на Украине, способствуют нагнетанию напряженности и ведут к повышению

конфликтного потенциала и в Арктическом регионе. Поэтому новые вызовы и угрозы определяют необходимость развития Арктической зоны России, прежде всего, с позиции оборонного макрорегиона.

Библиография

1. Гриняев, С.Н. Вопросы комплексной безопасности в Основах государственной политики России в Арктической зоне до 2035 г.: предыдущий опыт и перспективы реализации / С.Н. Гриняев, В.П. Журавель // Арктика и Север. — 2020. — № 39. — С. 52—74.
2. Холиков, И.В. Влияние арктических прибрежных государств на безопасность в регионе / И.В. Холиков, М.С. Куприянович // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2022. — № 6. — С. 62—69.

Теория и история военного права

Военное право в период проведения боевых действий и во время вооруженного конфликта

© Кахкцян Арсен Сейранович,

подполковник, начальник отделения социально-правового обеспечения отдела воинской дисциплины и социально-правовой работы управления морально-психологического обеспечения Вооруженных Сил Республики Армения

Аннотация. В работе дана характеристика вопросов военного права в период проведения боевых действий и во время вооруженного конфликта. Особое внимание уделено тому, что начало и окончание войны (вооруженного конфликта) имеют важное значение с точки зрения правового регулирования. Вооруженный конфликт не сводится только к отдельным сражениям или военным действиям, она представляет собой продолжительный период времени, в течение которого проявляется явная воля к борьбе путем сражения.

Ключевые слова: международное гуманитарное право, военное право, право вооруженных конфликтов, предмет и метод правового регулирования, подотрасль права, источники права вооруженных конфликтов.

Military law during the period of hostilities and during armed conflict

© Kaghktsyan A.S.,

Lieutenant Colonel Head of the Department of Social and Legal Support, Department of Military Discipline and Social and Legal Support of the Department of Moral and Psychological Support of the Armed Forces of the Republic of Armenia

Abstract. The paper describes the issues of military law during the period of hostilities and during the armed conflict. Particular attention is paid to the fact that the beginning and end of the war (armed conflict) are important from the point of view of legal regulation. Armed conflict is not limited only to individual battles or military actions, it is a long period of time during which there is a clear will to fight through battle.

Keywords: international humanitarian law, military law, law of armed conflicts, subject and method of legal regulation, sub-branch of law, sources of law of armed conflicts.

В настоящее время учеными уделяется значительное внимание военному праву. В исследованиях поднимаются вопросы, носящие системный характер, а также заслуживающие отдельного обсуждения¹. Как

никогда, сегодня являются актуальными вопросы определения правового поля, действующего в период проведения боевых действий, а также во время вооруженного конфликта.

По справедливому утверждению А.В. Кудашкина, военное право возникает, когда государство стремится сохранить

¹ См.: Савенков А.Н., Кудашкин А.В. Военное право: постановка проблемы и пути решения // Государство и право. 2021. № 4. С. 7—34; Дамаскин О.В., Корякин В.М., Холопова Е.Н.

Современные проблемы военного права // Вестник военного права. 2016. № 4. С. 14—22.

свою независимость и определяет свои цели в области вооруженной защиты своей территории или, наоборот, направляет свои усилия на захват других земель¹. Это приводит к возникновению военной деятельности внутри государства, включающей в себя создание вооруженных сил, формирование воинских подразделений, их набор, обучение, обеспечение и так далее. Этот процесс является неотъемлемой и неизбежной частью жизни общества.

Однако степень формализации и интенсивности этого процесса зависит от конкретных исторических условий и целей каждого государства. В результате возникают ритуалы, традиции, законы и обычаи войны, которые становятся основой военного законодательства. Об этом уместно в своем исследовании упоминает и С.Ю. Мироненко².

Военное право регулирует поведение сторон вооруженного конфликта, определяет права и обязанности военнослужащих, а также устанавливает нормы, которые должны соблюдаться во время военных действий. Важно отметить, что военное право является международным и национальным. Международное военное право регулирует отношения между государствами во время вооруженных конфликтов, в то время как национальное военное право устанавливает правила и нормы внутри каждого конкретного государства. С развитием общества и технологий военное право продолжает развиваться и адаптироваться к новым вызовам³.

Например, в последние десятилетия возникла потребность в регулировании кибервойны и использовании беспилотных военных систем. Эти новые аспекты требуют обновления и дополнения существующих

норм и правил военного права⁴. Таким образом, военное право играет важную роль в обеспечении международной безопасности и защите прав и обязанностей военнослужащих. Оно является неотъемлемой частью современного мира и стремится минимизировать гражданские потери и страдания во время вооруженных конфликтов.

Небезынтересна в данном случае позиция Н.Н. Мельника, который утверждает, что военное право представляет собой систему норм, установленных государством, которые определяют правила подготовки и урегулирования войны, правила ведения боевых действий, а также правовой статус участников военной деятельности⁵. Однако важно отметить, что военное право не ограничивается только национальными рамками. Существует и международное военное право, которое регулирует отношения между государствами во время конфликтов.

Международное военное право включает в себя нормы, установленные в различных договорах и соглашениях, а также обычаи и принципы, которые признаются международным сообществом. Важным аспектом военного права является установление прав и обязанностей участников военной деятельности. Это включает военнослужащих, гражданский персонал, а также некомбатантов, таких как медицинский персонал и гражданские лица, находящиеся в зоне боевых действий. Военное право предоставляет им определенные права и защиту, а также устанавливает ограничения и запреты на определенные виды деятельности, которые могут быть незаконными или противоречить гуманитарным принципам⁶.

¹ Кудашкин А.В. «Структурный скелет» отрасли военного права (к вопросу о подотраслях военного права) // Военно-правовое обозрение. 2021. № 4. С. 5.

² Мироненко С.Ю. Особенности применения международного гуманитарного права в период вооруженных конфликтов // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2023. Т. 18. № 3. С. 142.

³ Алиев Ш.М. Правовые последствия начала войны // Евразийский юридический журнал. 2019. № 10 (137). С. 41.

⁴ Балаклеец Н.А. Пространственный аспект современных войн: от традиционной войны к кибервойне // Социодинамика. 2021. № 4. С. 138.

⁵ Мельник Н.Н. Состояние военного права: к дискуссии о его понятии, структуре и путях развития // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2022. № 2. С. 4.

⁶ Цыпин И.И. Проблемы реализации норм международного права в области вооруженных конфликтов в современное время // Право и суд в современном мире : Сборник статей по материалам XIII ежегодной Международной научно-

Важным аспектом военного права является также защита гражданского населения во время вооруженных конфликтов. Международное гуманитарное право устанавливает нормы, направленные на защиту невооруженных гражданских лиц, гуманитарные организации и объекты, такие как больницы и школы. Эти нормы призваны предотвратить ненужные страдания и минимизировать гражданские потери во время военных действий. В современном мире военное право играет важную роль в поддержании мира и безопасности¹.

Оно служит основой для регулирования конфликтов, предотвращения военных преступлений и защиты прав и достоинства участников военной деятельности. Правильное применение военного права способствует соблюдению международных норм и укреплению мирового порядка.

В своем исследовании А.В. Кудашкин, затрагивая вопросы военного права в период проведения боевых действий и во время вооруженного конфликта, совершенно уместно предлагает определить грани метода правового регулирования. По его справедливому утверждению, метод правового регулирования, в контексте военной деятельности государства, представляет собой совокупность правовых приемов и средств, которые используются для воздействия на отношения, связанные с военными конфликтами и боевыми действиями. При этом, как справедливо отмечает автор, он характеризуется преимущественно императивным характером, то есть содержит обязательства и запреты для сторон конфликта, направленные на достижение поставленных целей и задач².

практической конференции студентов и молодых ученых. Российский государственный университет правосудия; под ред. Э. Л. Лещиной, Е. М. Офман. М., 2016. С. 159.

¹ Тиунов О.И. Международное гуманитарное право. М., 2021. С.10.

² Кудашкин А.В. Право вооруженных конфликтов — ядро военного права: проблемы и актуальность современных исследований // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2021. № 12(293). С. 88.

Также следует говорить и о том, что метод правового регулирования включает в себя возможность причинения ущерба инфраструктуре противника, а также жизни и здоровью его военнослужащих. Он также регулирует другие аспекты военных отношений, связанные с подготовкой к вооруженной борьбе, такие как контракты о прохождении военной службы.

Однако стоит отметить, что в условиях ведения боевых действий, а также в сопутствующих отношениях, метод правового регулирования может быть диспозитивным, что означает наличие определенной дискреционности в принятии решений. Это связано с необходимостью приспособиваться к изменяющимся условиям и особенностям каждого конкретного случая военной деятельности³.

В современном понимании важно отметить, что применение вооруженной силы создает возможность использования правовых механизмов для сдерживания агрессии, а при начале вооруженного конфликта — применение правил ведения боевых действий и способов защиты участников конфликта и жертв. Это осуществляется путем реализации комплекса мер, предусмотренных международным правом, включая гуманитарное право вооруженных конфликтов⁴.

Нормативное ограничение начала и окончания войны имеет принципиальное значение, поскольку это определяет применимость соответствующих правовых норм и правил, а также обязательства сторон конфликта в отношении защиты прав и благ всех участников конфликта, включая военнослужащих и гражданских лиц.

Представляет определенный интерес предложение В.А. Батыря о том, что сово-

---

³ Насуханов А.И. Проблемы реализации международных и национальных норм о правах человека в период международных вооруженных конфликтов // Молодой ученый. 2019. № 23 (261). С. 506.

⁴ Алтухова Е.Ю. Действие норм международного гуманитарного права и международного права прав человека в условиях вооруженных конфликтов // Актуальные проблемы современного международного права : Материалы XV Международного конгресса. В 3-х частях. Отв. ред. А.Х. Абашидзе, Н.Н. Емельянова. М., 2018. С. 39.

купность норм, образующих подотрасль военного права, касающегося периода проведения боевых действий, следует именовать как «право военного времени», поскольку соответствующие нормы предназначены для регулирования отношений в особый период военного времени, ограниченного началом и окончанием международных вооруженных конфликтов¹.

Систему права вооруженных конфликтов можно разделить на два основных раздела. Первый раздел включает совокупность правовых норм, которые регулируют ведение боевых действий вооруженными силами и другими воинскими формированиями. Эти нормы определяют разрешенные и запрещенные действия во время вооруженного конфликта, включая использование средств и методов ведения войны. Они включают в себя нормы гуманитарного права вооруженных конфликтов, которые устанавливают правила, направленные на снижение страданий и защиту невооруженного населения, гуманитарных объектов и военнопленных.

Второй раздел включает совокупность правовых норм, которые регулируют правовое положение лиц, вовлеченных в вооруженный конфликт. Эти нормы определяют права и обязанности участников вооруженного конфликта, включая военнослужащих, гражданских лиц, ученых и медицинский персонал. Они также устанавливают правила в отношении защиты прав человека и обеспечения гуманитарной помощи во время конфликта. Каждая группа указанных отношений в зависимости от степени интенсификации правового регулирования может образовать или правовой институт, или субинститут в составе института.

Ведение боевых действий сторонами, участвующими в вооруженном конфликте, должно происходить в определенных пространственных пределах, в которых может возникнуть вооруженный конфликт. Территория, на которой может происходить

вооруженный конфликт, называется «зоной военных действий» или «театром военных действий». Таким образом, в случае агрессии против Российской Федерации нормы военного права применяются за пределами территории Российской Федерации.

Нормы военного права приобретают характер экстерриториальности, поскольку правомерны не только оборонительные, но и наступательные военные действия. В случае агрессии против Российской Федерации нормы военного права приобретают характер экстерриториальности, распространяясь на территорию государства (группы государств) — агрессора в силу правомерности как наступательных, так и оборонительных действий².

Ряд ограничений и запретов при ведении боевых действий за пределами территории Российской Федерации создают нормы международного права, которые имеют важное значение в поддержании гуманности и минимизации разрушений в вооруженных конфликтах. Эти нормы, содержащие исключения из театра войны и устанавливающие порядок расположения специальных зон как мест укрытия жертв, являются неотъемлемой частью международного права о правилах ведения вооруженных конфликтов. Прежде всего, следует подчеркнуть, что международное право устанавливает обязанность соблюдения определенных норм и ограничений в ведении боевых действий.

Одним из ключевых принципов является принцип дифференциации, который позволяет отличить гражданских лиц и гражданские объекты от военных целей. Гражданские объекты, такие как больницы, школы, объекты инфраструктуры и

¹ Батырь В.А. Международное гуманитарное право и право вооруженных конфликтов: вопросы соотношения // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2021. № 12 (293). С. 8.

² Пузырева Ю.В. К вопросу о реализации норм по правам человека в период вооруженных конфликтов // Актуальные проблемы международного сотрудничества в борьбе с преступностью : Сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции, приуроченной к 70-летию принятия Генеральной Ассамблеей Организация Объединенных Наций Всеобщей декларации прав человека 1948 года. Под общ. ред. Д.Д. Шалягина. М., 2019. С. 126.

места пребывания мирного населения, должны быть защищены и не подвергаться нападению.

Специальные зоны, которые служат местами укрытия для жертв вооруженных конфликтов, создаются в соответствии с международными нормами. Эти зоны предоставляют убежище для гражданских лиц, которые находятся в зоне конфликта, и способствуют минимизации негативных гуманитарных последствий военных действий¹.

Порядок создания и обозначения специальных зон должен быть четко определен нормами военного права. Они должны быть нейтральными и защищены от нападений, чтобы обеспечить безопасность мирного населения. Важно также соблюдать принцип пропорциональности, чтобы минимизировать ущерб гражданским объектам и жизни мирных жителей в ходе вооруженных действий. Кроме того, международное право также устанавливает порядок невраждебных контактов с противником и информирования его о создании специальных зон и других мер, направленных на соблюдение гуманитарных норм. Это способствует предотвращению ненужных столкновений и способствует диалогу между сторонами конфликта².

В заключение следует определить, что нормы международного права, включая ряд ограничений и запретов при ведении боевых действий за пределами территории Российской Федерации, играют важную роль в соблюдении гуманности в вооруженных конфликтах. Они направлены на защиту гражданских лиц и объектов, а также на соблюдение принципов дифференциации и пропорциональности. Соблюдение этих норм способствует уменьше-

нию страданий во времена войны и укреплению мира и безопасности в мировом обществе.

Библиография

1. Алиев, Ш.М. Правовые последствия начала войны / Ш.М. Алиев // Евразийский юридический журнал. — 2019. — № 10 (137). — С. 39—42.
2. Алтухова, Е.Ю. Действие норм международного гуманитарного права и международного права прав человека в условиях вооруженных конфликтов / Е.Ю. Алтухова // Актуальные проблемы современного международного права : Материалы XV Международного конгресса. В 3-х частях. Отв. ред. А.Х. Абашидзе, Н.Н. Емельянова. 2018. — С. 37—45.
3. Балаклеец, Н.А. Пространственный аспект современных войн: от традиционной войны к кибервойне / Н.А. Балаклеец // Социодинамика. — 2021. — № 4. — С. 136—149.
4. Батырь, В.А. Международное гуманитарное право и право вооруженных конфликтов: вопросы соотношения / В.А. Батырь // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2021. — № 12 (293). — С. 6—29.
5. Безверхий, А.И. Проблемы соблюдения норм международного гуманитарного права в условиях вооруженного конфликта / А.И. Безверхий, Т.С. Еремеева // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. — 2018. — № 82. — С. 43—46.
6. Дамаскин, О.В. Современные проблемы военного права / О.В. Дамаскин, В.М. Корякин, Е.Н. Холопова // Вестник военного права. — 2016. — № 4. — С. 14—22.
7. Корженяк, А.М. К вопросу о запрещённых методах и средствах ведения военных действий в контексте современного международного гуманитарного права и права международной безопасности / А.М. Корженяк // Международное право. — 2021. — № 4. — С. 53—70.
8. Кудашкин, А.В. «Структурный скелет» отрасли военного права (к вопросу о подотраслях военного права) / А.В. Кудашкин // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2021. — № 4. — С. 2—12.
9. Кудашкин, А.В. Право вооруженных конфликтов — ядро военного права: проблемы и актуальность современных исследований / А.В. Кудашкин // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2021. — № 12 (293). — С. 86—91.
10. Мельник, Н.Н. Состояние военного права: к дискуссии о его понятии, структуре и путях развития / Н.Н. Мельник // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2022. — № 2. — С. 2—9.

¹ Безверхий А.И., Еремеева Т.С. Проблемы соблюдения норм международного гуманитарного права в условиях вооруженного конфликта // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2018. № 82. С. 44.

² Корженяк А.М. К вопросу о запрещённых методах и средствах ведения военных действий в контексте современного международного гуманитарного права и права международной безопасности // Международное право. 2021. № 4. С. 55.

11. Мироненко, С.Ю. Особенности применения международного гуманитарного права в период вооруженных конфликтов / С.Ю. Мироненко // Труды Института государства и права Российской академии наук. — 2023. — Т. 18. — № 3. — С. 142—163.

12. Насуханов, А.И. Проблемы реализации международных и национальных норм о правах человека в период международных вооруженных конфликтов / А.И. Насуханов // Молодой ученый. — 2019. — № 23 (261). — С. 504—506.

13. Пузырева, Ю.В. К вопросу о реализации норм по правам человека в период вооруженных конфликтов / Ю.В. Пузырева // Актуальные проблемы международного сотрудничества в борьбе с преступностью : Сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции, приуроченной к 70-летию принятия Генеральной Ассамблеей Организация

Объединенных Наций Всеобщей декларации прав человека 1948 года. Под общ. ред. Д.Д. Шалягина. — М., 2019. — С. 124—128.

14. Савенков, А.Н. Военное право: постановка проблемы и пути решения / А.Н. Савенков, А.В. Кудашкин // Государство и право. — 2021. — № 4. — С. 7—34.

15. Тиунов, О.И. Международное гуманитарное право / О.И. Тиунов. — М., 2021.

16. Цыпин, И.И. Проблемы реализации норм международного права в области вооруженных конфликтов в современное время / И.И. Цыпин // Право и суд в современном мире : Сборник статей по материалам XIII ежегодной Международной научно-практической конференции студентов и молодых ученых. Российский государственный университет правосудия; под ред. Э.Л. Лещиной, Е.М. Офман. — М., 2016. — С. 158—165.

Война как разновидность военного конфликта: современные теоретико-правовые подходы к ее сущности, содержанию и разновидностям

© Тарадонов Сергей Валерьевич,
кандидат юридических наук, доцент, профессор
кафедры теории и истории государства и права
Военного университета имени князя Александра
Невского Минобороны России

Аннотация. Статья продолжает тему, посвященную исследованию терминологии, применяемой при рассмотрении вопросов правового регулирования военных конфликтов, анализируется такое социально-политическое явление как «война», предпринимается попытка определить место «войны» в системе современных военных противоборств.

Ключевые слова: военный конфликт, война, вооруженный конфликт, право вооруженных конфликтов, право войны, законы и обычаи войны, военное право

War as a kind of military conflict: modern theoretical and legal approaches to its essence, content and varieties

© Taradonov S.V.,
Sc. Law, docent, the professor of the Theory and
History of State and Law Department of the Military
University

Annotation. The article continues the topic devoted to the study of terminology used when considering issues of legal regulation of military conflicts, analyzes such a socio-political phenomenon as "war"; an attempt is made to determine the place of "war" in the system of modern military confrontations.

Key words: military conflict, war, armed conflict, law of armed conflict, law of war, laws and customs of war, military law.

Военные конфликты сопровождали человеческое общество на всей истории его развития и, к сожалению, с высокой степенью вероятности эта тенденция продолжится в неопределенном будущем.

Из последних пяти с половиной тысяч лет истории человечества только около 250—300 лет могут считаться относительно мирными. В остальное время на нашей планете бушевали различные военные конфликты, произошло более 14,5 тыс. войн, в которых погибло свыше 3,6 млрд человек¹.

Анализ исторического опыта войн позволяет прийти к выводу, что не существует войн, похожих друг на друга. Это

определяет актуальность осмысления современных подходов к понятию «война» и ее сущности.

В научной среде взгляды многих отечественных и зарубежных исследователей на определение и сущность военного конфликта, войны, вооруженного конфликта различны², поскольку стремления ученых определить трактовки указанных социальных явлений обусловлены существенными изменениями в их содержании³. В настоя-

¹ Серебрянников В.В. Социология войны. М.: Научный мир, 1997.

² Необходимо отметить, что познанием войны занимается эпистемология (гносеология), в основе которой лежит философия военной науки. Отюцкий Г.П. Философия войны: структура, задачи и функции // Военная мысль. 2010. № 3. С. 74.

³ Сержантов А.В. Современное понимание сущности и содержания войны // Вестник Академии военных наук. 2013. № 2. С. 20.

щее время значительнее проявляется гибридный характер военных конфликтов, что обуславливает потребность научного анализа особенностей войн и вооруженных конфликтов современности, а также разработки новых классификаций форм разрешения экономических, политических, религиозных и иных противоречий между субъектами, обладающими военной силой.

Ведущие военные ученые и сегодня уделяют категории «военного конфликта» самое пристальное внимание¹. Эти вопросы ранее также были предметом внимания автора².

Конфликт (от лат. *conflictus* — столкновение), столкновение противоположных интересов, взглядов, стремлений; серьезное разногласие, острый спор, приводящий к борьбе³.

Термин «военный конфликт» используется в доктрине и научной литературе как собирательное наименование любых форм разрешения межгосударственных и внутригосударственных противоречий с применением военной силы, объединяющее собой все виды вооружённого противостояния⁴.

¹ Военное право / Е.А. Глухов, В.М. Корякин, А.В. Кудашкин [и др.]. Том III. Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Центр правовых коммуникаций», 2022. С. 14—130; Кудашкин А.В., Безбабнов О.Г. Вооруженные конфликты и право: еще раз возвращаясь к терминологии // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2023. № 7(312). С. 2—11; Кудашкин А.В., Кудашкин В.В. Право военных конфликтов или право вооруженных конфликтов: соотношение понятий, место в правовой системе и системе права России // Военное право. 2023. № 4 (80). С. 25—43.

² Джиеова Э.Э., Тарадонов С.В. К вопросу о понятии «война» в современном мире // Научный вестник Гуманитарно-социального института. 2023. № 17. С. 10; Тарадонов С.В. Военный конфликт как форма разрешения противоречий, проблемы институционализации // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2023. № 9 (314).

³ Большая советская энциклопедия : в 30 т. / 3-е изд. М.: Совет. энцикл., 1969 — 1986; Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / под ред. Л.И. Скворцова. 26-е изд., испр. и доп. М.: Оникс [и др.], 2009.

⁴ Калмыков П. Теория и практика предотвращения военных конфликтов современности // Власть.

Вместе с тем, в научной литературе высказано вполне обоснованное мнение, что понятия «конфликт» и «война» с точки зрения толкования русского языка не могут считаться синонимами. Например, С.И. Ожегов определяет «конфликт» как столкновение противоположных интересов, взглядов, стремлений; серьезное разногласие, острый спор, приводящий к борьбе⁵. При этом «война» — это не просто «столкновение», и уж тем более не «разногласие» или «спор». Не преследуя цели констатации базовых вещей, но вполне возможно согласиться с мнением, что термин «военный конфликт» несколько размывает такое страшное для любого народа, государства явление, как война⁶.

Военная доктрина Российской Федерации (далее — Военная доктрина) определяет военные конфликты в форме войны, дифференцируя их на крупномасштабные, региональные, локальные войны⁷.

Война (от лат. *bellum*; англ. *war*) — это социально-политическое явление, представляющее собой крайнюю форму разрешения политических, экономических, идеологических, национальных, религиозных, территориальных и других противоречий между государствами, народами, нациями и социальными группами с применением военной силы противостоящими сторонами. Сам термин «война», происхо-

2007. № 4. С. 75—77; Калистратов А. Война и современность // Армейский сборник. 2017. № 7. С. 5; Конфликт военный // Военная энциклопедия / И.Д. Сергеев. М.: Военное издательство, 1999. Т. 4. С. 165—166; Смутьский С.В. Идентификация военного конфликта (методологические и теоретические ориентиры) // Полис. 1995. № 4. С. 158; Магруппов И.Р. Понятие и характеристика военных конфликтов // Новая наука: Опыт, традиции, инновации. 2017. Т. 1. № 2. С. 45—48; Родионов И.Н. Конфликт военный // Военная энциклопедия в 8 т. 2-е изд. М.: Военное издательство, 1999. Т. 4. С.165—166; Конфликт военный // Советская военная энциклопедия. М.: Военное издательство, 1979. Т. 4. С. 331.

⁵ Ожегов С.И. Указ. соч.

⁶ Казарин П.С. О соотношении понятий «война и вооруженный конфликт» // Вестник военного образования. 2018. 12 ноября.

⁷ Подп. «г» п. 8 Военной доктрины Российской Федерации (утв. Президентом Российской Федерации 25 декабря 2014 г. № Пр-2976).

дящий от древнегерманского слова «werra», имеется во всех языках народов мира на всех исторических этапах их развития.

В научной литературе имеются разных подходы к пониманию войны как формы разрешения противоречий. К. Клаузевиц представлял войну как акт насилия, имеющий целью заставить противника выполнять нашу волю¹.

Б.Х. Лиддел Гарт утверждал, что война является совокупностью различных способов напряжённой борьбы, среди которых значительное место занимают невоенные способы формы борьбы. Подготовка и ведение войны в целом относится к области политики, которая является делом высшего политического руководства страны².

А.С. Манькин, ссылаясь на общепризнанность определения войны (особого вида конфликта), даёт ей следующее определение: «Война есть продолжительное сражение между военными силами двух или более государств или одного государства и организованной группы с использованием оружия и гибелью на поле боя не менее 1 тыс. человек в год»³.

В.А. Махонин называет любую войну или военный конфликт «вооружённым конфликтом». По его мнению, «война является способом разрешения противоречий между субъектами военно-политических отношений средствами вооружённого насилия, используемыми в широких масштабах», а военный конфликт также выступает как «способ разрешения противоречий между субъектами военно-политических отношений», но уже с использованием «в ограниченных масштабах вооружённых сил (военных формирований)». Кроме того, В.А. Махонин, приводя формально-логические основания, указывает на то, что война, имеющая большее

содержание, но меньший понятийный объём по сравнению с военным конфликтом, представляет его (военного конфликта) разновидность⁴.

А.И. Малышев делает вывод, что война — это явление социально-политическое, при котором стороны конфликта решают свои политические цели как военными средствами, так и формами борьбы мирного времени, находясь в состоянии, требующем мобилизации всех материальных ресурсов и духовных сил сторон⁵.

Представляется, что последнее определение вполне удачно, т.к. содержит основополагающие ключевые признаки понятия «война». Вместе с тем, на современном этапе не только политика определяет сущность войны. При таком гносеологическом подходе природа войны определяется сначала сущностью политики, потом сущностью экономики и так далее, а природа самой войны как формы военного противоборства остаётся невыясненной⁶. Однако подчеркнем, что и сегодня политика по-прежнему имеет релевантное значение среди всех причин войн, но её роль необходимо учитывать только во взаимодействии с экономическими, духовными, социальными и иными причинами возникновения войн.

Как уже было отмечено выше, основная доктринальная дифференциация современных войн проводится по масштабу — локальная, региональная и крупномасштабная.

Локальная война (от лат. *localis* — местный) — это вооружённое противобор-

¹ Клаузевиц К. О войне. Кн. 1 (1-4) / пер. с нем. А.К. Рачинского. М.: Изд. РИМИС, 2009. С. 26.

² Лиддел Гарт, Бэзил. Стратегия не прямых действий : [перевод с английского] / Бэзил Лиддел Гарт. М.: Издательство АСТ, 2018. С. 15.

³ Основы общей теории международных отношений : учебное пособие / под ред. А.С. Манькина. М.: Изд-во МГУ, 2009. С. 427, 432.

⁴ Махонин В.А. Вооружённые конфликты: понятия классификация, причины возникновения // Военная мысль. 2010. № 8. С. 6—8; Махонин В.А. Об уточнении соотношения между понятиями «военный конфликт» и «война» // Военная мысль. 2011. № 12. С. 56.

⁵ Малышев А.И., Пивоваров Ю.Ф., Хახалев В.Ю. Категории «война» и «вооружённый конфликт»: сходство и различие // Военная мысль. 2022. № 2. С. 30.

⁶ Смутьский С.В. Теоретическо-методологические аспекты анализа сущности и причин войн // Философско-методологические проблемы анализа современных войн и вооружённых конфликтов. М., 1996. С. 64—72.

ство, в котором преследуются ограниченные военно-политические цели, военные действия ведутся в границах противоборствующих государств, и которая затрагивает преимущественно интересы только этих государств (территориальные, экономические, политические и другие).

Локальная война может перерасти в региональную войну (от лат. *regio* — область, район), которая ведется с участием нескольких государств одного региона, ведущаяся национальными или коалиционными вооруженными силами, в ходе которой стороны преследуют важные военно-политические цели.

Крупномасштабная война — война между коалициями государств или крупнейшими государствами мирового сообщества, в которой стороны преследуют радикальные военно-политические цели. Крупномасштабная война может стать результатом эскалации вооруженного конфликта, локальной или региональной войны с вовлечением значительного количества государств разных регионов мира. Эта война потребует мобилизации всех имеющихся материальных ресурсов и духовных сил государств-участников.

В Военной доктрине также закреплены классификации войн по иным основаниям. В частности, войны по военно-политическим целям делятся на справедливые (т.е. не противоречащие Уставу ООН, основополагающим нормам и принципам международного права, ведущиеся в порядке самообороны стороной, подвергшейся агрессии, национально-освободительные войны) и несправедливые (противоречащие Уставу ООН, основополагающим нормам и принципам международного права, подпадающее под определение агрессии и ведущиеся стороной, предпринявшей вооруженное нападение; например, захватнические или колониальные войны). По применяемым средствам войны различаются на противоборства: с применением ядерного и др. видов оружия массового уничтожения; с применением только обычных средств поражения.

Обобщая взгляды отечественных и зарубежных ученых, возможно выделить ряд характерных признаков, концептуально определяющих сложившиеся в доктринальной науке классические подходы к сущности категории «война»:

1. Война — это разновидность социально (общественно)-политического явления, проявляющееся в форме государственного вооруженного насилия. Война всегда глобальный социальный конфликт, которые приводит все общество в особое состояние.

2. Война как социальное явление появилась только с формированием первых государств. В свою очередь термины «военный конфликт» и «вооруженный конфликт» стали активно использоваться в научно-практическом обороте только со второй половины прошлого столетия.

3. Войны всегда возникают и проводятся исключительно между субъектами (актерами) международного права, в качестве которых выступают государства или их коалиционные военно-политические союзы (коалиции). Этот тезис подтверждается, в том числе и исследованиями западных ученых. Например, испанский юрист Ф.О. Валле отмечает, что «с точки зрения международного права понятие «война» может употребляться единственно к вооруженной борьбе между членами международного сообщества; все остальные столкновения могут быть названы «вооруженным конфликтом», «военным вмешательством»¹.

4. Целями противостоящих в современной войне сторон, как правило, являются поражение вооруженных сил противника, смена власти, захват территории либо осуществление контроля над какой-то ее частью.

5. Основной формой противоборства в ходе войны, как правило, выступает вооруженное насилие, применяемой с обеих сторон конфликта, либо по крайней мере, с одной стороны, при условии явного противостояния с другой.

¹ O'Valle F. La Guerra y el derecho. Madrid. 1974. P. 47—48.

6. В ходе войны реализуются все формы и средства разрешения противоречий (политические, дипломатические, экономические, информационные, идеологические и др.). Эти формы борьбы ведутся и в мирное время, но с момента проявления угрозы агрессии или начала войны, все они продолжают реализовываться с наивысшим напряжением.

7. В результате вооруженной противостояния, как правило, есть жертвы: летальные или нелетальные.

8. Война имеет определенные временные рамки (между ее началом и окончанием), именуемые военным временем. Согласно разъяснению, данному в п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 мая 2023 г. № 11, «военным временем является период с момента объявления федеральным законом состояния войны в случае вооруженного нападения (агрессии) на Российскую Федерацию другого государства или группы государств, а также в случае необходимости выполнения международных договоров Российской Федерации либо с момента фактического начала военных действий до момента объявления об их прекращении, но не ранее фактического прекращения»¹.

9. С момента объявления войны либо с фактическим началом военных действий государство переходит в особое состояние войны, которое требует мобилизации всех материальных и духовных ресурсов страны. Вся военно-политическая инфраструктура задействуется в интересах войны, а экономика страны полностью или частично переводится на военный лад.

Состояние войны для государства коренным образом отличается от мирного состояния страны. Вполне логичен вывод, что именно *нахождение государства в состоянии войны* (состоянии, отличном от мирного, выделено мной — *авт.*) является важнейшим релевантным признаком, поз-

воляющим разграничивать войны от вооруженных конфликтов².

10. При непосредственной угрозе войны (агрессии) или её объявлении на территории страны или в отдельных ее местностях вводится военное положение, проводится всеобщая или частичная мобилизация. Введение военного положения влечет реализацию мер по ограничению общественных свобод, а также влечет легализацию и применение дополнительных мер общественного принуждения³.

11. Вводится в действие «законодательство военного времени» как комплексный массив нормативных правовых актов, подлежащих применению с момента объявления состояния войны или фактического начала военных действий, регулирующий общественные отношения в условиях военного конфликта и обеспечивающий вооруженную защиту страны, устойчивое существование социальной системы государства, выполнение международных договоров и победу в войне⁴.

12. Военное время и состояние войны прекращаются в момент объявления о прекращении военных действий, но не ранее их фактического прекращения. При этом, объявления о фактическом прекращении военных действий могут реализовываться в формах перемирия (местного или общего), применения временных мер (статья 40 Устава ООН), заключения прелиминарных (предварительных) мирных договоров и объявления о капитуляции.

13. Войны между государствами, как правило, завершаются путем подписания мирных договоров, либо в результате инициативы одной стороны или принятием двухсторонней декларации.

² Малышев А.И. Сущность и содержание войн и вооруженных конфликтов. Предложение по их классификации по масштабам // Сборник материалов круглого стола «Трансформация войны и перспективные направления развития военных конфликтов». М.: ВАГШ ВС РФ. 2023. С. 74.

³ См. ст. 7 и 8 Федерального конституционного закона от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении».

⁴ Тарадонов С.В., Норенко И.В. К вопросу о понятии «законодательство военного времени» // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2022. № 11(304). С. 8.

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 мая 2023 г. № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы».

14. Война всегда завершается победой одной из противостоящих сторон и поражением другой. В этом также проявляется явное отличие войны от вооруженного конфликта, в котором победа необязательна. В свою очередь, вооруженный конфликт может окончен путем применения различных форм и способов прекращения военных действий.

Подчеркнем, что приведенный выше перечень признаков войны не является исчерпывающим, а иногда в конкретных, реальных войнах некоторые из них могут отсутствовать, либо проявляются иные, не обозначенные выше критерии. Это связано, с одной стороны, с перманентным характером войны как социального явления, а с другой — с саморефлексией процесса познания социальной жизни и истории человечества¹. Вместе с тем полагаем, что наличие в совокупности отмеченных выше признаков отражает «классическое» понимание сущности войны и позволяет отнести конкретное вооруженное противостояние к войне.

С юридической точки зрения целесообразно уделить внимание правовым аспектам начала и прекращения войн. Объявление начала войны и ее завершение — исключительная компетенция государственной власти или руководства противостоящих социальных сил².

Война характеризуется формальным актом её объявления — это юридическая, дипломатическая процедура, закрепленная в международном праве и международной политике, которая заключается в официальном предупреждении в установленном порядке одним государством другого о прекращении между ними мира и переходе в состояние войны. В соответствии со ст. 1 III Гагской конвенции об открытии военных действий от 18 октября 1907 г.³ не-

правомерно начинать войну без предварительного, недвусмысленного предупреждения, имеющего форму мотивированного объявления или ультиматума, содержащего требования выполнить определенные условия в указанный срок под угрозой применения мер воздействия вплоть до вооруженного нападения. О состоянии войны также должны быть немедленно уведомлены нейтральные державы (ст. 2 III Гагской конвенции 1907 г.).

Тем не менее, известно множество случаев нарушения этих положений, среди которых наиболее показательными являются вероломное нападение Германии на СССР и Японии на Перл-Харбор (США) в 1941 г. Следует констатировать, что со второй половины XX в. противостоящие государства, как правило, не только не объявляют войну своему противнику, но и не используют термин «война» для наименования вооруженного противостояния. Например, за всю историю США конгресс только пять раз объявлял войну (всего было сделано 11 объявлений войны, так как некоторые войны происходили против нескольких государств; последнее объявление войны США сделали во Вторую мировую войну). При этом по состоянию на 1996 г. США открыто использовали вооруженное насилие за пределами своей страны 234 раза⁴. Даже такие крупные войны как в Корее, Вьетнаме, Ираке, в которых применялись американские войска, были необъявленными.

Как обоснованно отмечают военные ученые, «войны сегодня не объявляются, а просто начинаются. ... В военных конфликтах будущего, по мере исчезновения различий между состоянием мира и войны, эта тенденция, скорее всего, будет продолжаться»⁵.

МИД СССР относительно Гагских конвенций и деклараций 1899 и 1907 гг. Международное право : сборник документов. М., 2000. С. 671.

⁴ Michael V. Bhatia. War and Intervention: Issues for Contemporary Peace Operations. Kumarian Press, 2003. С. 1; Richard F. Grimmett. Instances of Use of United States Armed Forces Abroad, 1798—2009. Congressional Research Center, 2010.

⁵ Попов И.М., Хамзатов М.М. Война будущего: Концептуальные основы и практические выводы.

¹ Лутовинов В.И., Мотин Ю.Н. Военно-политические процессы в мире и в России : учебное пособие. — Изд. 2-е / под общ. ред. А.А. Прохожева. М.: Изд-во РАГС, 2009. С. 41.

² Военное право : учебник / И.Н. Арцибасов, В.П. Серегин, Х.М. Ахметшин; под ред. А.Г. Горного. М.: Воениздат, 1984.

³ Советский Союз признал данную конвенцию имеющей для него силу только в 1955 г. См.: Нота

Согласно п. 1 ст. 18 Федерального закона «Об обороне» состояние войны объявляется федеральным законом в случае вооруженного нападения на Российскую Федерацию другого государства или группы государств, а также в случае необходимости выполнения международных договоров Российской Федерации.

С момента объявления войны, независимо от того, начались ли военные действия или нет, противоборствующие стороны юридически находятся в состоянии войны. Вступают в действие нормы международного гуманитарного права, налагающих ряд дополнительных прав и обязанностей на стороны военного конфликта, требующих соблюдения следующих условий:

— наличие формального акта объявления войны;

— разрыв дипломатических отношений между государствами-сторонами конфликта;

— прекращение всех двусторонних договоров (в т.ч. торговых и политических) между субъектами, находящимися под юрисдикцией разных сторон военного противоборства;

— введение в действие специального правового режима для комбатантов и мирного населения. Основой этих режимов являются Женевские конвенции о защите жертв войны 1949 г., Дополнительные протоколы к ним 1977 г., различные соглашения, конвенции, протоколы, резолюции Генеральной Ассамблеи ООН и другие документы;

— имущество, принадлежащее непосредственно государству-военному противнику, подлежит конфискации (за исключением имущества, относящегося к дипломатическим и консульским представительствам, а также личному имуществу граждан подданных государства-противника).

Разумно полагать, что в том числе и в целях избежания императивности наступления вышеуказанных последствий, необ-

ходимости безусловного соблюдения норм международного права, с середины второй половины XX в. ведущие страны стали отказываться от употребления термина «война», заменив его «военным» или «вооруженным конфликтом».

Кроме того, как уже было отмечено, объявление состояние войны всегда предусматривает ограничение общественных свобод и расширение мер общественного принуждения, что для современных высокоразвитых государств и их социумов не всегда является целесообразным.

Именно этими причинам, а также получением тактических преимуществ в начальный период вооруженного противостояния возможно объяснить, почему войны, как правило, и не объявляются.

Конечным моментом военного времени следует считать время, когда высшими органами государственной власти официально объявлено о прекращении (окончании) военных действий, но не ранее их фактического прекращения. Это влечет за собой завершение периода соблюдения, исполнения, использования и применения норм законов военного времени¹. Формами прекращения военных действий могут являться перемирие и капитуляция. Конвенцией о законах и обычаях сухопутной войны 1907 г.² определено, что перемирие приостанавливает военные действия по взаимному соглашению воюющих сторон. Капитуляция — это прекращение сопротивления вооруженных сил или их части на театрах военных действий³. И, тем не менее, режим военного времени или состояния войны они не прекращают.

Конечно, основополагающим международно-правовым средством прекращения состояния войны является заключение

¹ Никонов Д.А. Отечественное чрезвычайное военное законодательство: 1920—1941 гг.: историко-правовое исследование : дис. ... канд. юрид. наук. СПб.: РГБ, 2007. С. 37.

² См.: ст. 31—45 IV Гагской конвенции о законах и обычаях сухопутной войны от 18 октября 1907 г.

³ См., например, Акт о капитуляции Германских вооруженных сил: Подписан в Берлине 8 мая 1945 г. // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, включенных СССР с иностранными государствами. Вып. XI. М., 1955. С. 82—83.

мирного договора между воюющими сторонами. Его заключение порождает следующие правовые последствия:

— прекращают применение установленные законы и обычаи войны;

— между государствами возобновляются дипломатические отношения: заключаются новые или возобновляют действие ранее заключенные международные договоры;

— подлежат взаимному возврату военнопленные, репатрируется гражданское население, находящиеся на территории бывшего противника;

— производится вывод войск с территории государства-противника;

— проводятся мероприятия по разминированию минных полей и траление морских мин;

— обсуждаются и разрешаются вопросы привлечения к политической и материальной ответственности государств, а также применение мер уголовной ответственности к военным преступникам.

Состояние войны может быть прекращено и другими способами: в результате инициативы одной стороны¹ или принятием двухсторонней декларации².

Однако здесь необходимо отметить проблему правового несоответствия, требующую, на наш взгляд, дополнительной теоретической проработки. Речь, в частности, идет об Указе Президиума Верховного Совета СССР от 25 января 1955 г. «О прекращении состояния войны между Советским Союзом и Германией», поскольку еще в 1949 г. вместо единой Германии было образовано два самостоятельных германских государства — ФРГ (23 мая 1949 года) и ГДР (7 октября 1949 года).

Все вышеуказанные случаи юридического и фактического прекращения войны (военных действий) влекут окончание во-

енного времени, что обуславливает и прекращение действия законодательства военного времени.

Война постоянно меняет свой облик, является хамелеоном (К. Клаузевиц). Наличие в современном военном конфликте значительного количества участников создает условия для его лабильной трансформации. Как справедливо отмечают военные ученые И.М. Попов и М. М. Хамзатов, военные конфликты современности «неизбежно носят смешанный, комбинированный, «гибридный» характер»³.

Категория «война» эволюционировала от понятия, основанного на простом военном столкновении противников в целях расширения своего жизненного пространства и укрепления экономической мощи, до политического акта, самостоятельного и наиболее эффективного инструмента как ведущих держав, так и негосударственных политических игроков, использующих в своей политике весь арсенал сил и средств.

В военной и политологической науке с учетом особенностей современных военных конфликтов широко используется различные понятия, составной частью которых является термин «война». При этом, в имеющейся нормативной классификации, закрепленной в Военной доктрине, не закреплены различные виды так называемых «войн», которые активно используются в СМИ — «холодная», «гибридная», «санкционная», «экономическая», «террористическая», «информационная», «дипломатическая», «торговая», «идеологическая», «гуманитарная».

Следует признать, что к классической войне (в современной трактовке данного понятия) эти виды «войн» имеют весьма отдаленное отношение, однако не имеется и достаточных оснований для умозаключения, что это просто «безобидные» журналистские штампы. Масштабные скоординированные враждебные действия коллективного Запада против России, особенно активизировавшиеся и многократно усилившиеся после начала СВО, не оставляют сомнений, что каждая из этих «войн» имеет самостоятельное значение как фор-

¹ О прекращении состояния войны между Советским Союзом и Германией : Указ Президиума Верховного Совета СССР от 25 января 1955 г. // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938—1975, Т. 2. М., 1975. С. 9—10.

² Совместная декларация СССР и Японии (принята в Москве 19 октября 1956 г.; ратифицирована СССР 8 декабря 1956 г.; вступила в силу 12 декабря 1956 г.) // Ведомости ВС СССР. 1982. № 21. Ст. 355.

³ Попов И.М., Хамзатов М.М. Указ. соч.

ма противоборства. Поэтому наличие многоаспектных названий войн в значительной степени вызвано необходимостью дать дефиниции реально существующим явлениям и непосредственно связано с нерешенностью ряда доктринальных фундаментальных проблем военной науки в целом и военно-правовой науки в частности.

Реализация противоборства в перечисленных выше сферах повлекло появление в научном обороте и СМИ таких терминов, как гибридная война, ментальная война, когнитивная война, сетецентрическая война, прокси-война и многих других. Ограниченные объемом настоящей статьи, рассмотрим только обозначенные.

Гибридная война — это противоборство, в котором военные силы играют лишь небольшую роль, а основное значение имеют политические, экономические, информационные враждебные действия¹. Гибридная война рассматривается как новый вид межгосударственного противоборства, основанного на использовании комбинаций обычных, нерегулярных и асимметричных средств в сочетании с постоянными манипуляциями политическим и идеологическим конфликтом².

Ментальная война — это противоборство, направленное на уничтожение самосознания основы общества, цивилизационных основ общества, создание ложных представлений об окружающей обстановке.

Когнитивная война — это противоборство, воздействующее на высший уровень мышления человека, его смыслы и ценности, которые определяют его поведение. Меняя их, меняется интерпретация физических событий окружающего мира, что в результате ведет его к иному типу поведения человека.

Сетецентрическая война (от англ. *network-centric warfare*) — это вооруженное противоборство, при котором все

участники боевых действий (командование, военная техника, живая сила) объединены в единую информационную сеть. Такой подход позволяет повысить как синхронизацию подразделений, так и скорость командования.

Прокси-война — это вооруженное противоборство между двумя государствами на территории одного из государств, спровоцированный другим государством (третьей стороной конфликта), непосредственно не участвующей в военных действиях, но оказывающей активную ресурсную, политическую, информационную и военную поддержку (война на чужой территории чужими руками)³. По сути, СВО как раз и является ярким примером такого военного конфликта.

Характер и содержание современных войн перманентно меняется не только вследствие создания принципиально нового и модернизации имеющегося вооружения, способов и форм их применения, но и в результате разрастания технологий использования политических, дипломатических, экономических, информационных и иных невоенных мер. При этом, в обозримой перспективе дальнейшее увеличение роли невоенных мер будет расти, и с высокой степенью вероятности их объем и эффективность будет преобладать над вооруженными средствами противоборства.

Все это ставит перед военной наукой задачу пересмотра классического понимания содержания войны. Однако, так как невоенные меры противоборства применяются практически всегда (как совместно с применением средств вооруженной борьбы, так и обособленно), то пересмотр содержания войны в пользу приоритета невоенных мер повлечет такие теоретико-правовые контраргументы, что безусловно будет неприемлемым для ясности понимания сущности категории «война».

¹ Панарин И.Н. Гибридная война. М. 2017.

² Холиков И.В. Гибридная война как многовекторная угроза национальной безопасности России в условиях кризиса системы мирового правопорядка // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2022. № 11(303). С. 34.

³ Жмурин С.А., Ковынев А.В. Современные понимание военных конфликтов, война и мир как категории военной конфликтологии // Сборник материалов круглого стола «Трансформация войны и перспективные направления развития военных конфликтов». М.: ВАГШ ВС РФ. 2023. С. 35.

Сегодня положения военно-правовой науки четких критериев, определяющих возможное соотношение в войне военных и невоенных мер, не определяют. При этом бесспорно, что важнейшей тенденцией изменения характера войн в обозримой перспективе будет являться дальнейшее увеличение объема и эффективности невоенных мер. Вместе с тем, острота современных конфликтов отнюдь не всегда допускает их мирное разрешение, поэтому военные средства по-прежнему будут оставаться основным насильственным способом достижения политических целей.

Все это обуславливает необходимость рассмотрения всего комплекса форм борьбы не обособленно от процессов вооруженного противостояния, а в общей системе общественных отношений¹. До проведения такого отдельного научного и практического осмысления, на настоящем этапе, представляется нецелесообразным закрепление в Военной доктрине России рассмотренных выше дефиниций в качестве разновидности войн.

В научной литературе также высказаны мнения, о необходимости добавить в Военную доктрину к существующей классификации войн «гражданскую войну» как форму разрешения противоречий с применением военной силы противостоящими сторонами. Следует отметить, что еще в Военной доктрине Российской Федерации 2000 г. была отмечена опасность трансформации внутреннего вооруженного конфликта в гражданскую войну.

В военном энциклопедическом словаре (2007) под гражданской войной понимается организованная вооруженная борьба за государственную власть между классами и социальными группами внутри страны, наиболее острая форма классовой борьбы².

Однако такой подход, что «гражданская война» — это разновидность «войны» как военного конфликта в современном понимании представляется аберрационным. Например, в ходе Гражданской войны в Советской России 1918—1922 гг. Красной Армии противостояли белогвардейские подразделения. Однако, с устоявшейся точки зрения международного права на территории одного государства может быть только одни легитимные государственные военные формирования. Следовательно, с правовой точки зрения «гражданская война» — это не «война», а «вооруженный конфликт».

Еще в конце прошлого века авторитетный военный ученый-правовед И.Н. Арцибасов также вполне обоснованно отнес «гражданскую войну» к внутреннему вооруженному конфликту, отметив, что «наряду с такой формой внутригосударственного вооруженного конфликта, как «гражданская война», в доктрине международного права нередко можно встретить и понятия «мятеж», «восстание»³.

Не могут быть признаны «гражданской войной» и вооруженные столкновения между военными частями одного государства, имеющими место в ходе военного мятежа. В этом случае часть армии (или вся армия), нарушившая основы конституционного строя страны, не может квалифицироваться как государственное вооруженное формирование. А, следовательно, также имеет место быть «вооруженный конфликт».

Таким образом, проведенный анализ взглядов отечественных и зарубежных авторов на понятия «война», «вооруженный конфликт» и «военный конфликт», позволил выявить несоответствие отдельных теоретических положений военно-правовой науки содержанию военных конфликтов в современных условиях. Полученные научные результаты, хотя и способствуют обогащению исследуемой предметной области новыми знаниями, вместе с тем оставляют почву для прове-

¹ Белоконь С.П. Методологические аспекты определения тенденций изменения характера и содержания современных войн // Сборник материалов круглого стола «Трансформация войны и перспективные направления развития военных конфликтов». М. ВАГШ ВС РФ, 2023. С. 113.

² Военный энциклопедический словарь. М.: Военное издательство, 2007. С. 207—208.

³ Арцибасов И.Н., Егоров С.А. Вооруженный конфликт: право, политика, дипломатия. М.: Международные отношения, 1989. С. 65.

дения в последующем научных дискуссий по заявленной теме.

Библиография

1. Арцибасов, И.Н. Вооруженный конфликт: право, политика, дипломатия / И.Н. Арцибасов, С.А. Егоров. — М.: Международные отношения, 1989. — 244 с.
2. Белоконь, С.П. Методологические аспекты определения тенденций изменения характера и содержания современных войн / С.П. Белоконь // Сборник материалов круглого стола «Трансформация войны и перспективные направления развития военных конфликтов». — М.: ВАГШ ВС РФ, 2023. — С. 106—113.
3. Военная конфликтология : учебное пособие / под общ. ред. С.В. Смутьского. — М.: Изд-во РАГС, 2010.
4. Военное право / Е.А. Глухов, В.М. Корякин, А.В. Кудашкин [и др.]. Том III. — М.: ООО «Центр правовых коммуникаций», 2022. — 712 с.
5. Военное право : учебник / И.Н. Арцибасов, В.П. Серегин, Х.М. Ахметшин; под ред. А.Г. Горного. — М.: Воениздат, 1984. — 334 с.
6. Джиоева, Э.Э. К вопросу о понятии «война» в современном мире / Э.Э. Джиоева, С.В. Тарадонов // Научный вестник Гуманитарно-социального института. — 2023. — № 17.
7. Жмурин, С.А. Современное понимание военных конфликтов, война и мир как категории военной конфликтологии / С.А. Жмурин, А.В. Ковынев // Сборник материалов круглого стола «Трансформация войны и перспективные направления развития военных конфликтов». — М.: ВАГШ ВС РФ, 2023. — С. 32—33.
8. Калистратов, А. Война и современность / А. Калистратов // Армейский сборник. — 2017. — № 7.
9. Казарин, П.С. О соотношении понятий «война и вооруженный конфликт» / П.С. Казарин // Вестник военного образования. — 2018. — 12 ноября.
10. Калмыков, П. Теория и практика предотвращения военных конфликтов современности / П. Калмыкова // Власть. — 2007. — № 4. — С. 75—77.
11. Ксенофонтов, В.А. Современный военный конфликт / В.А. Ксенофонтов // Общественные и гуманитарные науки : материалы 85-й науч.-технич. конференции с международным участием. — Минск: БГТУ, 2021.
12. Кудашкин, А.В. Вооруженные конфликты и право: еще раз возвращаясь к терминологии / А.В. Кудашкин, О.Г. Безбабнов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2023. — № 7(312). — С. 2—11.
13. Кудашкин, А.В. Право военных конфликтов или право вооруженных конфликтов: соотношение понятий, место в правовой системе и системе права России / А.В. Кудашкин, В.В. Кудашкин // Военное право. — 2023. — № 4 (80). — С. 25—43.
14. Лиддел Гарт, Бэзил. Стратегия непрямых действий : [перевод с английского] / Бэзил Лиддел Гарт. — М.: Издательство АСТ, 2018. — 508 с.
15. Лутовинов, В.И. Военно-политические процессы в мире и в России : учебное пособие. — Изд. 2-е; под общ. ред. А.А. Прохожева / В.И. Лутовинов, Ю.Н. Мотин. — М.: Изд-во РАГС, 2009. — 142с.
16. Магруппов, И.Р. Понятие и характеристика военных конфликтов / И.Р. Магруппов // Новая наука: Опыт, традиции, инновации. — 2017. — Т. 1. — № 2. — С. 45—48.
17. Малышев, А.И. Сущность и содержание войн и вооруженных конфликтов. Предложение по их классификации по масштабам / А.И. Малышев // Сборник материалов круглого стола «Трансформация войны и перспективные направления развития военных конфликтов». — М.: ВАГШ ВС РФ, 2023. — С. 68—79.
18. Малышев, А.И. Категории «война» и «вооруженный конфликт»: сходство и различие / А.И. Малышев, Ю.Ф. Пивоваров, В.Ю. Хахалев // Военная мысль. — 2022. — № 2. — С. 21—30.
19. Махонин, В.А. Вооруженные конфликты: понятия классификация, причины возникновения / Махонин // Военная мысль. — 2010. — № 8. — С. 6—8.
20. Махонин В.А. Об уточнении соотношения между понятиями «военный конфликт» и «война» // В.А. Военная мысль. — 2011. — № 12. — С. 55—57.
21. Никонов, Д.А. Отечественное чрезвычайное военное законодательство: 1920—1941 гг.: историко-правовое исследование : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Д.А. Никонов. — СПб.: РГБ, 2007.
22. Основы общей теории международных отношений : учебное пособие / под ред. А.С. Манькина. — М.: Изд-во МГУ, 2009.
23. Отюцкий, Г.П. Философия войны: структура, задачи и функции / Г.П. Отюцкий // Военная мысль. — 2010. — № 3. — С. 72—78.
24. Панарин, И.Н. Гибридная война / И.Н. Панарин. — М., 2017. — 402 с.
25. Попов, И.М. Война будущего: Концептуальные основы и практические выводы. Очерки стратегической мысли / И.М. Попов, М.М. Хамзатов. — М.: Кучково поле, 2016. — 319 с.
26. Серебрянников, В.В. Социология войны / В.В. Серебрянников. — М.: Научный мир, 1997. — 398 с.
27. Сержантов, А.В. Современное понимание сущности и содержания войны / А.В. Сержантов // Вестник Академии военных наук. — 2013. — № 2.
28. Смутьский, С.В. Теоретическо-методологические аспекты анализа сущности и причин войн / С.В. Смутьский // Философско-методологические проблемы анализа современных

войн и вооруженных конфликтов. — М., 1996. — С. 64—72.

29. Тарадонов, С.В. Военный конфликт как форма разрешения противоречий, проблемы институционализации / С.В. Тарадонов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2023. — № 9 (314).

30. Тарадонов, С.В. К вопросу о понятии «законодательство военного времени» / С.В. Тарадонов, И.В. Норенко // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2022. — № 11(304). — С. 2—8.

31. Холиков, И.В. Гибридная война как многовекторная угроза национальной безопасности

России в условиях кризиса системы мирового правопорядка / И.В. Холиков // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2022. — № 11(303). — С. 30—37.

32. Michael V. Bhatia. War and Intervention: Issues for Contemporary Peace Operations. Kumarian Press, 2003.

33. O'Valle F. La Guerra y el derecho. — Madrid. 1974. P. 47—48.

34. Richard F. Grimmett. Instances of Use of United States Armed Forces Abroad, 1798—2009. Congressional Research Center, 2010.

Военно-административное право

Должности профессорско-преподавательского состава и научных сотрудников: обоснованы ли коррупционные риски?

© Зайков Денис Евгеньевич,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Теория права, гражданское право, гражданский процесс» Юридического института Российского университета транспорта

Аннотация. Определение перечня коррупционно-опасных должностей является важным направлением деятельности по противодействию коррупции и должно осуществляться способами, обеспечивающими как включение в него должностей, обладающих высокими коррупционными рисками, так и недопущение отнесения должностей к коррупционно-опасным исключительно по формальным признакам. В статье автор рассматривает проблемы квалификации должностей профессорско-преподавательского состава и научных сотрудников Вооруженных Сил Российской Федерации в качестве коррупционно-опасных и предлагает пути их разрешения.

Ключевые слова: противодействие коррупции, должности, работники, военнослужащие, профессорско-преподавательский состав, научные сотрудники.

Positions of teaching staff and researchers: are corruption risks justified?

© Zaikov D.E.,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department "Theory of Law, Civil Law, Civil Procedure" of the Law Institute of the Russian University of Transport

Annotation. Determining the list of corruption-dangerous positions is an important area of anti-corruption activities and should be carried out in ways that ensure both the inclusion of positions with high corruption risks in it and the prevention of attribution of positions to corruption-dangerous solely on formal grounds. In the article, the author examines the problems of qualification of positions of the teaching staff and researchers of the Armed Forces of the Russian Federation as corruption-dangerous and suggests ways to resolve them.

Key words: anti-corruption, positions, employees, military personnel, teaching staff, researchers.

Одним из важнейших элементов системы антикоррупционной деятельности является определение круга лиц, на которых распространяются ограничения, запреты и обязанности, установленные в целях противодействия коррупции и обусловленные наличием коррупционных

рисков по замещаемым ими должностям (далее — коррупционно-опасные должности). Вместе с тем, он имеет существенные недостатки, возникающие по причине отсутствия единых критериев и требований к определению перечней коррупционно-опасных должностей, что не соответствует

таким направлениям деятельности государственных органов по повышению эффективности противодействия коррупции, предусмотренным ст. 7 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (далее — Закон № 273-ФЗ), как проведение единой государственной политики в области противодействия коррупции и введение антикоррупционных стандартов. Кроме того, имеющиеся различия в перечнях коррупционно-опасных должностей разных государственных органов и организаций, обусловленные не функционалом соответствующих должностей, а конкретными сложившимися подходами по формированию таких перечней, приводит к снижению эффективности антикоррупционной деятельности и нарушению одного из основных принципов противодействия коррупции, предусмотренных ст. 3 Закона № 273-ФЗ, — признание, обеспечение и защита основных прав и свобод человека и гражданина.

В Минобороны России указанные отношения регулируются приказом Министра обороны Российской Федерации, которым утверждается перечень коррупционно-опасных воинских должностей, должностей федеральных государственных гражданских служащих и работников воинских частей и организаций. Безусловно, такой перечень как документ, в котором подлежат отражению проводимые организационно-штатные мероприятия (исключение должностей и введение новых, изменение их наименования, функционала и др.), не может быть статичным, что делает необходимым его обновление, которое на протяжении длительного времени осуществляется ежегодно. Однако подобные изменения зачастую носят бессистемный и формальный характер, что оказывает негативное влияние на состояние противодействия коррупции в Вооруженных Силах Российской Федерации.

Наиболее явно это проявляется на примере коррупционно-опасных должностей работников воинских частей и организаций, а показательным примером является ситуация, сложившаяся вокруг долж-

ностей профессорско-преподавательского состава.

Приказом Министра обороны Российской Федерации от 4 апреля 2016 г. № 175¹ был утвержден перечень коррупционно-опасных воинских должностей, должностей федеральных государственных гражданских служащих и работников воинских частей и организаций², который впервые содержал должности преподавателя, старшего преподавателя, доцента и профессора, подлежащие замещению работниками (лицами гражданского персонала). Обоснованность и законность отнесения указанных должностей к коррупционно-опасным явились предметом административного дела, рассмотренного Верховным Судом Российской Федерации³. Несмотря на то, что суд отказал в признании недействующим данного перечня в оспариваемой части, приведенные им доводы и мотивировку сложно назвать убедительными.

Так, Верховный Суд, проанализировав должностные обязанности профессорско-преподавательского состава, установленные Единым квалификационным справочником должностей руководителей, специалистов и служащих⁴, утвержденным при-

¹ Утр. силу.

² Перечень воинских должностей, должностей федеральной государственной гражданской службы в Министерстве обороны Российской Федерации, должностей в организациях, создаваемых для выполнения задач, поставленных перед Министерством обороны Российской Федерации, при замещении которых военнослужащие, федеральные государственные гражданские служащие, работники, а также граждане при назначении на должности в организациях, создаваемых для выполнения задач, поставленных перед Министерством обороны Российской Федерации, обязаны представлять сведения о своих доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также сведения о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей.

³ См.: решение Верховного Суда Российской Федерации от 11 мая 2018 г. № ВКАПИ18-13, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 14 августа 2018 г. № АПЛ18-304.

⁴ Раздел «Квалификационные характеристики должностей руководителей и специалистов

казом Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 11 января 2011 г. № 1н, указал, что исполнение таких предусматривает осуществление организационно-распорядительных функций, которые, в частности, включают руководство учебной, воспитательной и учебно-методической работой по соответствующим дисциплинам и ее контроль, контроль за обучающимися (студентами, слушателями), текущий контроль успеваемости, а также контроль качества подготовки обучающихся с занесением результатов такового в соответствующие документы. Это позволило ему прийти к выводу о том, что должности профессорско-преподавательского состава соответствуют критерию «осуществление контрольных и надзорных мероприятий»¹, что подтверждает обоснованность отнесения указанных должностей к коррупционно-опасным.

Однако такая позиция представляется неверной, основанной на неоправданно широком толковании раздела III Перечня должностей федеральной государственной службы, который имеет конкретное целевое предназначение и учитывает специфику функционала государственных органов и должностных обязанностей федеральных государственных служащих, в силу своего правового статуса изначально обладающих значительным коррупционным потенциалом.

Кроме того, соотнесение обязанностей профессорско-преподавательского состава и обязанности федеральных государственных служащих по осуществлению кон-

трольных и надзорных мероприятий не выдерживает никакой критики².

В качестве еще одного довода своей позиции Верховный Суд Российской Федерации сослался на Методические рекомендации по проведению оценки коррупционных рисков, возникающих при реализации функций³, которыми к признакам, характеризующим коррупционное поведение должностного лица при осуществлении коррупционно-опасных функций, отнесено, в том числе, получение *необоснованно высокого вознаграждения* за чтение лекций и иную преподавательскую деятельность и т.п. Однако, несмотря на имеющуюся аналогию с выполняемыми профессорско-преподавательским составом обязанностями, указанное положение никоим образом не применимо в рассматриваемом случае⁴, и даже позволяет сделать косвенный вывод об отсутствии коррупционных рисков у должностей, основная функция которых заключается в осуществлении преподавательской деятельности⁵.

Хотя одновременно с этим можно понять и Верховный Суд, который, исходя из имеющейся скудной нормативно-правовой базы, пытался обосновать законность от-

---

высшего профессионального и дополнительного профессионального образования».

¹ Раздел III Перечня должностей федеральной государственной службы, при замещении которых федеральные государственные служащие обязаны представлять сведения о своих доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также сведения о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 18 мая 2009 г. № 557 (далее — раздел III Перечня ФГС).

---

² См., напр.: п. 2 Указа Президента Российской Федерации от 9 марта 2004 г. № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти», Положение о государственном контроле (надзоре) за реализацией исполнительными органами субъектов Российской Федерации полномочий в области регулирования цен (тарифов), утвержденное постановлением Правительства Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 543. С учетом актуального нормативно-правового регулирования см.: Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации».

³ Письмо Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 25 декабря 2014 г. № 18-0/10/В-8980 «О проведении федеральными государственными органами оценки коррупционных рисков».

⁴ Квалифицирующим признаком в данном случае является получение необоснованно высокого вознаграждения.

⁵ Подр. см.: Зайков Д.Е. Перечень коррупционно-опасных должностей работников военных организаций: законность и обоснованность содержания // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2019. № 3. С. 13—19.

несения должностей профессорско-преподавательского состава к коррупционно-опасным, которые с позиции общества таковыми и являются¹.

Однако в данной ситуации важным вопросом является то, почему к коррупционно-опасным должностям не были отнесены воинские должности профессорско-преподавательского состава, которые подлежат замещению военнослужащими? Функционал у них аналогичен, в качестве обучаемых выступают одни и те же лица, и коррупционный потенциал одинаков. Налицо явно дискриминационный характер правового регулирования рассматриваемых отношений.

Вместе с тем, невзирая на признание в судебном порядке обоснованности позиции Минобороны России, а также наличие объективных оснований ее правильности, новый перечень коррупционно-опасных воинских должностей, должностей федеральных государственных гражданских служащих и работников воинских частей и организаций, утвержденный приказом Министра обороны Российской Федерации от 21 ноября 2019 г. № 685² (далее — Перечень), который начал свое действие с 6 января 2020 г., уже не содержал должности профессорско-преподавательского состава.

Что явилось причиной такого решения? Никаких изменений законодательства

в части касающейся не произошло, обязанности по указанным должностям остались прежними. Неужели весь профессорско-преподавательский состав уравнивали в правовом положении, исключив соответствующие должности, подлежащие замещению работниками, из числа коррупционно-опасных?

Однако первая корректировка такой позиции не заставила себя ждать.

Приказом Министра обороны Российской Федерации от 22 октября 2020 г. № 554 Перечень был дополнен воинской должностью «профессор Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации».

Почему только профессор, именно этого учебного заведения и исключительно воинская должность? Разве иные должности профессорско-преподавательского состава и в других учебных заведениях имеют меньший объем коррупционных рисков? Обоснованные ответы, подкрепленные наличием объективных обстоятельств, отсутствуют.

Видимо такие вопросы были заданы и разработчику Перечня, так как подготовленный в соответствии со сложившейся традицией в 2023 г. проект приказа Министра обороны Российской Федерации о внесении изменений в Перечень³ (далее — проект приказа Минобороны России об изменении Перечня) уже содержит следующие должности работников: профессор, доцент, старший преподаватель, преподаватель. При этом включение в Перечень воинских должностей профессорско-преподавательского состава не предполагается. Чем обусловлен такой вираж правового регулирования, и почему он опять имеет усеченное содержание, остается неясным.

Одновременно с этим стоит указать, что начинает развитие во многом аналогичная ситуация и в отношении должностей научных сотрудников.

Так, с 24 января 2022 г. в Перечень были внесены следующие должности работников: старший научный сотрудник,

¹ См., напр.: Братищенко В.В. Информационная образовательная среда Байкальского государственного университета // *Baikal Research Journal*. 2017. Т. 8. № 1; Сабинский А.В. Бытовая коррупция в сфере медицины и образования: вопросы криминализации // *Журнал российского права*. 2018. № 11. С. 152.

² Перечень воинских должностей, должностей федеральной государственной гражданской службы в Министерстве обороны Российской Федерации, должностей работников в организациях, создаваемых для выполнения задач, поставленных перед Министерством обороны Российской Федерации, при назначении на которые и при замещении которых военнослужащие, федеральные государственные гражданские служащие и работники обязаны представлять сведения о своих доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также сведения о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей.

³ <https://regulation.gov.ru/Regulation/Npa/PublicView?npaID=140037> (дата обращения: 26.08.2023).

ведущий научный сотрудник, главный научный сотрудник в Ракетных войсках стратегического назначения¹.

Чем было обусловлено такое решение? Какие научные сотрудники осуществляют коррупционно-опасные функции и какие существуют признаки, характеризующие их коррупционное поведение? Почему среди них отсутствуют должности научного сотрудника и младшего научного сотрудника?² Почему эти должности связаны с Ракетными войсками стратегического назначения и как установить отношение научных сотрудников к этому виду войск? В чем причина внесения в Перечень только должностей научных сотрудников, замещаемых работниками? А аналогичные воинские должности в Ракетных войсках стратегического назначения не являются коррупционно-опасными?³

Однако ряд ответов на поставленные вопросы был дан в проекте приказа Минобороны России об изменении Перечня, которым предполагается дополнить Перечень следующими должностями работников: научный сотрудник, старший научный сотрудник, ведущий научный сотрудник и главный научный сотрудник.

Соответственно, существующий список коррупционно-опасных должностей планируется расширить за счет включения в него должности научного сотрудника и исключения всех ограничений по внутриведомственной принадлежности. При этом воинские должности научных сотрудников коррупционно-опасными так и не признаются.

При оценке позиции Минобороны России по рассматриваемой проблематике необходимо учитывать и подходы, приме-

няемые в других федеральных органах исполнительной власти.

Так, анализ находящихся в открытом доступе правовых актов, устанавливающих коррупционно-опасные должности, свидетельствует, что только в научно-исследовательских и образовательных учреждениях МЧС России все должности профессорско-преподавательского состава, подлежащие замещению работниками, с 2017 г. были отнесены к коррупционно-опасным⁴.

Однако данная позиция претерпела кардинальное изменение — с 20 августа 2023 г. данные должности из такого перечня исключены⁵. Вероятно, имелись веские основания для принятия такого решения⁶.

Изложенное позволяет сделать вывод о необходимости проработки вопроса об обоснованности и целесообразности включения в Перечень должностей профессорско-преподавательского состава и должностей научных сотрудников, а также оценки применяемого способа формирования Пе-

⁴ См. п. 4 Перечня должностей в организациях, созданных для выполнения задач, поставленных перед МЧС России, при замещении которых на основании трудового договора работники и граждане, претендующие на их замещение, обязаны представлять сведения о своих доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей, утвержденного приказом МЧС России от 15 апреля 2013 г. № 252 (утр. силу).

⁵ См. приказ МЧС России от 3 июля 2023 г. № 702.

⁶ Формирование в организациях перечня коррупционно-опасных должностей следует осуществлять с учетом функций организации, при реализации которых могут возникать коррупционные риски. При этом необходимо учитывать серьезность коррупционного правонарушения, которое может совершить работник, замещающий соответствующую должность, не создавая необоснованного расширения данного перечня должностей (разъяснения Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации по применению Федерального закона от 3 декабря 2012 г. № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» и иных нормативных правовых актов в сфере противодействия коррупции от 18 июля 2013 г. № 18-2/10/2-4038).

¹ См. приказ Министра обороны Российской Федерации от 22 ноября 2021 г. № 708.

² В силу требований Квалификационного справочника должностей руководителей, специалистов и других служащих, утвержденного постановлением Министерства труда и социального развития Российской Федерации от 21 августа 1998 г. № 37, научные сотрудники выполняют схожую трудовую функцию.

³ Подр. см.: Зайков Д.Е. Перечень коррупционно-опасных должностей: сравнительный анализ // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2022. № 9. С. 30—36.

речня в целях исключения допускаемых ошибок и повышения эффективности осуществляемых мероприятий по противодействию коррупции.

Библиография

1. Братищенко, В. В. Информационная образовательная среда Байкальского государственного университета / В.В. Братищенко // *Vaikal Research Journal*. — 2017. — Т. 8. — № 1.

2. Зайков, Д.Е. Перечень коррупционно-опасных должностей работников военных организаций: законность и обоснованность содержания /

Д.Е. Зайков // *Право в Вооруженных Силах* — военно-правовое обозрение. — 2019. — № 3. — С. 13—19.

3. Зайков, Д.Е. Перечень коррупционно-опасных должностей: сравнительный анализ / Д.Е. Зайков // *Право в Вооруженных Силах* — военно-правовое обозрение. — 2022. — № 9. — С. 30—36.

4. Сабинский, А.В. Бытовая коррупция в сфере медицины и образования: вопросы криминализации / А.В. Сабинский // *Журнал российского права*. — 2018. — № 11. — С. 152—160.

Управление транспортным средством военнослужащим в состоянии алкогольного опьянения: правонарушение, имеющее отягчающий характер

© **Кайнов Владимир Иванович**,

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия; профессор кафедры публичного права Санкт-Петербургского Государственного университета аэрокосмического приборостроения

© **Шеншин Виктор Михайлович**,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России им. Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева; доцент кафедры правоведения Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета,

Аннотация. В представленном исследовании проводится анализ административного законодательства, регламентирующего вопросы «лекарственного» опьянения.

Ключевые слова: военнослужащий; административное правонарушение; «лекарственное» опьянение.

Driving a vehicle while intoxicated by a military personnel: an aggravated offense

© **Kainov V.I.**,

Doctor of Law, Professor, professor of the department of state and legal disciplines of the North-Western branch of the Russian State University of Justice; Professor, Department 84 of Public Law, St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation,

© **Shenshin V.M.**,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor, Department of Theory and History of State and Law, St. Petersburg University, State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia named after. Hero of the Russian Federation Army General E.N. Zinicheva; Associate Professor, Department of Law, St. Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering,

Abstract. The presented study analyzes the administrative legislation regulating the issues of “medicinal” intoxication.

Key words: military man; administrative offense; “medicinal” intoxication.

Исследование судебной практики показывает динамику роста совершаемых водителями транспортных средств административных правонарушений в состоянии алкогольного опьянения. Особенно характерно это для военнослужащих. Для наглядности приведем несколько примеров, свидетельствующих о вине военнослужащих и гражданских лиц, совершивших правонарушения, и при этом находившихся в состоянии опьянения.

Так, в декабре 2022 г. в населенном пункте Ясном военнослужащий управлял транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения, был задержан сотрудниками ГИБДД МВД России, от прохождения медицинского освидетельствования отказался¹.

В феврале 2023 г. в Саратовской области военнослужащий был привлечен к административной ответственности за управление автомобилем в состоянии опьянения. Постановлением гарнизонного суда военнослужащему назначено административное наказание в виде штрафа в 30 000 руб. с лишением права управления транспортным средством на полтора года.

Во время подготовки и написания статьи в Калуге произошел трагический случай, когда водитель транспортного средства, находясь в состоянии наркотического опьянения, сбил 11 человек. По предварительным данным, автомобилист не справился с управлением транспортным средством и съехал с проезжей части².

Отметим, что Министр внутренних дел Российской Федерации в одном из своих выступлений сказал: «В 2023 г. подразделения Госавтоинспекции выявили более 400 тысяч фактов управления транспортными средствами в состоянии опьянения, из них каждый девятый повторно». В ходе проверки поступивших от граждан сигналов задержано почти 34 тысячи пьяных водителей. Число происшествий с их

участием уменьшилось на 20 процентов, а погибших — почти на треть³.

Законодательство в исследуемой сфере динамично развивается, одним из таких новшеств является то, что в соответствии с Федеральным законом от 10 июля 2023 г. № 313-ФЗ «О внесении изменений в статьи 25 и 26 Федерального закона «О безопасности дорожного движения» начиная с 1 апреля 2024 г. лица, привлеченные к административной ответственности за вождение транспортного средства в состоянии опьянения и не имевшие при себе документов, предусмотренных правилами дорожного движения, не смогут получить водительское удостоверение⁴.

Интересным с нашей точки зрения выглядит ситуация, затрагивающая водителей, управляющих транспортным средством в состоянии «лекарственного» опьянения. Тем более, что 21 июня 2023 г. Правительство Российской Федерации внесло в Государственную Думу проект изменений в КоАП РФ о штрафах за вождение в состоянии «лекарственного» опьянения.

Такое положение напрямую относится и к военнослужащим, постольку, поскольку приближается сезон заболеваемости, а выполнение различных задач, в том числе и военнослужащими автомобильных подразделений, никто не отменял.

Стоит пояснить, что речь идет о «лекарственном» опьянении, вызванном приемом препаратов, не содержащих алкоголя и наркотических или психотропных, психоактивных, одурманивающих веществ, но ухудшающих внимание и реакцию пациента⁵.

Право на утверждение перечня таких препаратов предлагается предоставить Правительству Российской Федерации. В такой перечень могут войти обезболиваю-

¹ WWW.ORENBURG.KP.RU:
<https://www.orenburg.kp.ru/online/news/5130271/>

² https://iz.ru/1564024/2023-08-24/sbivshii-peshkhodov-v-kaluge-voditel-byt-v-sostoianii-narkoticheskogo-opiane-niia?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop

³ <https://www.pnp.ru/social/kolokolcev-nazval-chisloryanykh-voditeley.html>

⁴ Аникин И.А. Участие понятых при применении дорожно-патрульной службой ГИБДД МВД России мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях // Административное право и процесс. 2015. № 7. С. 75—78.

⁵ Проект федерального закона № 379447-8.

щие, седативные и снотворные препараты, а также лекарства против эпилепсии и болезни Паркинсона.

Для установления опьянения необходимо будет не только найти следы препарата в организме водителя, но и установить совокупность клинических признаков опьянения. Наказание за вождение автомобиля в состоянии опьянения при этом не поменяется — это штраф и лишение права управления транспортным средством на срок от полутора до двух лет (ч. 1 ст. 12.8 КоАП РФ)¹.

Представленный Правительством Российской Федерации законопроект разработан во исполнение постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 24 ноября 2022 г. № 51-П, который обратил внимание законодателя на правовую лакуну: *вождение в состоянии лекарственного опьянения является противоправным деянием, однако при этом нельзя привлечь водителя к административной ответственности после приема не алкогольного, не наркотического и не психотропного препарата* (выделено нами — В.К., В.Ш.).

Обратимся к судебной практике, свидетельствующей, например, о том, что Верховный Суд Российской Федерации отменил решение районного суда и постановление кассационного суда общей юрисдикции по делу о «лекарственном» опьянении (ч. 1 ст. 12.8 КоАП РФ)².

В ходе проверки управления транспортным средством инспектор ДПС заподозрил, что водитель автомобиля пьян — из-за резкого изменения окраски кожных покровов лица и поведения, не соответствующего обстановке. Водитель был освидетельствован на состояние алкогольного опьянения, но этилового спирта в выдыхаемом воздухе у него не было (результат исследования 0,00 мг/л).

Затем водителя направили на медицинское освидетельствование, в ходе которого в его моче обнаружили вещество «циталопрам» (антидепрессант, в инструкции о применении которого сказано — «обладает минимальной или умеренной способностью влиять на способность управлять автомобилем и работать с механизмами. Психоактивные препараты могут влиять на процесс принятия решений и способность реагировать на чрезвычайные ситуации. Пациентов следует предупредить о потенциально возможном влиянии на способность управлять автомобилем и работать с механизмами»). В медицинском заключении было указано — «установлено состояние опьянения», поэтому автолюбителя оштрафовали и лишили прав на полтора года.

Отменяя судебные акты и возвращая дело на новое рассмотрение в районный суд, Верховный Суд Российской Федерации указал на два момента.

Во-первых, из представленного в материалы дела ответа соответствующего должностного лица следует, что обозначение концентрации обнаруженного психоактивного лекарственного препарата («Циталопрам» свыше 1 000 нг/мл) может свидетельствовать лишь о факте употребления данного вещества, из чего не следует, что у водителя установлено опьянение. Таким образом, без установления факта влияния установленной концентрации лекарственного препарата на физические и психические функции организма вывод о нахождении в состоянии опьянения является преждевременным.

Во-вторых, Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 24 ноября 2022 г. № 51-П указал на то, что впредь до внесения в законодательство необходимых изменений управление транспортным средством лицом, употребившим лекарственные препараты, не содержащие этилового спирта, наркотических средств и психотропных веществ, *не может служить основанием для привлечения к ответственности, предусмотренной ст. 12.8 и ч. 3 ст. 12.27 КоАП Российской Федерации* (выделено нами — В.К.,

¹ Фатеев К.В., Харитонов С.С., Шанхаев С.В. Административная ответственность военнослужащих и граждан, призванных на военные сборы: комментарии и судебная практика. М. : За права военнослужащих, 2011.

² Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 7 июня 2023 г. № 5-АД23-29-К2

В.Ш.). Циталограм не раз становился причиной схожих судебных разбирательств¹.

Так, решением Верховного Суда Российской Федерации от 16 июня 2022 г. № АКПИ22-291 административному истцу К. в удовлетворении административного искового заявления о признании частично недействующими п. 4 и примечания к нему Порядка проведения медицинского освидетельствования на состояние опьянения (алкогольного, наркотического или иного токсического), утвержденного приказом Министерства здравоохранения России от 18 декабря 2015 г. № 933н «О порядке проведения медицинского освидетельствования на состояние опьянения (алкогольного, наркотического или иного токсического)», было отказано.

Вступившими в законную силу решениями Верховного Суда Российской Федерации от 18 мая 2017 г. № АКПИ17-245, от 16 декабря 2021 г. № АКПИ21-794 при проверке законности отдельных положений указанного выше Порядка установлено, что нормами Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (п. 18 ч. 2 ст. 14, ч. 4 ст. 65) и нормами Положения о Министерстве здравоохранения Российской Федерации, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 19 июня 2012 г. № 608 (п. 1, подп. 5.2.73 п. 5.2), Минздрав России наделен полномочиями по утверждению порядка медицинского освидетельствования на состояние опьянения (алкогольного, наркотического или иного токсического), включающего определение клинических признаков опьянения и правила проведения химико-

токсикологических исследований, что порядок принятия и введения в действие оспариваемого нормативного правового акта соблюден.

Отношения, возникающие в сфере охраны здоровья граждан в России, регулируются Федеральным законом от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ, в ч. 1 и 2 ст. 65 которого закреплено, что медицинское освидетельствование лица представляет собой совокупность методов медицинского осмотра и медицинских исследований, направленных на подтверждение такого состояния здоровья человека, которое влечет за собой наступление юридически значимых последствий. Одним из видов медицинского освидетельствования является освидетельствование на состояние опьянения (алкогольного, наркотического или иного токсического).

Устанавливая правовые основы обеспечения безопасности дорожного движения на территории России, Федеральный закон от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения» в п. 4 ст. 24 предусматривает, что участники дорожного движения обязаны выполнять требования данного федерального закона и издаваемых в соответствии с ним нормативных правовых актов в части обеспечения безопасности дорожного движения. Названный федеральный закон в п. 2.1 ст. 19 запрещает эксплуатацию транспортных средств лицами, находящимися в состоянии алкогольного, наркотического или иного токсического опьянения.

КоАП РФ в примечании к ст. 12.8 запрещает водителю употребление веществ, вызывающих алкогольное или наркотическое опьянение, либо психотропных или иных вызывающих опьянение веществ.

Согласно ч. 1 ст. 1.6 КоАП РФ лицо, привлекаемое к административной ответственности, не может быть подвергнуто административному наказанию и мерам обеспечения производства по делу об административном правонарушении иначе как на основаниях и в порядке, установленных законом.

В силу п. 6 ч. 1 ст. 27.1 КоАП РФ медицинское освидетельствование на состоя-

¹ См. постановления Второго КСОЮ от 1 марта 2023 г. по делу № 16-294/2023, Мирового судьи судебного участка № 222 г. Москвы от 17 декабря 2021 г. № 5-1161/21, Мирового судьи судебного участка № 28 Ленинского района Тульской области от 12 декабря 2018 г. № 5-523/18, Мирового судьи судебного участка № 18 г. Москвы от 19 марта 2018 г. № 5-98/18, Мирового судьи судебного участка № 420 г. Москвы от 11 августа 2016 г. № 5-226/16, Мирового судьи судебного участка № 222 г. Москвы от 10 сентября 2015 г. № 5-296/15 и от 8 сентября 2015 г. № 5-296/15 и др.

ние опьянения является мерой обеспечения производства по делу об административном правонарушении. Определение факта нахождения лица в состоянии опьянения при управлении транспортным средством осуществляется посредством его медицинского освидетельствования в порядке, предусмотренном ст. 27.12 КоАП РФ.

Лицо, которое управляет транспортным средством соответствующего вида и в отношении которого имеются достаточные основания полагать, что это лицо находится в состоянии опьянения, подлежит освидетельствованию на состояние алкогольного опьянения в соответствии с ч. 6 ст. 27.12 КоАП РФ. При отказе от прохождения освидетельствования на состояние алкогольного опьянения либо несогласии указанного лица с результатами освидетельствования, а равно при наличии достаточных оснований полагать, что лицо находится в состоянии опьянения, и отрицательном результате освидетельствования на состояние алкогольного опьянения указанное лицо подлежит направлению на медицинское освидетельствование на состояние опьянения (ч. 1.1 ст. 27.12 КоАП РФ).

Ст. 27.12 КоАП РФ предусматривает, что в порядке, установленном Правительством Российской Федерации, осуществляется направление на медицинское освидетельствование на состояние опьянения, критерии же, при наличии которых имеются достаточные основания полагать, что лицо находится в состоянии опьянения и подлежит направлению на медицинское освидетельствование, и порядок проведения медицинского освидетельствования на состояние опьянения устанавливаются федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере здравоохранения, то есть Минздравом России (ч. 6, 6.1).

Пункт 15 Правил освидетельствования лица, которое управляет транспортным средством, на состояние алкогольного опьянения и оформления его результатов, направления указанного лица на медицинское освидетельствование на состояние

опьянения, медицинского освидетельствования этого лица на состояние опьянения и оформления его результатов, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 26 июня 2008 г. № 475, предписывающий проведение медицинского освидетельствования врачом-психиатром-наркологом либо врачом другой специальности (в сельской местности при невозможности проведения освидетельствования врачом — фельдшером), прошедшим необходимую подготовку, не регламентирует сам порядок проведения медицинского освидетельствования на состояние опьянения, а лишь определяет общие требования медицинского освидетельствования на состояние опьянения в организациях здравоохранения.

В п. 16 названных Правил закреплено, что определение состояния опьянения проводится в соответствии с нормативными правовыми актами Минздрава России. Таким образом, п. 4 Порядка и примечание к нему не противоречат п. 15 указанных Правил.

КоАП РФ и Федеральный закон № 323-ФЗ имеют самостоятельные предметы правового регулирования, в которые непосредственно не входят отношения, связанные с порядком проведения медицинского освидетельствования на состояние опьянения лица, которое управляет транспортным средством.

Таким образом, правовое регулирование, направленное на решение вопроса управления транспортным средством в состоянии опьянения, продолжает совершенствоваться.

Отличительной чертой в исследуемой сфере является факт обширной судебной практики, причем не только на уровне районных судов, но и на уровне Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации.

Библиография

1. Аникин, И.А. Участие понятых при применении дорожно-патрульной службой ГИБДД МВД России мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях / И.А. Аникин // Административное право и процесс. — 2015. — № 7. — С. 75—78.

2. Фатеев, К.В. Административная ответственность военнослужащих и граждан, призванных на военные сборы: комментарии и

судебная практика / К.В. Фатеев, С.С. Харитонов, С.В. Шанхаев. — Москва : За права военнослужащих, 2011. — 332 с.

Отдельные вопросы законодательного регулирования проведения обязательной дактилоскопической регистрации в войсках национальной гвардии Российской Федерации

© Муфаздалов Салават Ибрагимович,
преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Саратовского военного ордена Жукова Краснознаменного института войск национальной гвардии Российской Федерации, майор юстиции

© Чукин Дмитрий Сергеевич,
старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Саратовского военного ордена Жукова Краснознаменного института войск национальной гвардии Российской Федерации, подполковник юстиции

Аннотация. Анализируются нормативные правовые предписания, регулирующие особенности проведения обязательной дактилоскопической регистрации в войсках национальной гвардии РФ. Констатируется наличие некоторых пробельных аспектов, касающихся субъектов осуществления данной процедуры, форм ее проведения, а также ответственности за предоставление недостоверных данных. Предлагается устранить правовую неопределенность путем внесения дополнения в нормативные правовые акты.

Ключевые слова: обязательная дактилоскопическая регистрация, биометрические персональные данные, военнослужащие, войска национальной гвардии Российской Федерации, папиллярные узоры, идентификация личности человека, дактилоскопическая карта, отпечатки пальцев рук.

Some problems of legislative regulation of mandatory fingerprint registration in the troops of the National Guard of the Russian Federation

© Mufazdalov S.I.,
teacher of the Department of criminal procedure and criminology of the Saratov military order of Zhukov of the red banner Institute of the national guard of the Russian Federation, Major of justice

© Chukin D.S.,
senior lecturer of the Department of criminal procedure and criminology of the Saratov military order of Zhukov of the red banner Institute of the national guard of the Russian Federation, Lieutenant Colonel of the justice Department

Summary. The normative legal prescriptions regulating the features of mandatory fingerprint registration in the troops of the National Guard of the Russian Federation are analyzed. It is stated that there are some problematic aspects concerning the subjects of this procedure, the forms of its implementation, as well as responsibility for providing false data. It is proposed to eliminate legal uncertainty by making additions to regulatory legal acts.

Key words: mandatory fingerprint registration, biometric personal data, military personnel, troops of the National Guard of the Russian Federation, papillary patterns, identification of a person, fingerprint card, fingerprints.

У человека, как живого организма, имеется ряд отличительных анатомических особенностей, являющихся неотъемлемыми компонентами его идентичности. К одной из таких особенностей относятся папиллярные узоры пальцев рук. Хотя дактилоскопия как наука, основанная на способе идентификации человека по следам пальцев рук, сформировалась во второй половине XIX — начале XX вв., существует множество свидетельств того, что человек уже достаточно давно обратил внимание на свои пальцевые узоры. Хироманты интересовались ими еще со времен античности. В Китае в середине первого тысячелетия нашей эры отпечаток пальца руки использовали для подписания различных документов. Известен отпечаток ладони пророка Мухаммеда, который он оставил на охранной грамоте (фирмане), данной христианскому монастырю Святой Екатерины на Синае в 620-е годы. Первое научно задокументированное описание папиллярных линий было произведено итальянским естествоиспытателем М. Мальпиги в 1665 г. в труде «О внешних органах чувств».

Дактилоскопирование основано на получении следов, отображающих особенности строения поверхностного слоя кожи рук человека — папиллярных узоров, которые являются неповторимым природным идентификатором каждого человека. Вероятность совпадения папиллярных узоров на руках двух людей в масштабах планеты ничтожно мала. На протяжении многих лет криминалистами и другими специалистами производились наблюдения и математические расчеты, которые основательно закрепили теорию о том, что среди живущих на Земле людей не встречаются одинаковые пальцевые узоры¹. Вероятность совпадения папиллярных узоров выражена в соотношении 1:100¹⁰. Человечеству уже

давно известны такие уникальные свойства папиллярных узоров как индивидуальность, относительная устойчивость (неизменяемость), восстанавливаемость, адгезивность (прилипаемость).

Основная цель, преследуемая государственными органами при проведении дактилоскопической регистрации и использовании информации об особенностях строения папиллярных узоров пальцев рук — идентификация личности человека. Государство, в целях обеспечения собственной безопасности, стремится к увеличению числа баз данных, которые содержат сведения обо всех гражданах на своей территории; таким образом, наряду с геномной регистрацией, дактилоскопическая регистрация выступает средством обеспечения публичных правоохранительных потребностей².

Сегодня дактилоскопическая регистрация и ее результаты прочно укоренились в нашей общественно-правовой действительности. В Российской Федерации государственная дактилоскопическая регистрация проводится в отношении лиц, достигших возраста шести лет (ст. 5 Федерального закона от 25 июля 1998 г. № 128-ФЗ «О государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации»).

В соответствии со ст. 11 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» сведения, которые характеризуют физиологические и биологические особенности человека, на основании которых можно установить его личность, относятся к биометрическим персональным данным. Биометрические системы идентификации человека, основанные на сопоставлении папиллярных узоров, активно используются в качестве доступа к гаджетам, компьютерам, замкам и сейфам, средствах контроля и управления доступа

¹ Криминалистика : учебник / И.М. Комаров, Л.В. Бертовский, А.А. Бессонов [и др.]. М.: Юрлитинформ, 2023.

² Агапов А.Б. Публичные процедуры государственной регистрации // Lex russica. 2019. № 1. С. 40 - 50.

на объекты, и пр.¹ В Великобритании сканерами отпечатков пальцев планируют заменить билеты пассажиров в целях решения проблемы загруженности станций, экономии времени на покупку билетов и увеличения пропускной способности турникетов. На основании этой тенденции можно с уверенностью утверждать, что со временем пальцевый отпечаток станет универсальным идентификатором, объединяющим доступ ко всем аспектам человеческого индивидуального бытия.

Дактилоскопическая регистрация, помимо прочего, направлена на решение таких глобальных задач, как предупреждение, раскрытие и расследование преступлений, а также предупреждение и выявление административных правонарушений. Автоматизированные дактилоскопические информационные системы активно и успешно используются в процессе расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов.

В научных кругах активно ведется дискуссия о необходимости введения всеобщей обязательной биометрической регистрации². В Федеральный закон от 3 декабря 2008 г. № 242-ФЗ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» 6 февраля 2023 г. было внесено изменение, согласно которому обязательной геномной регистрации подлежат не только осужденные, но также подозреваемые и обвиняемые в совершении преступлений. Таким образом, происходит перманентное расширение круга лиц, которые в императивном порядке становятся субъектами дактилоскопической

регистрации. И это дает свои плоды. Многие нераскрытые резонансные преступления прошлых лет, в том числе убийства, удастся распутать благодаря тому, что с мест преступлений были своевременно изъяты образцы биологического материала, которые впоследствии были идентифицированы с образцами лиц, находящимися в базах данных правоохранительных органов. Подобная тенденция характерна для раскрытия преступлений как в масштабе земного шара, так и Российской Федерации.

Использование биометрических персональных данных субъектов, наделенных властными полномочиями, является одним из перспективных направлений цифровой трансформации в системе государственного управления Российской Федерации³.

В соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 4 марта 2010 г. № 125 «О перечне персональных данных, записываемых на электронные носители информации, содержащиеся в основных документах, удостоверяющих личность гражданина Российской Федерации, по которым граждане Российской Федерации осуществляют выезд из Российской Федерации и въезд в Российскую Федерацию», к таким персональным данным относятся изображение папиллярных узоров 2 пальцев рук владельца документа (биометрические персональные данные владельца документа). Федеральный закон от 25 июля 1998 г. № 128-ФЗ «О государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации» (далее — ФЗ № 128), предусматривает два вида государственной дактилоскопической регистрации — добровольную и обязательную. В соответствии с п. «а» ст. 9 ФЗ № 128 военнослужащие подлежат обязательной дактилоскопической

¹ Муфаздалов С.И. Возможности использования криминалистических средств и методов в служебно-боевой деятельности войск национальной гвардии Российской Федерации // Академический вестник войск национальной гвардии Российской Федерации. 2022. № 3. С. 13—20.

² Алымов Д.В., Трусков К.Ю., Снегирева Д.Е. К вопросу о всеобщей обязательной биометрической регистрации // Мировой судья. 2019. № 7. С. 29—36.

³ Попов О.В., Прокопенко А.Н. Особенности правового регулирования использования биометрических персональных данных в системе государственного управления на современном этапе цифровой трансформации общества // Административное право и процесс. 2023. № 2. С. 22—24.

регистрации. Корреспондирующие положения п. 4. ст. 2 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе», кроме этого, акцентируют внимание на том, что обязательной дактилоскопической регистрации подлежат не только граждане Российской Федерации, но и иностранные граждане, проходящие военную службу.

Необходимость введения обязательной дактилоскопической регистрации военнослужащих обусловлена отношением данной категории граждан к повышенной группе риска, поскольку выполнение служебно-боевых задач в любых условиях обстановки и на любой местности всегда предполагает вероятность обезображивания их тел, что исключает вероятность идентификации по лицу. В таких случаях одним из наиболее действенных методов, наряду с методом геномной идентификации, выступает идентификация военнослужащих по следам пальцев рук. Следует отметить, что во многих силовых структурах имеются ведомственные нормативные акты, достаточно подробно определяющие порядок проведения дактилоскопической регистрации¹.

Федеральная служба войск национальной гвардии Российской Федерации, объединившая в своем составе важнейшие силовые ведомства, является относительно молодой структурой, созданной Указом Президента Российской Федерации от 5 апреля 2016 года № 157, образование которой обуславливает необходимость правового регулирования

всех сфер ее деятельности, в результате чего принимаются новые нормативные правовые акты, в том числе те, которые призваны регулировать проведение обязательной дактилоскопической регистрации. Между тем, в нормативном регулировании деятельности войск национальной гвардии Российской Федерации на сегодняшний день имеется ряд пробелов, которые оставляют открытыми ряд организационных аспектов дактилоскопической регистрации.

В соответствии с п. 11.12. приказа Росгвардии от 3 апреля 2018 г. № 114 «Об утверждении Порядка заполнения, выдачи, учета и хранения в войсках национальной гвардии Российской Федерации бланков удостоверения личности военнослужащего Российской Федерации и форм документов по учету бланков удостоверения личности военнослужащего Российской Федерации», в удостоверении личности ставятся штампы о группе и резус-факторе крови, прохождении дактилоскопической регистрации.

В соответствии с ч. 5 ст. 24 Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» обязательной дактилоскопической регистрации подлежат не только военнослужащие, но и сотрудники войск национальной гвардии. На должностях в Росгвардии проходят службу около двухсот тысяч военнослужащих и порядка трехсот тысяч сотрудников, подлежащих обязательной дактилоскопической регистрации. Текущая кадровая актуализирует необходимость регулирования порядка осуществления данной процедуры.

В настоящее время действует не отмененный приказ МВД России от 4 сентября 2013 г. № 665 «Об утверждении Инструкции о порядке ведения и использования банка данных дактилоскопической информации, формируемого на базе органов внутренних дел Российской Федерации» (далее — Инструкция), регулирующий отдельные аспекты дактилоскопической регистрации военнослужащих внутренних войск МВД России. Однако среди теоретиков и практиков отсутствует единый подход к

¹ Приказ ФСБ России от 14 декабря 2007 г. № 719 «Об организации проведения обязательной государственной дактилоскопической регистрации в органах Федеральной службы безопасности»; приказ МЧС России от 5 мая 2012 г. № 255 «Об организации в МЧС России работы по проведению обязательной государственной дактилоскопической регистрации»; приказ СК России от 28 апреля 2015 г. № 35 «Об организации проведения обязательной государственной дактилоскопической регистрации в системе Следственного комитета Российской Федерации»; приказ ГУСП от 18 февраля 2021 г. № 27 «Об утверждении Порядка проведения обязательной государственной дактилоскопической регистрации военнослужащих Главного управления специальных программ Президента Российской Федерации».

тому, распространяет ли действие старые нормативные правовые акты на вновь созданную структуру, в состав которой вошли многие силовые ведомства¹, в связи с чем, на наш взгляд, требуется разработка и принятие отдельного ведомственного приказа Росгвардии, регулирующего указанную выше процедуру.

Совместный приказ МВД России № 659, МЧС России № 717, Минобороны России № 473, Минфина России № 208н, Минюста России № 209, Минтранса России № 385, СВР России № 63, ФСБ России № 429, ФСО России № 185, Росгвардии № 376, ГУСП № 145, Генпрокуратуры России № 502, СК России № 94 от 23 сентября 2020 г. «Об утверждении Порядка формирования направляемой в органы внутренних дел дактилоскопической информации» содержит лишь общие требования к подготовке дактилоскопической информации и направляемых одновременно с ней данных, без разъяснения конкретных особенностей.

Пробелы в нормативном регулировании проведения обязательной дактилоскопической регистрации в войсках национальной гвардии порождает следующие проблемы организационного и правоприменительного характера.

1. Нет окончательной ясности в том, на кого возложена обязанность непосредственно по проведению дактилоскопирования. Как известно авторам статьи, в воинских частях отсутствуют специалисты, которые осуществляют отбор дактилоскопической информации, вследствие чего лиц, призванных или поступающих на военную службу, работники строевых подразделений отправляют для прохождения дактилоскопирования в военкоматы, которыми они были призваны.

В соответствии с Инструкцией, за получение дактилоскопической информации отвечает подразделение по работе с лич-

ным составом (в настоящее время — отдел военно-политической работы), а за внесение данных в личные дела военнослужащих и в документы, удостоверяющие личность, — строевые подразделения. Инструкция также предусматривает, что в личном деле военнослужащего должна быть справка о прохождении военнослужащим дактилоскопической регистрации. В военных образовательных организациях высшего образования Росгвардии за оформление и хранение личных документов военнослужащих по призыву, военнослужащих по контракту на должностях солдат и сержантов, а также курсантов 1—4 курса отвечает строевой отдел, а документов прапорщиков, офицеров и курсантов 5 курса — отдел кадров.

Поскольку в соответствии с Федеральным государственным образовательным стандартом, одной из дисциплин, преподаваемых в военных образовательных организациях Росгвардии, является криминалистика, которую осуществляют преподаватели-специалисты в данной области, то обязанность по дактилоскопированию военнослужащих возлагается фактически на них, хотя де-юре, это никак не закреплено.

2. Лицо, непосредственно проводящее дактилоскопирование, должно обладать специальными навыками в этой области, для того, чтобы оттиски папиллярных линий в дактилоскопической карте были достаточно четкими для возможности их дальнейшей идентификации. Для этого у лица должно быть соответствующее образование, полученное либо в ходе специального обучения, либо на курсах переподготовки. Для того, чтобы не потерять необходимые навыки, эти лица должны регулярно проходить курсы повышения квалификации.

3. Не определено, кто конкретно осуществляет отправку дактилоскопических карт в дактилоскопический массив органов внутренних дел и возможно ли отправлять дактилоскопические карты по почте. Персональные данные сотрудников правоохранительных органов обладают повышенной степенью секретности, поэтому размещение их в открытом доступе будет нести угрозу национальной безопасности. Кроме того, не до конца понятно, кто бу-

¹ Чукин Д.С. О двойственности правового регулирования некоторых аспектов деятельности федеральных органов исполнительной власти в результате их преобразования (на примере Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации) // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2021. № 6(287). С. 33—42.

дет нести ответственность за предоставление недостоверных дактилоданных, их утрату или за получение к ним доступа третьих лиц.

Лица, имеющие специальные познания в области криминалистики, судебной экспертизы и т.д., понимают опасность, которая может возникнуть в случае доступа посторонних лиц к базе с отпечатками пальцев рук, учитывая интеллектуальные и технические возможности современного общества (не исключена возможность изготовления так называемого «клише» с отображением папиллярных линий, изготовленного, например, фотополимерным способом, суть которого доступно изложена в сети Интернет). Фотополимерная технология основана на свойстве фотополимера постепенно отвердевать под воздействием ультрафиолетового освещения определенного спектра. Фотополимерные печатающие формы обладают высокой графической точностью воспроизведения оригинала, большой четкостью печатных элементов, обеспечивают хорошую насыщенность оттисков и равномерность слоя краски в штрихах. Таким образом, изготовление так называемого «клише», несущего в себе изображение папиллярных узоров пальца руки, при наличии необходимого оборудования, не составляет особого труда¹.

Думается, что лицо, которое осуществляет непосредственно дактилоскопирование, сбор, хранение и последующую передачу дактилоскопической информации, должно быть оформлено приказом, определяющим права, обязанности и ответственность в сфере оборота дактилоскопических данных военнослужащих (сотрудников).

4. Для проведения дактилоскопирования необходимы материальные ресурсы: бланковая бумага, специальная краска, валики, либо электронный сканер. В приказе Росгвардии от 19 февраля 2019 г. № 50 «Об утверждении норм обеспечения учеб-

но-материальной базой войск национальной гвардии Российской Федерации» пункт, касающийся данных аспектов, отсутствует, что вынуждает должностных лиц изыскивать другие возможности для обеспечения процедуры дактилоскопической регистрации.

5. В соответствии с Инструкцией о порядке ведения и использования банка данных дактилоскопической информации, проводить дактилоскопическую регистрацию необходимо в семидневный срок с момента принятия решения призывной комиссии о призыве на военную службу, либо с издания приказа о назначении на должность (подписания контракта о службе). Между тем, в военных образовательных организациях ежегодно происходит зачисление на первый курс более сотни курсантов. Для оформления дактилоскопической карты, помимо технической стороны вопроса (откатывания), необходимо внести в нее данные на лицо: фамилия, имя, отчество, дата и место рождения, и пр., сбор которых так же предполагает значительное время. В соответствии с Инструкцией, не позднее 7 рабочих дней после проведения дактилоскопирования, должно осуществляться направление материальных носителей, содержащих дактилоскопическую информацию в органы внутренних дел. Таким образом, в военных образовательных организациях в указанные сроки фактически весьма сложно, а порой невозможно выполнить мероприятия по дактилоскопированию и отправке материалов. Одним из возможных путей решения данной проблемы видится освобождение от исполнения должностных обязанностей лиц, которые осуществляют указанную процедуру.

Кроме того, процедуру дактилоскопирования существенно упростит автоматизация заполнения бланков дактилокарт, для чего необходимо разработать специальную программу, адаптированную под операционную систему Линакс, на которую перешла информационная сеть войск национальной гвардии.

Еще один немаловажный аспект касается особенностей государственного контроля за организацией и проведением дактилоскопической регистрации военнотру-

¹ Чукин Д.С. Муфаздалов С.И. Объекты с биометрическими данными как предмет преступления, предусмотренного статьей 327 Уголовного кодекса Российской Федерации // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2020. № 4(273). С. 37—42.

жащих. Постановлением Правительства Российской Федерации от 9 марта 2023 г. № 367 были внесены изменения в Положение о Министерстве цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации, в соответствии с которыми Минцифры России наделено полномочиями в сфере обработки биометрических персональных данных. Теперь Минцифры России уполномочено, в частности, утверждать по согласованию с федеральным органом исполнительной власти в области обеспечения безопасности порядок обработки биометрических персональных данных, порядок их размещения и обновления в единой биометрической системе, порядок создания и передачи векторов единой биометрической системы в целях осуществления аутентификации и пр. Кроме этого, Минцифры России наделено полномочиями по осуществлению с 1 июня 2023 г. федерального государственного контроля (надзора) в сфере идентификации и (или) аутентификации. Таким образом, это возлагает дополнительные меры по соблюдению конфиденциальности и защиты информации, поскольку в распоряжении ведомства будут находиться биометрические данные сотрудников всех правоохранительных органов и силовых структур.

Итоги проведенного исследования констатируют, что для оптимизации процедуры по сбору, хранению, и передаче дактилоскопической информации военнослужащих и сотрудников войск национальной гвардии в органы внутренних дел, имеется необходимость по внесению изменений и дополнений в нормативное регулирование указанной процедуры, для чего предлагается ее актуализировать путем дополнения межведомственного при-

каза от 23 сентября 2020 г. «Об утверждении Порядка формирования направляемой в органы внутренних дел дактилоскопической информации», либо издания отдельного ведомственного нормативного правового акта Росгвардии.

Библиография

1. Агапов, А.Б. Публичные процедуры государственной регистрации / А.Б. Агапов // *Lex russica*. — 2019. — № 1. — С. 40—50.
2. Алымов, Д.В. К вопросу о всеобщей обязательной биометрической регистрации / Д.В. Алымов, К.Ю. Трусов, Д.Е. Снегирева // *Мировой судья*. — 2019. — № 7. — С. 29—36.
3. Криминалистика : учебник для студентов юридических факультетов и вузов по направлениям бакалавриат, специалитет и магистратура / И.М. Комаров, Л.В. Бертовский, А.А. Бессонов [и др.]. — Москва: Юрлитинформ, 2023. — 712 с.
4. Муфаздалов, С.И. Возможности использования криминалистических средств и методов в служебно-боевой деятельности войск национальной гвардии Российской Федерации / С.И. Муфаздалов // *Академический вестник войск национальной гвардии Российской Федерации*. — 2022. — № 3. — С. 13-20.
5. Попов, О.В. Особенности правового регулирования использования биометрических персональных данных в системе государственного управления на современном этапе цифровой трансформации общества / О.В. Попов, А.Н. Проккопенко // *Административное право и процесс*. — 2023. — № 2. — С. 22—24.
6. Чукин, Д.С. Объекты с биометрическими данными как предмет преступления, предусмотренного статьей 327 Уголовного кодекса Российской Федерации / Д.С. Чукин, С.И. Муфаздалов // *Право в Вооруженных Силах —военно-правовое обозрение*. — 2020. — № 4(273). — С. 37—42.
7. Чукин, Д.С. О двойственности правового регулирования некоторых аспектов деятельности федеральных органов исполнительной власти в результате их преобразования (на примере Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации) / Д.С. Чукин // *Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение*. — 2021. — № 6(287). — С. 33—42.

Цели и задачи военного духовенства: проблемы их правового регулирования

© Овчаров Олег Андреевич,
кандидат юридических наук

Аннотация. Статья является продолжением разговора, начатого в предыдущей статье (см.: Военное право, 2023, № 4, с. 86—92). В статье кратко рассмотрены и проанализированы отдельные вопросы правового регулирования целей и задач военного духовенства в части совершенствования правовой работы в области государственно-церковных отношений при реализации командирами, заместителями по военно-политической работе, личным составом и военным духовенством своих полномочий в религиозной сфере, с учетом произошедших изменений в законодательстве, кратко рассмотрены некоторые недостатки и предложены возможные пути их решения.

Ключевые слова: правовая работа, право военнослужащих на свободу вероисповедания, военное духовенство, военная служба, духовно-нравственные ценности, духовно-просветительская работа.

The goals and objectives of the military clergy: the problems of their legal regulation

© Ovcharov O.A.,
candidate of legal Sciences

Annotation. The article is a continuation of the conversation started in the previous article (see: Military Law, 2023, No. 4, pp. 86-92). The article briefly discusses and analyzes certain issues of legal regulation of the goals and objectives of the military clergy in terms of improving legal work in the field of state-church relations when commanders, deputies for military-political work, personnel and military clergy exercise their powers in the religious sphere, taking into account the changes in legislation, briefly discusses some shortcomings and possible ways of their solution are proposed.

Key words: legal work, the right of military personnel to freedom of religion, military clergy, military service, spiritual and moral values, spiritual and educational work.

Четвертая проблема правового регулирования целей и задач военного духовенства проистекает из вышеуказанных проблем и состоит в открытом неуважении государством внутренних установлений религиозных организаций, в частности, требований Положения о военном духовенстве РПЦ в Российской Федерации, которые учреждают институт военного духовенства, вводят понятие «военное духовенство», определяют его цели и задачи, подчинение военных священников священноначалию своей религиозной организации, не учитывают и изменения в законодательстве, вызванные духовной деградацией и деморализацией общества, угроз от информационной войны развязанной западными странами НАТО против России.

Согласно ст. 15 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» государство уважает внутренние установ-

ления религиозных организаций, а ч. 1 ст. 1 Конституции России устанавливает, что Российская Федерация — Россия есть демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления. Учитывая, что в России согласно официальной статистике¹ православных христиан 74 %, т.е. подавляющее большинство, то вместе с неуважением внутренних установлений РПЦ, которое представляет большинство граждан России, происходит открытое неуважение и конституционного принципа демократизма, при котором в государственном строительстве должна учитываться воля большинства граждан, а не их меньшинства.

Следовательно, государство должно учитывать волю православного большинства

¹ Религии в России [Электронный ресурс]. URL: <https://rosinfostat.ru/religii-v-rossii/> (дата обращения — 12 марта 2023).

населения страны, в том числе и находящегося в военных организациях, уважать и соблюдать требования внутренних документов Русской Православной Церкви, где эта воля большинства закрепляется. Тем более, что к этому призывают и ст. 2 и 28 Конституции России, устанавливающие право на свободу вероисповедания и обязанность государства признавать, соблюдать и защищать права человека (в т.ч. и право на свободу вероисповедания), включая право исповедовать свою религию в том порядке, который закреплен во внутренних установлениях религиозной организации.

Указанное выше явное и открытое неуважение воли народа, его подавляющего православного большинства, вероисповедных основ и установлений религиозной организации (которую это большинство составляет и представляет), нарушает не только ст. 1, 2, 28 Конституции России, но и ст. 15 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях», которая прямо указывает, что государство уважает внутренние установления религиозных объединений, если они не противоречат законодательству. Уважает, значит, не игнорирует, не нарушает, а учитывает в своей государственной деятельности и в деятельности уполномоченных органов государственной власти и управления.

Следовательно, если подзаконный нормативный правовой акт государственных органов, в т.ч. Минобороны России, противоречит внутренним установлениям религиозной организации (представляющей подавляющее большинство народа), то из уважения к этим внутренним установлениям государство в лице его уполномоченных органов должно давать приоритет указанным внутренним установлениям религиозных организаций перед этим подзаконным актом. А подзаконный акт госоргана должен учитывать требования этих внутренних установлений религиозной организации и не нарушать их. В противном случае будет проявляться неуважение к этим внутренним установлениям и нарушаться ст. 15 указанного Федерального закона.

Здесь следует сделать важный вывод о том, что внутренние установления религиозных организаций, не противоречащие закону, по сути, включаются в правовую систему государства и занимают третье место в иерархии, следуя после Конституции и федеральных законов. А после внутренних установлений (в иерархическом отношении) следуют подзаконные акты, включая указы Президента Рос-

сии, постановления Правительства России, приказы министерств и ведомств России и др.

Таким образом, все подзаконные акты должны соответствовать требованиям внутренних установлений религиозных организаций и в части им противоречащей не применяться, иначе будет проявляться неуважение к этим установлениям и нарушаться ст. 15 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях».

С этих позиций и необходимо рассмотреть сложившуюся правовую ситуацию в части воссоздания правового института военного духовенства и определения ему целей и задач. Очевидно, что раз на уровне федеральных законов военное духовенство, его цели и задачи не урегулированы, то воссоздание этого военного духовенства и определение ему целей и задач на подзаконном уровне должно осуществляться в соответствии с требованиями внутренних установлений религиозных организаций, вовлеченных в этот процесс. Иначе это приведет к неуважению внутренних установлений и нарушению ст. 15 указанного выше Федерального закона.

Что же происходит на практике? Вместо реализации решения Верховного Главнокомандующего Вооруженными Силами Российской Федерации — Президента России о воссоздании в России института военного духовенства и его должном развитии, Министром обороны Российской Федерации была издана Инструкция по организации взаимодействия органов военного управления, соединений, воинских частей и организаций с традиционными религиозными объединениями Российской Федерации и работы с верующими военнослужащими Вооруженных Сил Российской Федерации (утверждена приказом Министра обороны Российской Федерации 2020 г. № 30), предусматривающая должности помощников командиров воинских частей по работе с верующими военнослужащими, на которые могут быть назначены граждане Российской Федерации из числа священнослужителей, соответствующих квалификационным требованиям (п. 6 Инструкции), а общее руководство работой этих помощников-священнослужителей осуществляет командир части со своим заместителем по военно-политической работе (п. 14 и 15 Инструкции), который согласовывает священнослужителю его ежемесячный план работы. О подчинении помощников-священнослужителей своему священноначалию в указанной Инструкции не говорится ни слова.

Таким образом, командование и военно-политические органы переподчинили военных священнослужителей себе вместо священноначалия и, по сути, поглотили военное духовенство, не дав ему организовать, создать самостоятельный институт военного духовенства (как было в царское время в России, существует и поныне за рубежом), создать соответствующие собственные органы управления из числа священноначалия. Военно-политические органы, по сути, возложили на себя руководство штатными военными священнослужителями через командиров частей и их заместителей, растворили священство в своих структурах, пытаясь превратить их в чиновников от военного ведомства, наделив соответствующими обязанностями согласно заключаемым трудовым договорам.

Но цель и задача военного духовенства состоит не в том, чтобы превратиться в военных чиновников и бюрократов, действующих по указке командиров и замполитов. Миссия военных священников в войсках намного выше и состоит в удовлетворении духовных и религиозных потребностей личного состава, в реализации конституционного права воинов на свободу вероисповедания, в т.ч. и в условиях вооруженных конфликтов. Поэтому подобные действия Минобороны России и его подзаконные акты (предусматривающие назначение священника в качестве помощника командира, действующего под руководством командования) не вполне согласуются с внутренними установлениями, например, РПЦ, предусматривающими подчинение военных священников своему священноначалию по вопросам их основной пастырской и богослужбной деятельности в войсках.

Это означает, что не командование и не замполиты должны определять цели и задачи военного духовенства. Руководить военным духовенством должно руководство соответствующей религиозной организации, уполномочившей священника на окормление воинов, руководство той организации, от имени которой он осуществляет религиозные обряды, удовлетворяя религиозные потребности личного состава. Командование должно создать для священников в воинских частях благоприятные условия для выполнения ими указанных целей и задач, организовать им соответствующую помощь в реализации конституционных прав воинов на свободу вероисповедания.

При этом цели и задачи военного духовенства появились много веков назад, задолго до появления института замполитов в войсках.

Попробуем кратко рассмотреть, как появилось и сформировалось в единый правовой институт военное духовенство исторически, кто и когда установил цели и задачи военного духовенства.

Пятая проблема — проблема обеспечения преемственности в определении целей и задач военного духовенства, учета исторической памяти народа и мирового опыта позитивного развития института военного духовенства.

Первые свидетельства о военном духовенстве встречаются в Книгах Ветхого Завета, опираясь на которые важно выявить специфические цели и задачи военного духовенства, отличающие его от невоенного духовенства и от воинских подразделений, в среде которых военное духовенство осуществляет свою религиозную деятельность. На одну из таких важных целей и задач военного духовенства указывает фрагмент из Ветхого Завета: «Когда ты выйдешь на войну против врага твоего и увидишь коней и колесницы [и] народа более, нежели у тебя, то не бойся их, ибо с тобою Господь Бог твой, Который вывел тебя из земли Египетской. Когда же приступаешь к сражению, тогда пусть подойдет священник, и говорит народу, и скажет ему: слушай, Израиль! вы сегодня вступаете в сражение с врагами вашими, да не ослабеет сердце ваше, не бойтесь, не смущайтесь и не ужасайтесь их, ибо Господь Бог ваш идет с вами, чтобы сразиться за вас с врагами вашими [и] спасти вас» (Втор 20; 1-4).

Но очевидно, что для того, чтобы выполнить указанную цель — посредством религиозного воодушевления войск помогать им одерживать победы над врагами — священнику надо перед каждым сражением выходить перед воинами и поднимать моральный дух войск, воодушевлять их на бой. А это значит, что священник должен быть неотлучно при войсках, должен участвовать в боевых походах, должен иметь соответствующий опыт и знания — одним словом, должен быть, по сути, военным священником, иметь соответствующую подготовку и опыт. Следовательно, одной из важнейших задач военного духовенства является сопровождение военных организаций, куда бы они ни выдвигались и где бы ни вели военные действия.

Этот важный вывод подтверждает и другой пример — направление Моисеем по повелению Господа на войну с Мадиянтянами священника: «И послал их Моисей на войну, по тысяче из колена, их и Финееса, сына Елеазара, [сына Аарона,] священника, на войну, и

в руке его священные сосуды и трубы для тревоги» (Чис 31; 1—6). Сам Бог через пророка Моисея начал направлять священников на войну вместе с личным составом для духовной поддержки. Следовательно, именно Бог и является создателем военного духовенства, т.е. такого духовенства, которое сопровождает войска в военном походе и во время сражений. Более того, именно через военное духовенство Бог посылает помощь свыше в победе на поля боя. Именно Бог определил цели и задачи военного священника в военном деле, место и роль в организации обороны страны и обеспечении национальной безопасности.

В книге Иисуса Навина описывается взятие войсками города Иерихона, а также участие в этой многодневной операции и священников совместно с воинами: «Тогда сказал Господь Иисусу: вот, Я предаю в руки твои Иерихон и царя его, [и находящиеся в нем] людей сильных; пойдите вокруг города все способные к войне и обходите город однажды [в день]; и это делай шесть дней; и семь священников пусть несут семь труб юбилейных пред ковчегом; а в седьмой день обойдите вокруг города семь раз, и священники пусть трубят трубами; когда затрубит юбилейный рог, когда услышите звук трубы, тогда весь народ пусть воскликнет громким голосом, и стена города обрушится до своего основания, и [весь] народ пойдет [в город, устремившись] каждый с своей стороны» (Нав 6; 1—4).

Из этого события можно увидеть, как помощь Божия, соединенная с верой воинов и при участии священников творила чудеса победы над сильным, казалось бы, непобедимым врагом. Следует обратить внимание и на другой библейский пример помощи Божией Израильтянам в сражении в Рефидиме с Амаликитянами через духовных лиц: Моисея, Аарона и Ора (Исх 17; 8—16), когда молитва Моисея к Богу привлекала помощь Божию в сражении и привела к победе над врагом. Всё вышеизложенное свидетельствует о необходимости присутствия священника на поле боя для духовной помощи и поддержке воинов в сражении, для воодушевления личного состава и укрепления веры в победу и помощь Божию, для призывания этой помощи и этой победы от Бога.

Исходя из сущности, цели и предназначения, определяются задачи военных священников. В различных государствах они могут различаться, могут меняться и уточняться со временем. Но главное выявить их магистральные направления, отражающие сущность и специ-

фику деятельности военного духовенства в войсках, в т.ч. и на фронте.

Задачи военного духовенства определены в п. 3.1. Положения о военном духовенстве РПЦ в Российской Федерации, в соответствии с которым основными задачами военного духовенства являются:

- совершение богослужений и религиозных обрядов;
- духовно-просветительская работа;
- участие в мероприятиях, проводимых командованием по патриотическому и нравственному воспитанию военнослужащих (служащих) и членов их семей;
- оказание содействия командованию в проведении профилактической работы по укреплению правопорядка и дисциплины, предупреждению правонарушений, неуставных взаимоотношений и суицидальных происшествий;
- консультирование командования по религиозным вопросам;
- участие в формировании в коллективах отношений, основанных на нормах христианской морали;
- содействие формированию здорового нравственного климата в семьях военнослужащих (служащих).

Представляет научный интерес также и анализ целей и задач военного духовенства за рубежом. Задачи военного духовенства зарубежных стран различны и многообразны. Наряду с выполнением религиозных обязанностей среди личного состава военных организаций, законодательством нередко устанавливается в качестве одной из основных их задач — помощь командованию в профилактике и борьбе с негативными явлениями в войсках — низкой дисциплиной, правонарушениями, наркоманией, алкоголизмом и другими. Нередко на военных священнослужителей также возлагают и от них требуют помогать военнослужащим избежать стресса, выйти из состояния депрессии, осуществлять работу по предотвращению самоубийств, дезертирств и самовольных отлучек. Зачастую военные священники назначаются в члены комиссий по поощрению солдат и офицеров, улаживанию конфликтных ситуаций. Бывают случаи, когда на военных священнослужителей возлагают обязанности социологов (консультантов по созданию благоприятного микроклимата в частях и на кораблях). Среди задач капелланов зарубежных стран, закрепленных им законодательством, постепенно увеличивается доля нерелигиозных, что не может не беспокоить ре-

лигиозные организации. В основной своей массе задачи и обязанности военного духовенства постепенно переключаются с сугубо церковных (религиозных) на государственные (мирские), а сами капелланы в результате этого незаметного процесса постепенно превращаются из божьих слуг в слуг государства, в помощников командиров и различных военачальников, т.е. в простых государственных чиновников.

Представляет научный интерес также явление, опираясь на законодательство иностранных государств и научные статьи зарубежных авторов, конституционно-правовой природы военного капелланства, которая на примере США проявляется в двойной функции, выраженной в девизе капелланской службы: "За Бога и страну!". Здесь обращает на себя внимание ряд обстоятельств. Прежде всего, как видно в этой двойственности есть явный приоритет — на первом месте стоит Бог — с большой буквы. На втором месте страна — с маленькой буквы.

Указанные двойные функции капелланов создают проблемы двойной подчиненности и ответственности их по отношению к религиозным организациям (которые они представляют и от имени которых осуществляют свою миссию в войсках) и к государству, военным организациям (в составе которых состоят и в соответствии с требованиями которых выполняют свои функциональные обязанности, за которые получают от государства и соответствующее вознаграждение, которые придают им соответствующий правовой статус).

Шестой проблемой правового регулирования целей и задач военного духовенства является, как видно, возрастающий конфликт интересов государства и религиозных организаций, проистекающий из двойного подчинения, незаконно навязываемого командованием военным священнослужителям и религиозным организациям.

Указанная двойственность проистекает от двуединой цели и входит в некоторое противоречие с принципом единоначалия, свойственным как военным, так и религиозным организациям, лежащим в основе их построения, организации и деятельности. Военный священнослужитель принадлежит религиозной организации, направившей его в войска и уполномочившей на совершение среди воинов религиозной деятельности с конкретной пастырской целью. Но военная организация, заинтересованная в результатах деятельности военного священника, стремится его превратить

в послушный инструмент для достижения своих светских целей по повышению морального духа войск, укреплению морально-деловых качеств личного состава, воинской дисциплины, борьбы с пьянством, суицидами и т.п., а через это повышение показателей боеготовности и боеспособности воинских коллективов.

Налицо конфликт интересов и стремление к переподчинению государством (в лице соответствующих военачальников) священника от его священноначалия — командиру части. Попытка превратить военного священника в государственного чиновника в рясе. А в ряде случаев по американским и западным европейским стандартам военные священнослужители одевают военную форму, получают воинские звания и превращаются в военных чиновников без ряс, меняя их на униформу. Происходит процесс поглощения государством религиозных организаций, подмены религиозной деятельности светской работой психологов, социологов, замполитов и воспитателей.

Подобная подмена ведет к профанации, к формализму, к выхолащиванию религиозной деятельности и замены Божественного вечного светским, сиюминутным и временным. Познание Истины Божией, Пути Спасения, Закона Божия и организации жизни личного состава в соответствии с этими традиционными российскими духовно-нравственными ценностями — участием военного священника в мероприятиях командования по укреплению воинской дисциплины и правопорядка, повышению боеготовности частей и подразделений, ведь для военачальников это важнее первого, хоть это и нарушает внутренние установления Церкви.

Например, правила 6 и 81 Святых Апостол, которые под угрозой извержения от священного чина запрещают священнослужителям принимать "на себя мирские попечения" или "вдаваться в народное управление", а вместо этого предписывают "неотлучно быть при делах церковных". Об этом же говорит и Положение о военном духовенстве Русской Православной Церкви в Российской Федерации в конце преамбулы устанавливая, что военные священники «не должны брать на себя функции, выходящие за рамки их статуса».

Возложение обязанностей и функций государственных органов на религиозные объединения (их представителей) нарушает не только указанные правила и другие установления Церкви, но и ст. 14 Конституции России, провозглашающую отделение религиозных объединений от государства. Этот конституционный принцип отделения более подробно

раскрывается и регламентируется в п. 2 ст. 4 Федерального закона "О свободе совести и религиозных объединениях", которая устанавливает, что государство не возлагает на религиозные объединения выполнение функций органов государственной власти, других государственных органов, государственных учреждений, не вмешивается в деятельность религиозных объединений, если эта деятельность не противоречит закону.

Следовательно, 6 и 81 правила Святых Апостол, стоящие на страже несмещения церковной власти с властью государственной (с мирской, народной управленческой деятельностью), реализуются в государственном праве, в конституционных и законодательных нормах об отделении религиозных объединений от государства, тем самым совокупно не допуская священнику превратиться в государственного чиновника, заваленного выполнением несвойственного его священному сану государственных функций — в ущерб делам церковным.

Таким образом, в результате указанного выше конфликта интересов и игнорирования требования церковного и государственного законодательства, создается опасность обмирщения военного духовенства, его постепенного вырождения, назревает серьезная угроза дискредитации института военного духовенства, вымирание и отпадения самого этого института (утратившего свое божественное предназначение) как ненужного и бесполезного, превращения священников из представителей Бога на земле в психологов, социологов, замполитов, воспитателей и т.п.

Ключом к разрешению этого противоречия, по-видимому, как раз и является названный выше приоритет, закреплённый в указанном девизе капелланской службы США. Капелланы должны находиться в прямом и непосредственном подчинении у своего священноначалия, а по военным вопросам подчиняться (в специальном или оперативном отношении) руководителям тех военных организаций, к которым прикомандированы и поставлены на все виды обеспечения. На практике же чаще всего происходит наоборот. Командиры не желают уступать своей власти и нередко распространяют свою командирскую власть и на религиозную сферу деятельности военного духовенства.

Данное обстоятельство подтверждают и юридические документы, регламентирующие деятельность иностранного военного духовенства. В частности, например, как указывает

Т.М. Челпанова¹, согласно параграфу 6.4.2 Инструкции Министерства обороны США № 1304.28 "Указания по назначению капелланов в военных ведомствах" претенденты на роль капелланов должны подтвердить, что они будут следовать применимым правовым нормам и всем применимым уставам, директивами и распоряжениям Министерства обороны и соответствующего военного ведомства. Как видно, в части прямого и непосредственного подчинения военных священников командованию (как это прямо установлено в военных нормативных правовых документах) никаких исключений не делается в пользу подчинения священноначалию своей религиозной организации и соблюдения её внутренних установлений. А согласно п. 1—10 Армейского регламента № 165-1 "Деятельность армейского капелланства" религиозную программу для Армии США разрабатывают командиры, которые в соответствии с п. 2—1 этого же Армейского регламента обеспечивают свободное отправление религии через назначаемых капелланов².

Нечто похожее можно встретить и при рассмотрении подчинённости капелланов во Франции. Только ещё запутанней. В соответствии со ст. 5 приказа Министра внутренних дел и Министра обороны от 15 июня 2012 г. "Об организации военного капелланства"³ капелланы подотчётны начальнику Генерального штаба Вооружённых сил Франции в отношении их службы, а также Центральному управлению Службы армейского комиссариата в отношении управления капелланством. А согласно подп. 7.1 п. 7 Инструкции Генерального штаба Вооружённых сил Франции № 398/DEF/EMA/SC-SOUT от 10 декабря 2010 г. "Об организации и функционировании оборонных баз"⁴ капелланы отчитываются перед Генеральным штабом Вооружённых сил Франции по вопросам, связанным с их работой и организацией их деятельности, а также подотчётны главному военному капеллану их культа в отношении вопросов, связанных с отправлением культа. При этом, центральным органом управления капелланами является Центральное управление Службы здравоохранения Вооружённых сил Франции. Как видно,

¹ Челпанова Т.М. Зарубежный опыт регулирования правового статуса и деятельности военных капелланов / Под ред. д.ю.н., проф. И.В. Понкина / Институт государственно-конфессиональных отношений и права. М.: Буки Веди, 2018. С. 70.

² Там же. С. 78.

³ Там же. С. 54—55.

⁴ Там же. С. 62.

согласно нормативным правовым актам государства, подотчётны и подчинены капелланы во Франции не только и не столько своему религиозному начальству, сколько Генштабу, Центральному управлению Службы армейского комиссариата и Центральному управлению Службы здравоохранения Вооружённых сил Франции.

В Великобритании вопрос с прямым подчинением капелланов также решается не в пользу религиозных организаций. Согласно параграфу 5.274 Регламента Королевы для Армии от 1975 г. в отношении духовных и церковных вопросов капелланы подконтрольны своим церковным властям, а в целом полномочные капелланы находятся в подчинении согласно общим армейским правилам и принципам.

Так на примере одного вопроса можно увидеть, как неодинаково он решается в законодательстве ведущих государств, давая обильную пищу для научно-правовых исследований, для анализа законодательства и мирового опыта, для выявления положительных и отрицательных правовых явлений. При этом, к отрицательным моментам следует отнести, в частности, требование п. 3 параграфа 7505 того же Регламента Королевы для Армии от 1975 г., в соответствии с требованиями которого в море или во время операций проводимые об-

щественные богослужения должны быть внеконфессиональными и доступными для всего личного состава. Данное положение достаточно спорно, т.к. многие конфессии не допускают возможности участия в богослужениях и церковных таинствах лиц другой веры. Например, недопустимо согласно учению православной веры, венчать православных с представителями другой веры. Аналогичные религиозные нормы можно встретить и в других религиозных системах.

Таким образом, анализ нормативного правового регулирования деятельности военного духовенства различных государств помогает понять, насколько сложным и неоднозначно решаемым в военном законодательстве является не только вопрос подчинения капелланов и организационного устройства капелланских служб в войсках, но и многие другие вопросы многосторонней деятельности военного духовенства среди обслуживаемого им личного состава.

Библиография

Челпанова, Т.М. Зарубежный опыт регулирования правового статуса и деятельности военных капелланов / Под ред. д.ю.н., проф. И.В. Понкина / Институт государственно-конфессиональных отношений и права / Т.М. Челпанова. — М.: Буки Веди, 2018.

Военные аспекты трудового и гражданского права

Уменьшение размера (лишение) стимулирующих выплат работникам воинских частей: новые правила регулирования

© Зайков Денис Евгеньевич,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Теория права, гражданское право, гражданский процесс» Юридического института Российского университета транспорта

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы значимости стимулирующих выплат в составе заработной платы работников воинских частей, проблемы отсутствия правового регулирования уменьшения их размеров или лишения в случае привлечения таких работников к дисциплинарной ответственности, их решение Конституционным Судом Российской Федерации и его влиянии на организацию трудовой деятельности в воинских частях.

Ключевые слова: стимулирующие выплаты, оплата труда, работники воинских частей, дисциплинарное взыскание, компенсационные выплаты.

Reduction of the amount (deprivation) of incentive payments to employees of military units: new regulatory rules

© Zaikov D.E.,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department "Theory of Law, Civil Law, Civil Procedure" of the Law Institute of the Russian University of Transport

Annotation. The article discusses the importance of incentive payments as part of the salaries of employees of military units, the problems of the lack of legal regulation of reducing their size or deprivation in the case of bringing such employees to disciplinary responsibility, their decision by the Constitutional Court of the Russian Federation and its on the organization of work in military units.

Key words: incentive payments, remuneration, employees of military units, disciplinary action, compensation payments.

На работников воинских частей и военных организаций, подведомственных Министерству обороны Российской Федерации, распространяется трудовое законодательство, однако в силу требований ст. 349 Трудового кодекса Российской Федерации (ТК РФ) они обладают отдельными особенностями правового статуса, обусловленными спецификой правового положения их работодателей и выполняемой трудовой функцией¹.

Одной из подобных особенностей является система оплаты труда, общие требования к которой установлены постановлением Правительства Российской Федерации от 5 августа 2008 г. № 583 «О введении новых систем оплаты труда работников федеральных бюджетных, автономных и казенных учреждений и федеральных государственных органов, а также гражданского персонала воинских частей, учреждений и подразделений федеральных

¹ См.: Военное право: моногр.: в 3 т. / под общ. ред. А.Н. Савенкова, А.В. Кудашкина. Т. 2 :

Современное состояние военного права (институты военного права). М., 2021. С. 67—68.

органов исполнительной власти, в которых законом предусмотрена военная и приравненная к ней служба, оплата труда которых осуществляется на основе Единой тарифной сетки по оплате труда работников федеральных государственных учреждений» (далее — постановление Правительства РФ № 583). Во исполнение указанного правового акта издан приказ Министра обороны Российской Федерации от 18 сентября 2019 г. № 545 «О системе оплаты труда гражданского персонала (работников) воинских частей и организаций Вооруженных Сил Российской Федерации»¹ (далее — приказ Минобороны России № 545).

В соответствии с ч. 2 ст. 135 ТК РФ системы оплаты труда, включая размеры тарифных ставок, окладов (должностных окладов), доплат и надбавок компенсационного характера, в том числе за работу в условиях, отклоняющихся от нормальных, системы доплат и надбавок стимулирующего характера и системы премирования, устанавливаются коллективными договорами, соглашениями, локальными нормативными актами в соответствии с трудовым законодательством и иными нормативными правовыми актами, содержащими нормы трудового права.

Система оплаты труда работников воинских частей обладает спецификой, характерной для любых государственных учреждений, — отсутствие регламентации соотношения составных частей заработной платы (должностной оклад (тарифная ставка), компенсационные и стимулирующие выплаты) и их фактическое неравномерное распределение:

— *должностной оклад (тарифная ставка)* составляет незначительную часть в силу определения его размеров непосредственно приказом Минобороны России № 545, которые в большинстве случаев ниже даже минимального размера опла-

ты труда²; должностной оклад (тарифная ставка) в силу ст. 129 ТК РФ представляет собой гарантированную часть заработной платы при условии отработки работником нормы рабочего времени и выполнившего нормы труда (трудовые обязанности);

— *компенсационные выплаты*, установление и размер которых обусловлен спецификой условий работы (работа с вредными и (или) опасными и иными особыми условиями труда, работа в местностях с особыми климатическими условиями, надбавки за работу со сведениями, составляющими государственную тайну, работа в ночное время, сверхурочная работа и др.), в связи с чем, они выплачиваются только отдельным категориям работников воинских частей; учитывая то обстоятельство, что начисление компенсационных выплат осуществляется на оклады (тарифные ставки), их доля в заработной плате, если они установлены, также незначительна;

— *стимулирующие выплаты* — являются переменными составными частями заработной платы, зависящие от достижения определенных показателей, эффективности трудовой деятельности работника и ее результатов; размер и порядок установления отдельных стимулирующих выплат прямо определен приказом Минобороны России № 545³, других — устанавливается коллективным договором или локальным нормативным актом воинской части⁴.

² См.: Размеры должностных окладов (тарифных ставок) гражданского персонала (работников) воинских частей и организаций Вооруженных Сил Российской Федерации, утвержденные приказом Минобороны России № 545.

³ Например, процентная надбавка за выслугу лет, ежемесячная стимулирующая выплата за сложность, напряженность и специальный режим работы, ежемесячная стимулирующая выплата за интенсивность и высокие результаты работы и др.

⁴ Например, премии по результатам работы за месяц (квартал, год), дополнительное материальное стимулирование в соответствии с приказом Министра обороны Российской Федерации от 26 июля 2010 г. № 1010 «О дополнительных мерах по повышению эффективности использования фондов денежного довольствия военнослужащих и оплаты труда лиц гражданского персонала Вооруженных Сил Российской Федерации» (далее — приказ Минобороны России № 1010).

¹ Подр. см.: Зайков Д.Е. Новая система оплаты труда гражданского персонала (работников) воинских частей и организаций Вооруженных Сил Российской Федерации: анализ изменений // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2020. № 2. С. 19—23.

Именно на стимулирующие выплаты нередко приходится основная составляющая заработной платы работников воинских частей.

При этом одной из проблем установления и определения отдельных видов стимулирующих выплат является их зависимость от усмотрения работодателя, а также наличие дополнительных условий их назначения. Наиболее показательным примером подобного условия является отсутствие у работников воинских частей примененных дисциплинарных взысканий.

Например, согласно п. 11 Порядка определения и расходования объемов бюджетных средств, направляемых на дополнительные выплаты военнослужащим, проходящим военную службу по контракту, и премии лицам гражданского персонала Вооруженных Сил, утвержденного приказом Министра обороны Российской Федерации от 26 июля 2010 г. № 1010, не представляются к дополнительному материальному стимулированию лица гражданского персонала, имеющие дисциплинарное взыскание за неисполнение или ненадлежащее исполнение по их вине возложенных на них трудовых обязанностей¹.

Согласно п. 53 Условий, размеров и порядка осуществления выплат компенсационного и стимулирующего характера гражданскому персоналу (работникам) воинских частей и организаций Вооруженных Сил, утвержденных приказом Минобороны России № 545, руководители воинских частей и организаций имеют право снижать размер единовременного денежного вознаграждения за добросовестное выполнение должностных обязанностей по итогам календарного года, лишать гражданский персонал указанного вознаграждения за установленные случаи неисполнения (недобросовестного исполнения) должностных обязанностей, нарушения трудовой дисциплины, а также в случаях, предусмотренных положениями об оплате

труда (коллективными договорами, локальными нормативными актами).

Вместе с тем, правовые последствия привлечения работников воинских частей к дисциплинарной ответственности трудовым законодательством не регламентируются, в связи с чем, соответствующее локальное нормотворчество воинских частей не имеет нормативных ограничений, что создает предпосылки нарушения трудовых прав их работников. Указанная проблема усиливается с учетом наличия дискреции работодателя в части привлечения работников воинских частей к дисциплинарной ответственности за допущенные нарушения, определения видов подлежащих применению дисциплинарных взысканий, а также их учета для установления и определения размеров соответствующих стимулирующих выплат.

Показательным примером этого является ситуация, в которой нарушенные трудовые права работника воинской части смог защитить только Конституционный Суд Российской Федерации.

Так, Ц., работавшая в военной организации, подведомственной Министерству обороны Российской Федерации, дважды была привлечена к дисциплинарной ответственности — к ней были применены дисциплинарные взыскания в виде выговора. После первого дисциплинарного взыскания Ц. и вплоть до увольнения на протяжении 10 месяцев работодатель выплачивал ей заработную плату, включающую только должностной оклад и надбавку за выслугу лет, а в отдельные месяцы также производил доплату до минимального размера оплаты труда.

Обращение Ц. в суд за защитой нарушенных трудовых прав в части незаконности лишения ее стимулирующих выплат в связи с привлечением к дисциплинарной ответственности к позитивному результату не привели. Суды в удовлетворении заявленных требований отказали, указав, что стимулирующие выплаты не являются обязательной частью заработной платы, представляют собой вид поощрения за добросовестное исполнение трудовых обязанностей, предоставление стимулирующих выплат является исключительным

¹ Подр. см.: Зайков Д.Е. Дополнительное материальное стимулирование гражданского персонала Вооруженных Сил Российской Федерации: проблемы правоприменительной и судебной практики // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2021. № 6. С. 47—52.

правом работодателя, но не его обязанностью, их размер зависит от установленных критериев, а лишение стимулирующих выплат в связи с ненадлежащим выполнением работником возложенных на него обязанностей не противоречит трудовому законодательству¹. Подобная позиция имеет распространение в судебной практике, поэтому такой исход был вполне предсказуем.

Вместе с тем, обращение Ц. в Конституционный Суд Российской Федерации с жалобой привело к вынесению им Постановления от 15 июня 2023 г. № 32-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 135 и части первой статьи 193 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Е.В. Царегородской» (далее — Постановление № 32-П), в котором нашел отражение кардинально новый подход к регулированию рассматриваемых отношений.

Предметом рассматриваемой Конституционным Судом жалобы явилась ч. 2 ст. 135 ТК РФ, в силу которой указанная норма выступает в системе действующего правового регулирования в качестве правовой основы для решения вопроса о лишении работника, имеющего неснятое (непогашенное) дисциплинарное взыскание, стимулирующих выплат, входящих в состав его заработной платы, на весь срок действия дисциплинарного взыскания.

При рассмотрении жалобы Конституционный Суд Российской Федерации сформулировал правовую характеристику стимулирующих выплат:

— стимулирующие выплаты являются составной, хотя, как правило, и переменной частью заработной платы, что обуславливает распространение на них норм законодательства об охране заработной платы²;

— основная функция стимулирующих выплат — побуждение работника к высокопроизводительному труду и к повышению эффективности его трудовой деятельности;

— в основе показателей и критериев стимулирующих выплат должны лежать следующие принципы:

а) *объективность* — размер вознаграждения работника должен определяться на основе объективной оценки результатов его труда, а также за достижение коллективных результатов труда;

б) *предсказуемость* — работник должен знать, какое вознаграждение он получит в зависимости от результатов своего труда, а также за достижение коллективных результатов труда;

в) *адекватность* — вознаграждение должно быть адекватно трудовому вкладу каждого работника в результат коллективного труда;

г) *своевременность* — вознаграждение должно следовать за достижением результатов;

д) *прозрачность* — правила определения вознаграждения должны быть понятны каждому работнику³.

— в качестве условия приобретения права на стимулирующую выплату может быть установлено требование к работнику о добросовестном исполнении им трудовых своих обязанностей, в связи с чем для указанных целей может учитываться и факт привлечения работника к дисциплинарной ответственности. Однако, регулируя на локальном уровне соответствующие отношения, работодатель не может действовать произвольно, имея в качестве ограничения необходимость соблюдения принципов равной оплаты за труд равной ценности и обеспечения справедливой заработной платы.

¹ См., напр.: апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Санкт-Петербургского городского суда от 15 октября 2020 г. по делу № 33-17187/2020.

² Работник имеет право не на заработную плату в определенной сумме, а на оплату затраченного им труда в соответствии с его количеством и качеством (Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 13 октября 2022 г. № 2670-О).

³ Пункт 16 Единых рекомендаций по установлению на федеральном, региональном и местном уровнях систем оплаты труда работников государственных и муниципальных учреждений на 2023 год, утвержденных решением Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений от 23 декабря 2022 г., протокол № 11.

Конституционный Суд Российской Федерации констатировал отсутствие в законодательстве регламентации условий и пределов снижений размеров стимулирующих выплат, а также их полного лишения в случае привлечения работника к дисциплинарной ответственности, что обуславливает право работодателя самостоятельно устанавливать на локальном уровне правила снижения и лишения работников стимулирующих выплат. Такой подход, имеющий широкое распространение в государственных организациях, дает работодателю возможность лишить работника, привлеченного к дисциплинарной ответственности, существенной, а иногда и большей, части заработной платы, причем нередко на весь период действия дисциплинарного взыскания — год.

При этом, несмотря на то, что ТК РФ не допускает применения в отношении работника, совершившего дисциплинарный проступок, штрафа или иной аналогичной меры материального воздействия, предполагающей умаление имущественной сферы работника, работодатель, не начисляя работнику в связи с совершением им дисциплинарного проступка какие-либо стимулирующие выплаты тем самым фактически производит вычеты из причитающейся работнику заработной платы.

Указанные действия работодателя в целом не противоречат требованиям трудового законодательства и отвечают принципу справедливой заработной платы, однако они должны обеспечивать соразмерность между тяжестью и последствиями дисциплинарного проступка для работодателя и размером стимулирующих выплат. Особое значение данное положение приобретает в связи с превалирующим значением таких выплат в общем объеме заработной платы.

Учитывая изложенное, Конституционный Суд Российской Федерации пришел к выводу о необходимости законодателю в кратчайшие сроки внести соответствующие изменения в действующее правовое регулирование анализируемых отношений. Фактически это означает необходимость дополнения положений ТК РФ в части регламентации ограничений уменьшения

размеров стимулирующих выплат в связи с привлечением работников к дисциплинарной ответственности.

При этом Постановление № 32-П установило временные (до внесения соответствующих изменений в трудовое законодательство) правила регулирования трудовых отношений в рассматриваемой части:

— установлен запрет на лишение работника, привлеченного к дисциплинарной ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение возложенных на него трудовых обязанностей, на весь срок действия дисциплинарного взыскания стимулирующих выплат, входящих в состав заработной платы, или произвольное снижение их размера;

— факт применения к работнику дисциплинарного взыскания может учитываться при выплате тех стимулирующих выплат, которые начисляются за период, когда к работнику было применено дисциплинарное взыскание;

— снижение размера стимулирующих выплат не должно приводить к уменьшению размера месячной заработной платы работника¹ более чем на 20 процентов².

При общем понимании смысла данных нововведений возникают сомнения в отношении отдельных вопросов их толкования.

Например, каким образом подлежит применению ограничение в осуществлении стимулирующих выплат только за период, в котором к работнику было применено дисциплинарное взыскание?

Если это ежемесячная выплата, то все понятно: применен выговор в сентябре — значит премия за сентябрь может быть уменьшена.

А если эта стимулирующая выплата ежегодная, например, единовременное денежное вознаграждение за добросовестное выполнение должностных обязанностей по

¹ Исходя из примененной Конституционным Судом Российской Федерации аналогии со ст. 131 ТК РФ, имеется в виду начисленная заработная плата.

² Данные положения требуют внесения соответствующих изменений как в приказ Минобороны России № 545, так и в локальные нормативные акты воинских частей.

итогах календарного года? Каким образом на это может повлиять привлечение работника воинской части к дисциплинарной ответственности в сентябре? А если на дату издания приказа командира воинской части об установлении указанной выплаты дисциплинарное взыскание уже снято?

Также видится проблемной реализация ограничения размера уменьшения стимулирующей выплаты более чем 20 процентов месячной заработной платы работника. В силу специфики оплаты труда конкретный размер его заработной платы за месяц может быть известен только после окончания этого периода и подачи табеля учета рабочего времени. Это затрудняет определение максимально допустимого размера уменьшения стимулирующей выплаты, что в большинстве случаев будет приводить к его намеренному занижению в целях недопущения нарушения установленного ограничения.

Тем не менее, подход, нашедший закрепление в Постановлении № 32-П, безусловно, позволит в большей степени обеспечивать защиту и реализацию трудовых прав работников воинских частей, а

также существенно ограничит репрессивные возможности их работодателей. С одной стороны, это окажет позитивное влияние на состояние трудовых отношений, с другой — значительно снизит эффективность и востребованность дисциплинарной практики, а также во многом лишит работодателей действенного механизма воздействия на недобросовестных работников воинских частей.

Библиография

1. Военное право : моногр.: в 3 т. / под общ. ред. А.Н. Савенкова, А.В. Кудашкина. Т. 2: Современное состояние военного права (институты военного права). — М., 2021. — 888 с.
2. Зайков, Д.Е. Дополнительное материальное стимулирование гражданского персонала Вооруженных Сил Российской Федерации: проблемы правоприменительной и судебной практики / Д.Е. Зайков // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2021. — № 6. — С. 47—52.
3. Зайков, Д.Е. Новая система оплаты труда гражданского персонала (работников) воинских частей и организаций Вооруженных Сил Российской Федерации: анализ изменений / Д.Е. Зайков // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2020. — № 2. — С. 19—23.

Перспективы совершенствования нормативных правовых актов в сфере защиты и распоряжения результатами интеллектуальной деятельности, полученными в ходе выполнения государственного оборонного заказа

© Федоров Павел Евгеньевич,

аспирант, кафедра гражданского и предпринимательского права, Новосибирский государственный университет экономики и управления, г. Новосибирск

Аннотация. В статье автором анализируются правовые основы распоряжения результатами интеллектуальной деятельности, полученными в ходе выполнения государственного оборонного заказа. Дана краткая справка о развитии отношений по учету результатов интеллектуальной деятельности, возникающих при выполнении опытно-конструкторских работ в сфере государственного оборонного заказа. Предложены конкретные изменения в нормативно-правовые акты, в рассматриваемой сфере.

Ключевые слова: государственный оборонный заказ, результаты интеллектуальной деятельности, научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы и технологические работы.

Prospects for improving regulatory legal acts in the field of protection and disposal of the results of intellectual activity obtained during the execution of the state defense order

© Fedorov P.E.,

PhD student, Department of Civil and Business Law, Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk.

Abstract. In the article, the author analyzes the legal basis for the disposal of the results of intellectual activity obtained during the execution of the state defense order. A brief reference is given on the development of relations on accounting for the results of intellectual activity arising from the implementation of development work in the field of state defense order. Specific changes to the regulatory legal act in the area under consideration are proposed.

Keywords: state defense order, results of intellectual activity, research and development work and technological work.

Россия сегодня, находясь под беспрецедентным экономическим и военным давлением значительного количества недружественных государств, несмотря на возникающие сложности, продолжает показывать впечатляющие результаты в большинстве сфер функционирования государства и жизни общества. История показывает, что наша страна достигала наиболее значимых прорывов в науке, технике, экономике, искусстве чаще всего вопреки

негативным обстоятельствам, борясь с колоссальными вызовами минувших исторических эпох.

Как отмечает О.Н. Мигущенко, схожая ситуация вызова в социально-экономическом развитии для России не является оригинальной, она аналогична той, которая сложилась в СССР в 1920—1930-е годы, когда существовала проблема не только преодоления последствий Первой мировой и Гражданской войн, но и

усиления обороноспособности страны в условиях очередного обострения международной обстановки¹.

Глава государства, выступая на очередном заседании Военно-промышленной комиссии в 2021 г., отметил, что определение и выполнение заданий гособоронзаказа, ускоренное внедрение в серийное производство научно-технических достижений и, конечно, разработка перспективных образцов оружия являются приоритетами госпрограммы вооружения, которая в свою очередь играет особую роль в обеспечении обороны и безопасности России². Также, выступая на открытии форума «Армия-2022» Владимир Путин отметил, что многие образцы перспективных вооружений России на годы и десятилетия опережают зарубежные аналоги, значительно превосходят их по характеристикам³.

Такое прорывное развитие Российского ВПК стало возможно, в том числе, благодаря существующему значительному заделу результатов научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ советских ученых, а также современному развитию наукоемких технологий военного и двойного назначения.

Развитие института интеллектуальной собственности отнесено к числу основных направлений деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2024 г. Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации были утверждены Правительством Россий-

ской Федерации 29 сентября 2018 г.⁴ в качестве мер, направленных на реализацию положений Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». В частности, утвержденным документом к указанному направлению деятельности отнесено совершенствование механизмов вовлечения в оборот прав на результаты интеллектуальной деятельности (РИД), созданные за счет или с привлечением средств федерального бюджета.

Е.С. Климович еще в 2005 г. констатировала, что отсутствие установленных правоотношений в области учета и распоряжения правами на результаты научно-технической деятельности привели в 90-е годы к утрате государством прав на значительную часть имеющегося научно-технического задела, созданного за счет госбюджета СССР. Только с 1998 г. после завершения массовой приватизации значительной части промышленных и научных организаций были разработаны соответствующие нормативные документы по закреплению за государством прав на результаты научно-технической деятельности и распоряжение ими⁵.

Конечно, за последние двадцать лет работа в данном направлении не прекращалась, законодатель постоянно совершенствовал нормативно-правовой массив, регулирующий данную сферу общественных отношений.

В 2020 г. ГК РФ был дополнен статьей 1240.1⁶ «Результат интеллектуальной дея-

¹ Мигущенко О.Н. Использование интеллектуального потенциала образовательных организаций высшего образования в развитии муниципальных образований // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2019. № 2. С. 3.

² Заседание Военно-промышленной комиссии 10.10.2021 г. [Электронный ресурс]: Официальное интернет-представительство президента России. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/67093>

Заседание Военно-промышленной комиссии 10.10.2021 (дата обращения 25.01.2023 г.)

³ Путин: образцы перспективных вооружений РФ превосходят зарубежные аналоги на десятилетия. 15.08.2022 г. [Электронный ресурс]: Сайт РИА ТАСС. – Режим доступа: <https://tass.ru/armiya-i-oprk/15473933> (дата обращения 25.01.2023 г.)

⁴ Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2024 года : постановление Правительства Российской Федерации от 29 сентября 2018 г. № 8028п-П13 // СПС Консультант Плюс

⁵ Климович Е.С. Подход к обоснованию механизма учета результатов научно-исследовательских работ, права на которые принадлежат Российской Федерации // Бухгалтерский учет в бюджетных и некоммерческих организациях. 2005. № 4 (124). С. 5.

⁶ О внесении изменений в части вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации и признании утратившими силу законодательных актов (отдельных положений

тельности, созданный при выполнении государственного или муниципального контракта», которая вступила в силу с 1 января 2022 г.

До начала прошлого года, права на РИД могли принадлежать государству, в случае согласования такой возможности в контракте, если контрактом такое соглашение достигнуто не было, то РИД оставался за исполнителем контракта, но с условием предоставления безвозмездной лицензии в пользу России.

Однако, с 2022 г. введенная упомянутая ст. 1240.1 ГК РФ поменяла сложившийся порядок вещей. Теперь право на получение патента и исключительное право на РИД, непосредственно связанный с обеспечением обороны и безопасности, принадлежат Российской Федерации по умолчанию, при этом норма закона определяет исключительные случаи, при которых такие РИД могут принадлежать лицу, непосредственно выполнявшему государственный контракт (т.е. исполнителю). Порядок предоставления РИД военного назначения определяется Президентом Российской Федерации.

Такой порядок определен Указом Президента Российской Федерации от 8 ноября 2021 г. № 634 «Об утверждении Правил установления принадлежности лицу, выполняющему государственный контракт, права на получение патента и исключительного права на результат интеллектуальной деятельности, непосредственно связанный с обеспечением обороны и безопасности»¹. Он предусматривает, в частности, два случая, при которых РИД военного назначения будет принадлежать исполнителю контракта: 1) РИД не оказывает существенного влияния на выполнение

техзадания на проведение научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР) по госконтракту. 2) РИД не оказывает существенного влияния на научно-технические характеристики и конкурентные преимущества разрабатываемого изделия, разрабатываемой технологии.

Оценка влияния РИД на техзадание и теххарактеристики производится заказчиком НИОКР по заявлениям исполнителя работ. Указом Президента Российской Федерации заказчику предоставлена дискреция по определению влияния того или иного РИД на изделие военного назначения. При этом какого-либо механизма обжалования решения заказчика Указ не предусматривает.

Таким образом, законодатель обозначил приоритет распределения собственности на РИД военного назначения при выполнении контрактов НИОКР, оставив за государством основные результаты, полученные в ходе того или иного НИОКР, а за исполнителем остались лишь РИД по остаточному принципу, при условии, если они не оказывают существенное влияние на изделие. При таком положении вещей приходится констатировать очевидное ужесточение законодательства, которое в 2023 г., с учетом всех происходящих событий, представляется правильным и дальновидным.

Также с 1 января 2022 г. вступил в силу новый порядок формирования и ведения единого реестра результатов научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ военного, специального или двойного назначения².

Представляется, что законодатель вводил вышеуказанный единый реестр, как существенный этап в вовлечении массива

законодательных актов) Российской Федерации : Федеральный закон от 22 декабря 2020 г. № 456-ФЗ.

¹ Об утверждении Правил установления принадлежности лицу, выполняющему государственный контракт, права на получение патента и исключительного права на результат интеллектуальной деятельности, непосредственно связанный с обеспечением обороны и безопасности : Указ Президента Российской Федерации от 8 ноября 2021 № 634.

² О едином реестре результатов научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ военного, специального или двойного назначения и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации и отдельного положения акта Правительства Российской Федерации : постановление Правительства Российской Федерации от 7 октября 2021 г. № 1705.

прав на РИД в гражданско-правовой оборот, который преследует своей целью:

1) выявление патентоспособных технических решений из огромного массива документации по НИОКР государственного оборонного заказа (ГОЗ) уже накопленных и текущих разработок в сфере ГОЗ;

2) предоставление правовой защиты объектам учета и обеспечение открытости информации в целях использования ее потенциально заинтересованными лицами;

3) ожидаемый экономический эффект от реализации включенных в реестр РИД как нематериальных активов предприятия.

Упомянутые массивы научных знаний ученых СССР, сохранившиеся в организациях ВПК, а также необходимость их анализа и учета на предмет полезности и актуальности законодатель также не обошел стороной в процессе работы над совершенствованием патентного права.

В соответствии с порядком инвентаризации и стоимостной оценке прав на результаты научно-технической деятельности¹, организации ВПК могут проводить инициативную или в предусмотренных случаях обязательную инвентаризацию РИД. При проведении обязательной и инициативной инвентаризации в организациях оборонно-промышленного комплекса и организациях, выполняющих работы, связанные с обеспечением федеральных государственных нужд в области поддержания обороноспособности и безопасности Российской Федерации, в состав рабочей инвентаризационной комиссии включаются представители органов исполнительной власти, являющихся государственными заказчиками, и Федеральной службы по интеллектуальной собственности.

Таким образом, наполнение единого реестра РИД осуществляется, прежде всего, путем проведения инвентаризации, которая учитывает как мнение государства, так и работников предприятия (чаще всего авторов РИД). При этом, по нашему мнению, существующее правовое регулирова-

ние в рассматриваемой сфере нуждается в модернизации, в целях учета интересов исполнителя работ, которым чаще всего является организация ВПК или ее работник.

Как отмечает Г.А. Шлойдо, наличие явных пробелов в сфере регулирования творческих отношений в правовом поле патентного права, а также фрагментарность положений действующего законодательства о служебных результатах научно-технической деятельности не позволяет соблюсти баланс интересов при введении служебных объектов патентного права в гражданско-правовой оборот при участии авторов (т.е. работников и работодателей-исполнителей), а также третьих лиц (т.е. заказчиков)².

Необходимо отметить, что практическое наполнение вышеуказанного реестра производится по специальным формам, утвержденным приказом органа исполнительной власти³. Утвердивший указанные формы нормативный акт не обновлялся с 2003 г., в отличие от правил ведения единого реестра, новая редакция которых, как уже было сказано, действует с 1 января 2022 г. В этой связи считаем необходимым определить единые требования, которые могли бы предъявлять заказчики по информации, необходимой к внесению в единый реестр. В настоящее время каждый заказчик (Минобороны России, Росгвардия, МВД России и пр.) предъявляет собственные требования к виду информации, размещаемой в реестре.

Кроме того, углубляясь непосредственно в практическую реализацию форм предоставления информации, отметим, что п. 1.16 Формы № 1 по учету результатов интеллектуальной деятельности, который

² Шлойдо Г.А. Права авторов служебных изобретений в свете новелл патентного законодательства // ИС. Промышленная собственность. 2021. № 4. С. 55

³ Об утверждении форм документов, необходимых для ведения Единого реестра результатов научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ военного, специального и двойного назначения, права на которые принадлежат Российской Федерации : приказ Минюста России № 173, Минпромнауки России № 178 от 17 июля 2003 г.

¹ О порядке инвентаризации и стоимостной оценке прав на результаты научно-технической деятельности : постановление Правительства Российской Федерации от 14 января 2002 г. № 7.

поименован как «Перечень документации, содержащей сведения о результате» не предполагает какой-либо конкретики о том, какую конкретно документацию в него следует включить, тем самым предоставляя заказчику дискрецию по определению достаточности документации. По нашему мнению, чтобы избежать подобного несовершенства данного законодательного акта, следует определить необходимость указания в данной форме, к примеру, идентификационных (т.н. десятичных) номеров конкретных составных частей изделия, предусмотренного конструкторской документацией.

Относительно же правил ведения реестра, то в них, по нашему мнению целесообразно ввести дополнительный пункт, регулирующий отношения заказчика и исполнителя при выполнении работ по решениям о внесении принципиальных изменений в конструкторскую документацию изделий для регулирования вопроса распределения прав на результаты интеллектуальной деятельности, полученные при выполнении работ в инициативном порядке за счет собственных средств исполнителя, поскольку, в связи с последними изменениями, исполнитель (организация ВПК) полностью лишена возможности рассчитывать на получение правовой

охраны РИД даже полученного в результате инициативной разработки.

Представляется, что должным образом мотивировать приток новых научных кадров в военно-промышленный комплекс России может только обеспечение справедливого баланса между интересами государства и интересами авторов РИД, которые нередко инициативно ведут научную работу, способную обеспечить технологический суверенитет РФ, необходимость в котором не вызывает сомнений на текущем историческом периоде.

Библиография

1. Климович, Е.С. Подход к обоснованию механизма учета результатов научно-исследовательских работ, права на которые принадлежат Российской Федерации / Е.С. Климович // Бухгалтерский учет в бюджетных и некоммерческих организациях. — 2005. — № 4 (124). — С. 5—10.
2. Мигущенко, О.Н. Использование интеллектуального потенциала образовательных организаций высшего образования в развитии муниципальных образований / О.Н. Мигущенко // Муниципальная служба: правовые вопросы. — 2019. — № 2. — С. 3—8.
3. Шлойдо, Г.А. Права авторов служебных изобретений в свете новелл патентного законодательства / Г.А. Шлойдо // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. — 2021. — № 4. — С. 55—62.

Военная служба. Социальные гарантии и статус военнослужащих

Обеспечение законности в сфере прохождения военной службы по контракту: военно-судебная практика

© Баранников Михаил Михайлович,
юрист, преподаватель Российского
государственного университета правосудия
© Харитонов Станислав Станиславович,
кандидат юридических наук, профессор

Аннотация. В статье представлены судебные решения, показывающие правоприменительную практику со стороны командиров (начальников) в сфере прохождения и увольнения с военной службы по отношению к военнослужащим, проходящим военную службу по контракту.

Ключевые слова: военная служба, военнослужащий, прохождение военной службы по контракту, увольнение с военной службы.

Ensuring legality in the sphere of military service under contract: military judicial practice

© Barannikov M.M.,
lawyer, lecturer at the Russian State University of
Justice
© Kharitonov S.S.,
candidate of legal sciences, professor

Abstract. The article presents court decisions showing law enforcement practice on the part of commanders (chiefs) in the field of service and dismissal from military service in relation to military personnel serving under contract.

Key words: military service, serviceman, military service under a contract, dismissal from military service.

Сущность закона – человеколюбие.
Уильям Шекспир

Правовое регулирование прохождения военной службы по контракту традиционно находится в центре внимания военных юристов в связи с многообразием возникающих ситуаций, требующих комплексного анализа не только военно-административных предписаний, но и зачастую норм «невоенного» законодательства¹.

¹ См., напр.: Фатеев К.В. Организационно-правовые вопросы увольнения с военной службы граждан, проходящих ее по контракту в Вооруженных Силах Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук.

М., 2000; Шанхаев С.В. Правовое регулирование перемещения военнослужащих Российской Федерации по службе : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008; Корякин В.М. Юридический справочник военнослужащего-контрактника: для солдат, матросов, сержантов и старшин, проходящих военную службу по контракту. М.: За права военнослужащих, 2006; Баранников М.М., Харитонов С.С. О рассмотрении военными судами дел в сфере прохождения военной службы военнослужащими // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2021. № 11 (292). С. 23—37; Глухов Е.А. Увольнения и перемещения личного состава при приведении воинских частей и органов военного управления в высшие степени боевой готовности //

Поэтому вопросы правоприменительной деятельности в сфере прохождения военной службы занимают значительную часть деятельности военных судов.

Представленные решения позволяют проследить формирование мотивировки управленческих решений, принимаемых командирами (начальниками) в сфере прохождения военной службы по контракту.

Военнослужащий может быть переведен к новому месту военной службы по служебной необходимости с назначением на равную воинскую должность без его согласия при условии соблюдения гарантий, предусмотренных п. 2 ст. 15 Положения о порядке прохождения военной службы.

Военнослужащий Б., проходивший военную службу по контракту, оспорил приказ командира воинской части о назначении его на равную воинскую должность в другую местность.

В обоснование своих требований он указал, что его отец, являясь инвалидом первой группы и проживающий в г. Вологде, нуждается в постоянном постороннем уходе, а супруга и ее сын не могут

проживать в районах Крайнего Севера по состоянию здоровья. Кроме того, беседа по вопросу назначения на новую воинскую должность с ним не проводилась, согласия на перевод к новому месту военной службы он не давал, а командование наличие причин, препятствующих назначению, не выясняло.

Решением гарнизонного военного суда в удовлетворении административного иска отказано на том основании, что согласия Б. при переводе к новому месту военной службы по служебной необходимости с назначением на равную воинскую должность не требовалось, а сам Б. до издания оспариваемого приказа документов, подтверждающих обстоятельства, препятствующие назначению на воинскую должность в указанную местность, командованию не предоставил.

Окружной военный суд с таким решением не согласился, отметив следующее.

Порядок перевода к новому месту военной службы закреплен в ст. 15 Положения о порядке прохождения военной службы, согласно п. 2 которой военнослужащий, проходящий военную службу по контракту, может быть переведен к новому месту военной службы по служебной необходимости с назначением на равную воинскую должность. Перевод данного военнослужащего к новому месту военной службы с назначением на равную воинскую должность производится без его согласия.

В той же норме предусмотрены случаи, когда такое согласие требуется.

В частности, подп. «б» и «в» п. 2 ст. 15 Положения предусматривают наличие согласия военнослужащего на перевод при невозможности проживания жены в местности, куда он переводится, в соответствии с заключением ВВК, а также при необходимости постоянного ухода за проживающим отдельно отцом, не находящимся на полном государственном обеспечении и нуждающимся в соответствии с заключением органа государственной службы медико-социальной экспертизы по его месту жительства в постоянном постороннем уходе (помощи, надзоре).

Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2017. № 4 (237). С. 101—111; Калашников В.В. Особенности правового регулирования деятельности профессорско-преподавательского состава военного учебного центра // Военное право. 2021. № 2 (66). С. 86—92; Кириченко Н.С. Военная служба по контракту: новеллы правового регулирования // Право в Вооруженных силах — военно-правовое обозрение. 2018. № 1. С. 6—9; Малаханов А.В. О некоторых аспектах выполнения воинского долга и обязанности гражданина Российской Федерации по защите Отечества // Военное право. 2020. № 6 (64). С. 151—154; Мартиросян В.С. Актуальные проблемы комплектования Вооруженных Сил Российской Федерации в современных условиях // Вестник военного права. 2020. № 3. С. 20—23; Миронов В.С., Харитонов С.С. О современных тенденциях разрешения споров в сфере военной службы по материалам военно-судебной практики // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2023. № 2 (307). С. 21—35; Харитонов В.С. Профессиональный психологический отбор по военно-учетным специальностям: вопросы правового регулирования // Военное право. 2018. № 5 (51). С. 104—107, и др.

В соответствии с п. 104 Положения о военно-врачебной экспертизе, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 4 июля 2013 г. № 565, организация обследования и освидетельствования членов семей военнослужащих в целях определения возможности их проживания по состоянию здоровья в местностях, куда военнослужащие переводятся для прохождения военной службы, возложена на руководителей федеральных органов исполнительной власти и федеральных государственных органов, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба. В Минобороны России организуется направление на освидетельствование в ВВК, создаваемые в Вооруженных Силах, членов семей военнослужащих в целях определения возможности их проживания по состоянию здоровья в отдельных местностях.

Совокупность приведенных норм обязывала командование при решении вопроса о переводе Б. заблаговременно удостовериться в отсутствии обстоятельств, требующих его согласия на перевод, а при наличии таких обстоятельств — выяснить его согласие и предложить представить подтверждающие их документы.

Те же нормы при соответствующем волеизъявлении Б. возлагали на командование обязанность организовать обследование и освидетельствование членов его семьи в целях определения возможности их проживания по состоянию здоровья в местности, куда истец переводился для прохождения военной службы.

Очевидно, что указанные мероприятия являлись обязательной составной частью процедуры (порядка) перевода военнослужащего к новому месту военной службы. Однако из объяснений Б. следовало, что о планируемом назначении он узнал лишь за два дня до издания оспариваемого приказа. Беседа с ним в связи с предстоящим переводом не проводилась, об аттестации он не уведомлялся и на заседании аттестационной комиссии не присутствовал, а с приказом о назначении был ознакомлен лишь 29 сентября 2021 г.

Эти объяснения ничем не опровергнуты и нашли подтверждение в исследованных доказательствах.

Так, из справки командира воинской части следовало, что беседа перед переводом с Б. не проводилась, а в плане замены военнослужащих он не значился. Согласно протоколу заседания аттестационной комиссии от 20 сентября 2021 г. заседание по вопросу назначения Б. на равную воинскую должность проведено без его участия. Представление к переводу было оформлено 22 сентября 2021 г. и отправлено в адрес вышестоящего командования 23 сентября того же года, то есть в день издания оспариваемого приказа.

В результате процедура назначения на равную воинскую должность заняла не более 4-х дней, включая день издания приказа, в связи с чем Б. был лишен возможности официально, с представлением документов, подтверждающих наличие у него перечисленных в п. 2 ст. 15 Положения обстоятельств, заявить о несогласии с переводом, что не было учтено судом.

Согласно справки ФКУ «ГБ МСЭ по Вологодской области» Минтруда России от 22 октября 2020 г. отцу Б. 21 октября того же года на срок до 1 ноября 2022 г. (с последующим освидетельствованием) установлена инвалидность первой группы; заключением того же органа от 12 ноября 2021 г. он по состоянию здоровья признан нуждающимся в постоянном постороннем уходе (помощи, надзоре).

При этом установленное в ч. 2 ст. 15 Положения ограничение при назначении на равную воинскую должность, связанное с необходимостью постоянного ухода за проживающим отдельно отцом, не находящимся на полном государственном обеспечении и нуждающимся в соответствии с заключением органа государственной службы медико-социальной экспертизы по его месту жительства в постоянном постороннем уходе (помощи, надзоре), не обусловлено наличием у военнослужащего иных родственников, которые могут или обязаны по закону осуществлять такой уход.

Такое заключение вместе с соответствующим рапортом 12 ноября 2021 г.

представлялось истцом командиру воинской части для решения вопроса об отмене оспариваемого приказа, но решения по рапорту принято не было.

Более того, заключением ВВК поликлиники Минобороны России от 16 декабря 2021 г. супруга Б. признана не годной к проживанию в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностям.

При изложенных обстоятельствах при назначении Б. на равную должность командованием были нарушены его права и законные интересы.

Поскольку выводы гарнизонного суда не соответствовали фактическим обстоятельствам дела и основывались на неверном применении норм материального права, окружной военный суд решение отменил и принял новое решение об удовлетворении административного иска¹.

Временное прохождение военной службы в воинской части, дислоцированной в другом населенном пункте, служебной командировкой не является.

М. оспорил отказ УФО возместить ему расходы за время нахождения в командировке, и просил взыскать их с УФО.

Решением гарнизонного военного суда административный иск был удовлетворен. В качестве юридически значимых обстоятельств суд установил, что М. проходил военную службу.

Во исполнение телеграммы вышестоящего командования и на основании приказов командира воинской части с 16 мая по 18 июня 2021 г. он полагался находящимся в служебной командировке по формированию временных штатно-должностных расчетов в воинской части, дислоцированной в другой местности.

Указанной телеграммой командиру воинской части предписывалось оплату командировочных расходов осуществить за счет средств согласно плану служебных командировок воинской части. Фактиче-

ское время нахождения в командировке и ее цель подтверждалась соответствующими отметками в командировочном удостоверении, содержанием электронных билетов на проезд М., а также служебным заданием для направления в командировку и отчетом о его выполнении в полном объеме.

Из утвержденного командиром части отчета о фактически осуществленных М. расходах в командировке следовало, что они составили 6 913 руб. 30 коп., в том числе 3 400 руб. суточных и 3 513 руб. 30 коп. расходов на проезд к месту командировки и обратно.

Основанием для отказа М. в оплате командировочных расходов послужило отсутствие, по мнению УФО, правовых оснований для признания этой служебной поездки служебной командировкой.

Вывод суда об обратном основывался на исполнении М. вне пункта постоянной дислокации служебного задания, не обусловленного обязанностями по занимаемой воинской должности.

Согласно п. 1 ст. 3 Федерального закона «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат» военнослужащим, направляемым в служебные командировки, производятся выплаты на командировочные расходы в порядке и размерах, которые определяются Правительством России.

В соответствии с абз. 3 п. 3 приложения № 1 к приказу Министра обороны Российской Федерации от 3 июня 2016 г. № 323 «О планировании служебных командировок» служебной командировкой является направление личного состава по решению командира воинской части (руководителя органа военного управления) на определенный срок в другую местность для выполнения служебного задания вне пункта постоянной дислокации или временного расквартирования воинской части (органа военного управления), в которой личный состав проходит военную службу.

В п. 134 Порядка обеспечения денежным довольствием военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации и предоставления им и членам их семей отдельных выплат, утвержденного приказом

¹ См.: Обзор судебной практики гарнизонных военных судов по административным и гражданским делам за I полугодие 2022 года, утвержден на заседании президиума 1-го Западного окружного военного суда 19 июля 2022 г. URL: http://1zovs.spb.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=287 (дата обращения 11.09.2023).

Министра обороны Российской Федерации от 6 декабря 2019 г. № 727, указано, что военнослужащим, направляемым в командировку, по месту прохождения военной службы возмещаются расходы по проезду, бронированию и найму жилого помещения, а также дополнительные расходы, связанные с проживанием вне места постоянного жительства (суточные), и иные расходы, связанные со служебной командировкой.

В силу подп. 5 п. 142 Порядка не считаются служебными командировками и не включаются при планировании служебных командировок на календарный год поездки военнослужащих, временно направленных в воинские части, дислоцированные в других населенных пунктах, или зачисленных в распоряжение соответствующих командиров в другие населенные пункты.

Исходя из приведенных норм юридически значимыми при разрешении вопроса о том, находился ли военнослужащий в служебной командировке, являются такие обстоятельства, как направление его по распоряжению командира (начальника) на определенный срок в другую местность для выполнения конкретного служебного задания, либо убытия, хотя и носящего временный характер, в целях прохождения военной службы в другой воинской части в другом населенном пункте.

При этом само по себе оформление приказов командования о направлении военнослужащего в командировку и выдача ему командировочного удостоверения в каждом из таких случаев не предполагает безусловного возникновения у того определенного объема прав, включая право требования выплаты сумм в размере возмещения командировочных расходов, и не может изменить существо реально имевших место правоотношений.

Из исследованной судом первой инстанции телеграммы командования от 12 января 2021 г. усматривалось, что для выполнения задач в воинскую часть требовалось командировать личный состав в сводную роту по расчету, включающему личный состав, а также командира роты, командируемого из числа военнослужащих,

относящихся к должностной категории заместителя командира батальона.

Планом служебных командировок воинской части на 2021 г. такие командировки не предусматривались. Данных о том, что в план вносились изменения в порядке, установленном приказом Министра обороны Российской Федерации от 3 июня 2016 г. № 323 «О планировании служебных командировок», суду не представлено.

В административном иске сам М. указал, что в период командировки выполнял обязанности командира нештатной роты, проживал в казарме с личным составом и обеспечивался бесплатным питанием.

Эти обстоятельства оставлены судом первой инстанции без внимания и надлежащей оценки, что повлекло ошибочный вывод о нахождении М. в служебной командировке.

Поскольку фактически М. был временно направлен в другую воинскую часть для прохождения военной службы, исполнение им обязанностей служебной командировкой считаться не могло. Поэтому право на возмещение суточных расходов, выплата которых предусмотрена законодательством исключительно в случаях нахождения военнослужащего в служебной командировке, у М. не возникло.

Вместе с тем, военнослужащие имеют право на безвозмездный проезд для выполнения иных поставленных перед ними служебных задач вне места постоянной дислокации воинской части, где они проходят военную службу.

Учитывая особенность вышеприведенного мероприятия, суд обоснованно признал, что М. не должен нести расходы по участию в нем за счет личных средств.

Согласно п. 4 и 5 ст. 18, п. 1 ст. 21 Закона о статусе военнослужащих и п.1 и 2 ст. 15 ГК РФ военнослужащие имеют право на защиту своих прав и законных интересов, убытки, причиненные им, находящимся при исполнении обязанностей военной службы, возмещаются за счет средств федерального бюджета, а также лицо, право которого нарушено, может требовать полного возмещения причиненных ему убытков, если законом или дого-

вором не предусмотрено возмещение убытков в меньшем размере.

М. понесены расходы в связи с исполнением приказа о выполнении служебного задания, поэтому финансирование данных расходов должно производиться за счет средств федерального бюджета, выделяемых для обеспечения деятельности военного ведомства.

При таких данных окружной военный суд решение гарнизонного суда изменил, оставив его в силе в части возмещения расходов на оплату проезда к месту выполнения служебных задач и обратно, а в удовлетворении требования о возмещении суточных отказал¹.

Критерием, позволяющим военнослужащему реализовать право на отпуск по личным обстоятельствам, является наличие у командования сведений о том, что статус военнослужащего не будет им утрачен в момент достижения предельного возраста пребывания на военной службе.

Решением гарнизонного военного суда удовлетворен административный иск бывшего военнослужащего Михайловской военной артиллерийской академии (далее — Академия) А., оспорившего отказ начальника Академии предоставить ему отпуск по личным обстоятельствам.

Согласно материалам дела и в соответствии с п. 1 ст. 49 Закона о воинской обязанности и военной службе А. с 2007 г. проходил военную службу в Академии на должности преподавателя, а предельный возраст пребывания на военной службе наступал для него 4 марта 2022 г.

Срок действия контракта о военной службе истекал у А. 21 октября 2021 г., но рапорт о заключении нового контракта он не подавал.

В июне и августе 2021 г. А. обращался к начальнику Академии с рапортами о

предоставлении отпуска по личным обстоятельствам.

13 августа 2021 г. начальник Академии в предоставлении отпуска отказал на том основании, что срок действия контракта А. истекал до наступления у него предельного возраста пребывания на военной службе.

29 сентября 2021 г., то есть до наступления предельного возраста, А. был уволен с военной службы на основании подп. «б» п. 1 ст. 51 Закона о воинской обязанности и военной службе (по истечении срока контракта о прохождении военной службы).

Согласно абз. 6 п. 10 ст. 11 Закона о статусе военнослужащих военнослужащим, общая продолжительность военной службы которых составляет 20 лет и более, в один год из трех лет до достижения ими предельного возраста пребывания на военной службе либо в год увольнения с военной службы по состоянию здоровья или в связи с организационно-штатными мероприятиями, кроме основного отпуска, по их желанию предоставляется отпуск по личным обстоятельствам продолжительностью 30 суток. Данный отпуск предоставляется один раз за период военной службы.

Удовлетворяя иск, суд первой инстанции исходил из того, что имеющий выслугу более 32 лет А. в период военной службы за год до достижения предельного возраста обратился с рапортом о предоставлении указанного отпуска.

Суд посчитал, что для установления права на отпуск юридически значимым является не наступление предельного возраста пребывания на военной службе в период ее прохождения, а наличие права на отпуск и обращение за его предоставлением в период военной службы в один год из трех лет до достижения предельного возраста.

Такой вывод, по мнению окружного военного суда, противоречит нормам материального права, порядок применения которых разъяснен в Обзоре судебной практики окружных (флотских) военных судов по административным и гражданским делам в 2017 г. (утв. Президиумом

¹ См.: Обзор судебной практики гарнизонных военных судов по административным и гражданским делам за I полугодие 2022 года, утвержден на заседании президиума 1-го Западного окружного военного суда 19 июля 2022 г. URL: http://1zovs.spb.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=287 (дата обращения 12.09.2023).

Верховного Суда Российской Федерации 3 октября 2018 г.).

Критерием, позволяющим военнослужащему реализовать право на отпуск по личным обстоятельствам, является наличие у командования сведений о том, что статус военнослужащего не будет им утрачен в момент достижения предельного возраста пребывания на военной службе.

Такое обязательное условие в отношении А. отсутствовало, а действия начальника Академии соответствовали нормам материального права, регулирующим спорные правоотношения, что повлекло отмену решения суда первой инстанции и принятие нового решения об отказе в удовлетворении заявленных требований. (*Обзор судебной практики гарнизонных военных судов по административным и гражданским делам за I полугодие 2022 года, утвержден на заседании президиума 1-го Западного окружного военного суда 19 июля 2022 г.* URL: http://1zovs.spb.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=287 (дата обращения 13.09.2023)).

Библиография

1. Баранников, М.М. О рассмотрении военными судами дел в сфере прохождения военной службы военнослужащими / М.М. Баранников, С.С. Харитонов // *Право в Вооруженных Силах* — военнопредварительное обозрение. — 2021. — № 11 (292). — С. 23—37.
2. Глухов, Е.А. Увольнения и перемещения личного состава при приведении воинских частей и органов военного управления в высшие степени боевой готовности / Е.А. Глухов // *Право в Вооруженных Силах* — военнопредварительное обозрение. — 2017. — № 4 (237). — С. 101—111.
3. Калашников, В.В. Особенности правового регулирования деятельности профессорско-преподавательского состава военного учебного центра / В.В. Калашников // *Военное право*. — 2021. — № 2 (66). — С. 86—92.
4. Кириченко, Н.С. Военная служба по контракту: новеллы правового регулирования / Н.С. Кириченко // *Право в Вооруженных Силах* — военнопредварительное обозрение. — 2018. — № 1. — С. 6—9.
5. Корякин, В.М. Юридический справочник военнослужащего-контрактника: для солдат, матросов, сержантов и старшин, проходящих военную службу по контракту / В.М. Корякин. — М.: За права военнослужащих, 2006.
6. Малаханов, А.В. О некоторых аспектах выполнения воинского долга и обязанности гражданина Российской Федерации по защите Отечества / А.В. Малаханов // *Военное право*. — 2020. — № 6 (64). — С. 151—154.
7. Мартиросян, В.С. Актуальные проблемы комплектования Вооруженных Сил Российской Федерации в современных условиях / В.С. Мартиросян // *Вестник военного права*. — 2020. — № 3. — С. 20—23.
8. Миронов, В.С. О современных тенденциях разрешения споров в сфере военной службы по материалам военно-судебной практики / В.С. Миронов, С.С. Харитонов // *Право в Вооруженных Силах* — военнопредварительное обозрение. — 2023. — № 2 (307). — С. 21—35.
9. Фатеев, К.В. Организационно-правовые вопросы увольнения с военной службы граждан, проходящих ее по контракту в Вооруженных Силах Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук / К.В. Фатеев. — М., 2000.
10. Харитонов, В.С. Профессиональный психологический отбор по военно-учетным специальностям: вопросы правового регулирования / В.С. Харитонов // *Военное право*. — 2018. — № 5 (51). — С. 104—107.
11. Шанхаев, С.В. Правовое регулирование перемещения военнослужащих Российской Федерации по службе : дис. ... канд. юрид. наук / С.В. Шанхаев. — М., 2008.

О реализации военными ведомствами полномочий, предусмотренными Федеральным законом «Об обороне», в сфере правового регулирования медицинского обеспечения

© Грищенко Леонид Леонидович,
доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры управления органами внутренних дел в особых условиях, Академия управления МВД России.

© Александрова Наталья Геннадиевна,
кандидат юридических наук, доцент кафедры кадрового, правового и психологического обеспечения Академии Государственной противопожарной службы МЧС России

Аннотация. Медицинское обеспечение военнослужащих как один из видов обеспечения воинских частей, военных организаций (подразделений) имеет большое значение для поддержания обороноспособности нашего государства. Указанное направление регламентируется законодательными и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, некоторые из которых наделяют федеральные органы исполнительной власти, в которых законом предусмотрена военная служба, полномочиями на издание ведомственных нормативных правовых актов, регламентирующих вопросы медицинского обеспечения военнослужащих. В статье рассмотрены вопросы, связанные с реализацией военными ведомствами предоставленных им полномочий по изданию таких нормативных правовых актов.

Ключевые слова: военная служба, медицинское обеспечение военнослужащих, правовое регулирование.

On the implementation by military departments of the powers provided for by the Federal Law "On Defense" in the field of legal regulation of medical support

© Grishchenko L.L.,
Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Management of Internal Affairs Bodies in Special Conditions, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

© Alexandrova N.G.,
Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Personnel, Legal and Psychological Support of the Academy of the State Anti-Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia

Annotation. Medical support for military personnel as one of the types of support for military units, military organizations (units) is of great importance for maintaining the defense capability of our state. This direction is regulated by legislative and other regulatory legal acts of the Russian Federation, some of which empower federal executive authorities, in which military service is provided by law, with the authority to issue departmental regulatory legal acts regulating issues of medical support for military personnel. The article discusses issues related to the implementation by military departments of the powers granted to them to issue such regulatory legal acts.

Keywords: military service, medical support of military personnel, legal regulation.

Важную роль в системе поддержания боеспособности личного состава воинских частей и иных военных организаций играет медицинское обеспечение, являющееся одним из видов обеспечения. От надлежащей организации данного вида обеспечения зависит своевременность оказания медицинской помощи личному составу, поддержание и восстановление его здоровья. Все это напрямую влияет на качество выполняемых военнослужащими служебно-боевых задач.

Данная тема по-прежнему является актуальной, о чем свидетельствует большое количество научных работ, посвященных этой теме¹.

Надлежащая организация правового обеспечения медицинского обеспечения имеет немаловажное значение в данном вопросе. Данное направление также реализуется путем издания федеральными органами исполнительной власти, в некоторых законом предусмотрена военная служба, ведомственных нормативных правовых актов.

Медицинское обеспечение, как любой иной вид обеспечения деятельности военных организаций (подразделений), требует создания правового механизма в целях его нормального функционирования, который следует называть правовое регулирование медицинского обеспечения. От правильной организации правового регулирования медицинского обеспечения напрямую зависит эффективность и качество непосредственно медицинского обеспечения, что в

свою очередь влияет на боеспособность воинской части (организации)².

Согласно ч. 1 ст. 41 Конституции Российской Федерации каждый гражданин Российской Федерации имеет право на охрану здоровья и медицинскую помощь.

Исходя из положений УВС ВС РФ (ст. 342.1), медицинское обеспечение военнослужащих — это комплекс мероприятий организационного и медицинского характера, осуществляемых командованием воинских частей, органами управления медицинской службой, военно-медицинскими организациями, медицинскими частями и медицинскими пунктами в целях сохранения и укрепления здоровья военнослужащих, своевременного оказания им медицинской помощи, восстановления их трудоспособности и боеспособности. Медицинское обеспечение военнослужащих включает в себя реализацию санитарно-противоэпидемических (профилактических) мероприятий, проведение медицинских осмотров и медицинских обследований, диспансеризации, медицинских экспертиз (освидетельствований), медико-психологической реабилитации военнослужащих, оказание им медицинской помощи, в том числе проведение диспансерного наблюдения и медицинской реабилитации, изготовление и ремонт зубных протезов (за исключением протезов из драгоценных металлов и других дорогостоящих материалов), обеспечение военнослужащих лекарственными препаратами для медицинского применения и медицинскими изделиями, а также медицинский контроль за состоянием здоровья личного состава, изучение условий военной службы и быта военнослужащих, выявление факторов, отрицательно влияющих на их здоровье.

Согласно военному энциклопедическому словарю медицинское обеспечение представляет собой вид обеспечения действий войск (сил), представляющий собой совокупность мероприятий, осуществляе-

¹ См. напр.: Корякин В.М. Правовые аспекты медицинского обеспечения специальной военной операции // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2022. № 8 (301). С. 28—32; Кудашкин А.В. Специальная военная операция — современный пример правовой институционализации // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2022. № 12 (305). С. 46—51; Кириченко Н.С., Бабайцева Е.С. Правовое положение субъектов медицинского обеспечения войск национальной гвардии Российской Федерации // Военное право. 2023. № 1 (77). С. 77—82; Холиков И.В. Международно-правовой статус военно-медицинского персонала. Москва: ГВКГ им. Н.Н. Бурденко, 2002.

² Грищенко Л.Л. Медицинское обеспечение как вид обеспечения жизнедеятельности воинской части (военно-правовой аспект) // Военное право. 2023. № 4 (80). С. 117—121.

мых военными медиками по сохранению боеспособности, укреплению здоровья личного состава вооружённых сил, своевременному оказанию медицинской помощи и мер по восстановлению здоровья, боеспособности (трудоспособности) раненых и больных¹.

Основные вопросы организации медицинского обеспечения Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов регламентированы Федеральным законом от 31 мая 1996 № 61-ФЗ «Об обороне», который также предоставляет федеральным органам исполнительной власти, в которых на основании закона предусмотрена военная служба, полномочия на издание нормативных правовых актов, регламентирующих некоторые вопросы, связанные с медицинским обеспечением военнослужащих своего ведомства, а в некоторых случаях и военнослужащих других военных ведомств.

Согласно п. 1 ст. 17.1 Закона об обороне медицинское обеспечение Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов осуществляется в соответствии с указанным Федеральным законом, другими федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.

В соответствии с п. 5 ст. 17.1 Закона об обороне Минобороны России, федеральные органы исполнительной власти, уполномоченные в области управления другими войсками, воинскими формированиями и органами наделены полномочиями на установление *особенностей организации оказания медицинской помощи в медицинских (военно-медицинских) подразделениях Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов*. Данная норма реализована ведомствами в своих приказах². Следует

отметить, что указанное положение Закона введено Федеральным законом от 27 декабря 2019 г. № 518-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "Об обороне" и статью 38 Федерального закона "Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации"». При этом, например, Росгвардией соответствующие особенности были установлены еще раньше приказом от 2 октября 2018 г. № 444 «Об утверждении Инструкции об особенностях организации оказания медицинской помощи в медицинских организациях войск национальной гвардии Российской Федерации, в том числе при санаторно-курортном лечении».

На основании п. 5 ст. 17.1 Закона об обороне Министерством обороны Российской Федерации установлены *случаи и порядок оказания медицинской помощи личным составом медицинских (военно-медицинских) организаций, частей и медицинских (военно-медицинских) подразделений Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов*:

1) вне мест постоянной дислокации этих организаций, частей и подразделений при выполнении военнослужащими задач в условиях военного времени, ведения военных (боевых) действий, выполнения боевых (учебно-боевых), служебно-боевых (оперативно-служебных) задач в области обороны³;

Российской Федерации»; приказ ФСБ России от 19 мая 2017 г. № 271 «Об утверждении Инструкции об особенностях организации оказания медицинской помощи в военно-медицинских организациях ФСБ России и военно-медицинских подразделениях органов федеральной службы безопасности»; приказ МЧС России от 15 октября 2020 г. № 769 «Об установлении Особенности организации оказания медицинской помощи в медицинских (военно-медицинских) подразделениях спасательных воинских формирований Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий».

³ Приказ Министра обороны Российской Федерации от 23 декабря 2020 г. № 715 «Об установлении случаев и порядка оказания медицинской помощи личным составом медицинских (военно-медицинских) организаций, частей и медицинских (военно-медицинских) подразделений Вооруженных Сил Российской Федерации».

¹ См.: Военный энциклопедический словарь. М.: Большая Российская Энциклопедия, 2001. Т. 2. С. 49.

² Приказ Министра обороны Российской Федерации от 18 июня 2020 г. № 260 «Об установлении особенностей организации оказания медицинской помощи в медицинских (военно-медицинских) подразделениях Вооруженных Сил Российской Федерации».

2) при дислокации этих организаций, частей и подразделений за пределами территории Российской Федерации (включая порядок применения не зарегистрированных в Российской Федерации лекарственных препаратов и медицинских изделий)¹.

Следующим полномочием, которым на основании п. 9 ст. 17.1 Закона об обороне наделено Минобороны России, и которое реализовано путем издания соответствующего приказа, является разработка и утверждение *Перечня состояний, при которых оказывается первая помощь, правила ее оказания, стандарт оснащения аптек, сумок и комплектов медицинско-*

Федерации, войск национальной гвардии Российской Федерации, спасательных воинских формирований федерального органа исполнительной власти, уполномоченного на решение задач в области гражданской обороны, Службы внешней разведки Российской Федерации, органов федеральной службы безопасности, органов государственной охраны, органов военной прокуратуры, военных следственных органов Следственного комитета Российской Федерации, Главного управления специальных программ Президента Российской Федерации вне мест постоянной дислокации этих организаций, частей и подразделений при выполнении военнослужащими задач в условиях военного времени, ведения военных (боевых) действий, выполнения боевых (учебно-боевых), служебно-боевых (оперативно-служебных) задач в области обороны».

¹ Приказ Министра обороны Российской Федерации от 16 ноября 2020 г. № 605 «Об установлении случаев и порядка оказания медицинской помощи личным составом медицинских (военно-медицинских) организаций, частей и медицинских (военно-медицинских) подразделений Вооруженных Сил Российской Федерации, войск национальной гвардии Российской Федерации, спасательных воинских формирований Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, Службы внешней разведки Российской Федерации, органов федеральной службы безопасности, органов государственной охраны, органов военной прокуратуры, военных следственных органов Следственного комитета Российской Федерации, Главного управления специальных программ Президента Российской Федерации при дислокации этих организаций, частей и подразделений за пределами территории Российской Федерации (включая порядок применения не зарегистрированных в Российской Федерации лекарственных препаратов и медицинских изделий)».

го имущества². Кроме этого, указанная норма Закона наделила военные ведомства полномочиями на утверждение *особенностей оснащения аптек, сумок и комплектов медицинского имущества³*.

Крайним полномочием, предоставленным военным ведомствам п. 10 ст. 17.1 Закона об обороне, является разработка и утверждение *Порядка организации подготовки военнослужащих и медицинских специалистов медицинских (военно-медицинских) организаций, частей и медицинских (военно-медицинских) подразделений по проведению мероприятий по оказанию первой помощи, в том числе программы подготовки⁴*.

В завершение полагаем необходимым сделать вывод о том, что совершенствование механизма правового регулирования медицинского обеспечения военных организаций играет важную роль в повышении степени их боеспособности.

Библиография

1. Грищенко, Л.Л. Медицинское обеспечение как вид обеспечения жизнедеятельности воинской части (военно-правовой аспект) / Л.Л. Грищенко //

² Приказ Министра обороны Российской Федерации от 9 декабря 2022 г. № 760 «Об утверждении Перечня состояний, при которых оказывается первая помощь военнослужащим Вооруженных Сил Российской Федерации, войск национальной гвардии Российской Федерации, спасательных воинских формирований Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, Службы внешней разведки Российской Федерации, органов федеральной службы безопасности, органов государственной охраны, органов военной прокуратуры, военных следственных органов Следственного комитета Российской Федерации, Главного управления специальных программ Президента Российской Федерации в условиях военного времени, ведения военных (боевых) действий, выполнения боевых (учебно-боевых), служебно-боевых (оперативно-служебных) задач в области обороны, а также правил ее оказания».

³ Приказ Росгвардии от 26 мая 2023 г. № 175 «Об установлении особенностей оснащения аптек, сумок и комплектов медицинского имущества в войсках национальной гвардии Российской Федерации».

⁴ Приказ Министра обороны Российской Федерации от 13 июня 2023 г. № 340; приказ МЧС России от 19 мая 2023 г. № 489.

Военное право. — 2023. — № 4 (80). — С. 117—121.

2. Кириченко, Н.С. Правовое положение субъектов медицинского обеспечения войск национальной гвардии Российской Федерации / Н.С. Кириченко, Е.С. Бабайцева // Военное право. — 2023. — № 1 (77). — С. 77—82.

3. Корякин, В.М. Правовые аспекты медицинского обеспечения специальной военной операции / В.М. Корякин // Право в Вооруженных

Силах — военно-правовое обозрение. — 2022. — № 8 (301). — С. 28—32.

4. Кудашкин, А.В. Специальная военная операция — современный пример правовой институционализации / А.В. Кудашкин // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2022. — № 12 (305). — С. 46—51.

5. Холиков, И.В. Международно-правовой статус военно-медицинского персонала. — М.: ГВКГ им. Н.Н. Бурденко, 2002. — 160 с.

Правовые основы медицинского обеспечения военнослужащих

© Кириченко Николай Сергеевич,
кандидат юридических наук, юрист
© Лысянский Валерий Леонидович,
кандидат юридических наук, юрист

Аннотация. Право на получение квалифицированной медицинской помощи закреплено Конституцией Российской Федерацией, и его реализация напрямую влияет на жизнь и здоровье населения страны. При этом реализация данного права в отношении некоторых категорий граждан, имеющих определенную профессиональную принадлежность, например, военнослужащих, также влияет на обороноспособность государства и обеспечение его безопасности в целом. Медицинское обеспечение военнослужащих как объект правового регулирования имеет свою определенную специфику. Именно данному вопросу посвящена настоящая статья.

Ключевые слова: правовое регулирование, медицинское обеспечение военнослужащих, военная служба.

Legal basis of medical support for military personnel

© Kirichenko N.S.,
Candidate of Law, lawyer
© Lysyansky V.L.,
Candidate of Law, lawyer

Annotation. The right to receive qualified medical care is enshrined in the Constitution of the Russian Federation, and its implementation directly affects the life and health of the population of the country. At the same time, the exercise of this right in relation to certain categories of citizens who have a certain professional affiliation, for example, military personnel, also affects the defense capability of the state and ensuring its security in general. Medical support of a serviceman, as an object of legal regulation, has its own specific features. This article is devoted to this issue.

Keywords: legal regulation, medical support of military personnel, military service.

Тема медицинского обеспечения военнослужащих широко освещена в научных работах российских ученых в области военного права¹, тем не менее, ее актуальность не снижается.

¹ См. напр.: Кириченко Н.С., Бабайцева Е.С. Правовое положение субъектов медицинского обеспечения войск национальной гвардии Российской Федерации // Военное право. 2023. № 1 (77). С. 77—82; Корякин В.М. Правовые аспекты медицинского обеспечения специальной военной операции // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2022. № 8 (301). С. 28—32; Кудашкин А.В. Специальная военная операция — современный пример правовой институционализации // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2022. № 12 (305). С. 46—51; Холиков И.В. Международно-правовой

А.А. Ивашин писал, что право военнослужащих на охрану здоровья является их конституционным правом как граждан Российской Федерации, осуществляющих свою профессиональную деятельность в форме прохождения военной службы. Это право включает в свой объем весь комплекс благ, обеспечивающих сохранение здоровья военнослужащих и его восстановление в случае заболевания².

Конституция Российской Федерации в ч. 1 ст. 41 устанавливает, что каждый имеет право на охрану здоровья и медицин-

статус военно-медицинского персонала. М.: ГВКГ им. Н.Н. Бурденко, 2002.

² Ивашин А.А. Право военнослужащих на охрану здоровья (организационно-правовые аспекты) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 8.

скую помощь, оказываемую гражданам бесплатно в государственных и муниципальных учреждениях здравоохранения за счет средств соответствующего бюджета, страховых взносов, других поступлений. Это важное право на охрану здоровья и медицинскую помощь, имеющее особое значение в системе прав человека.

Н.Н. Комарова охрану здоровья рассматривала во многих аспектах. Во-первых, как процесс, направленный на выявление физиологических отклонений человеческого организма и их устранение путем качественного лечения. Во-вторых, как комплекс социально-экономических (в том числе и экологических) и правовых мер, проводимых государством для создания нормальных условий жизнедеятельности граждан. В-третьих, охрана здоровья, прежде всего, зависит от сознательного, волевого выбора самим человеком такого образа жизни, который бы позволял устранить или существенно снизить вероятность расстройства здоровья¹.

В соответствии со ст. 2 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» охрана здоровья граждан — система мер политического, экономического, правового, социального, научного, медицинского, в том числе санитарно-противоэпидемического (профилактического), характера, осуществляемых органами государственной власти Российской Федерации, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, организациями, их должностными лицами и иными лицами, гражданами в целях профилактики заболеваний, сохранения и укрепления физического и психического здоровья каждого человека, поддержания его долголетней активной жизни, предоставления ему медицинской помощи. При этом военнослужащие и лица, приравненные по медицинскому обеспечению к военнослужащим, ввиду особого статуса в указанном Законе выделены отдельно в ст. 25.

¹ Комарова Н.Н. Конституционное право граждан СССР на охрану здоровья : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов: 1989. С. 87.

В научной литературе неоднократно рассматривались проблемы правовой неопределенности категории «лица, приравненные по медицинскому обеспечению к военнослужащим»², и это действительно пробел в российском законодательстве, который вызывает много споров.

Ст. 25 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» устанавливает:

— во-первых, что военнослужащие и лица, приравненные по медицинскому обеспечению к военнослужащим, имеют право на прохождение военно-врачебной экспертизы для определения годности к военной службе или приравненной к ней службе и для досрочного увольнения с военной службы или приравненной к ней службы на основании заключения военно-врачебной комиссии;

— во-вторых, военнослужащие и приравненные к ним лица имеют право на получение медицинской помощи в ведомственных медицинских организациях, а при их отсутствии или при отсутствии в ведомственных медицинских организациях отделений соответствующего профиля, специалистов либо специального медицинского оборудования — на получение медицинской помощи в порядке, установленном Правительством Российской Федерации.

Исходя из положений п. 1 ст. 17.1 Федерального закона от 31 мая 1996 № 61-ФЗ «Об обороне», медицинское обеспечение Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов осуществляется в соответствии с указанным Федеральным законом, другими федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.

В соответствии с п. 1 ст. 16 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О

² См., напр.: Ильменейкин П.В. Право на охрану здоровья и медицинскую помощь военнослужащих и лиц, приравненных по медицинскому обеспечению к военнослужащим, по законодательству Российской Федерации // Военное право. 2019. № 3. С. 143; Кадыров Ф.Н. Порядок оказания медицинской помощи военнослужащим, сотрудникам правоохранительных органов и членам их семей // Менеджер здравоохранения. 2012. № 3. С. 64.

статусе военнослужащих» охрана здоровья военнослужащих обеспечивается созданием благоприятных условий военной службы, быта и системой мер по ограничению опасных факторов военной службы, проводимой командирами во взаимодействии с органами государственной власти.

Ст. 342.1 УВС ВС РФ предусмотрено, что, медицинское обеспечение военнослужащих — это комплекс мероприятий организационного и медицинского характера, осуществляемых командованием воинских частей, органами управления медицинской службой, военно-медицинскими организациями, медицинскими частями и медицинскими пунктами в целях сохранения и укрепления здоровья военнослужащих, своевременного оказания им медицинской помощи, восстановления их трудоспособности и боеспособности. Медицинское обеспечение военнослужащих включает в себя реализацию санитарно-противоэпидемических (профилактических) мероприятий, проведение медицинских осмотров и медицинских обследований, диспансеризации, медицинских экспертиз (освидетельствований), медикопсихологической реабилитации военнослужащих, оказание им медицинской помощи, в том числе проведение диспансерного наблюдения и медицинской реабилитации, изготовление и ремонт зубных протезов (за исключением протезов из драгоценных металлов и других дорогостоящих материалов), обеспечение военнослужащих лекарственными препаратами для медицинского применения и медицинскими изделиями, а также медицинский контроль за состоянием здоровья личного состава, изучение условий военной службы и быта военнослужащих, выявление факторов, отрицательно влияющих на их здоровье.

Также важно отметить, что в случае отсутствия по месту службы, месту жительства или иному месту нахождения военнослужащего медицинских организаций ведомства (или при отсутствии в них соответствующих специалистов, отделений или специального медицинского оборудования) медицинское обеспечение военнослужащего осуществляется в иных медицинских организациях государственной

системы здравоохранения или муниципальной системы здравоохранения.

Порядок медицинского обеспечения военнослужащих и возмещения расходов указанным организациям установлен постановлением Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2004 г. № 911 «О порядке оказания медицинской помощи, возмещения расходов на ее оказание, проведение медицинских осмотров, диспансеризации, санаторно-курортного обеспечения и осуществления отдельных выплат некоторым категориям военнослужащих, сотрудников правоохранительных органов и членам их семей, а также отдельным категориям граждан, уволенных с военной службы», которым предусмотрено, что расходы учреждений здравоохранения на оказание медицинской помощи военнослужащим возмещаются военным округом (флотом), военно-медицинской организацией (в том числе лицам, находящимся на лечении, обследовании или освидетельствовании), оперативно-территориальным объединением, соединением, воинской частью, где проходят военную службу военнослужащие, по тарифам, действующим на территории соответствующего субъекта Российской Федерации (в организации здравоохранения) на момент оказания медицинской помощи, в соответствии с договором об оказании медицинской помощи военнослужащим организациями здравоохранения, заключенным между территориальным органом федерального органа исполнительной власти (по представлению командиров (начальников) соединений, воинских частей), и организацией здравоохранения, по установленной форме.

Вместе с тем следует отметить, что указанный договорный порядок фактически устарел и создает проблемы медицинского обеспечения военнослужащих в местностях, где отсутствуют (или далеко расположены) ведомственные медицинские учреждения, а также нарушает права пациентов на доступность медицинской помощи, закрепленные в ст. 10 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». Кроме этого, не всегда в военных организациях существуют реальные финансовые и орга-

низационные возможности заключения таких договоров со всеми медицинскими организациями здравоохранения, в которые военнослужащие смогут обратиться за медицинской помощью.

Проанализировав указанные законодательные и нормативные правовые акты Российской Федерации, можно сделать вывод о том, что военнослужащие имеют следующие права на медицинское обслуживание:

— бесплатное получение медицинской помощи, в том числе изготовление и ремонт зубных протезов (за исключением протезов из драгоценных металлов и других дорогостоящих материалов);

— бесплатное обеспечение лекарственными препаратами для медицинского применения по рецептам на лекарственные препараты;

— бесплатное обеспечение медицинскими изделиями по назначению врача в соответствующих медицинских, военно-медицинских подразделениях, частях и в организациях;

— медицинскую помощь, которая организуется в соответствии с порядками оказания медицинской помощи и на основе стандартов медицинской помощи, утвержденных федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере здравоохранения;

— санаторно-курортное обеспечение в профилактических, лечебных и реабилитационных целях за плату;

— медико-психологическую реабилитацию.

В заключение важно отметить, что надлежащая организация медицинского

обеспечения военнослужащих непосредственно влияет на качество выполняемых ими служебно-боевых задач. В этой связи необходимо принимать все необходимые меры по оптимизации правового регулирования данного института.

Библиография

1. Ивашин, А.А. Право военнослужащих на охрану здоровья (организационно-правовые аспекты): дис. канд. юр. наук / А.А. Ивашин. — М., 2001.

2. Ильменейкин, П.В. Право на охрану здоровья и медицинскую помощь военнослужащих и лиц, приравненных по медицинскому обеспечению к военнослужащим, по законодательству Российской Федерации / П.В. Ильменейкин // Военное право. — 2019. — № 3. — С. 140—146.

3. Кадыров, Ф.Н. Порядок оказания медицинской помощи военнослужащим, сотрудникам правоохранительных органов и членам их семей / Ф.Н. Кадыров // Менеджер здравоохранения. — 2012. — № 3. — С. 64—70.

4. Кириченко, Н.С. Правовое положение субъектов медицинского обеспечения войск национальной гвардии российской федерации / Н.С. Кириченко., Е.С. Бабайцева. // Военное право. — 2023. — № 1 (77). — С. 77—82.

5. Комарова, Н.Н. Конституционное право граждан СССР на охрану здоровья : дис. ... канд. юрид. наук / Н.Н. Комарова. — Саратов, 1989.

6. Корякин, В.М. Правовые аспекты медицинского обеспечения специальной военной операции / В.М. Корякин // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2022. — № 8 (301). — С. 28—32.

7. Кудашкин, А.В. Специальная военная операция — современный пример правовой институционализации / А.В. Кудашкин // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2022. — № 12 (305). — С. 46—51.

8. Холиков, И.В. Международно-правовой статус военно-медицинского персонала / И.В. Холиков. — Москва: ГВКГ им. Н.Н.Бурденко, 2002. — 160 с. — EDN GONDFW.

Реформа воинского учета граждан Российской Федерации: правовой аспект

© **Корякин Виктор Михайлович**,

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры № 25 ФГКВОУ ВО «Военный университет имени князя Александра Невского» Минобороны России

Аннотация. В статье осуществлен анализ новаций военного законодательства в части, касающейся изменения порядка ведения воинского учета граждан Российской Федерации. Законодательную основу обновленного порядка воинского учета граждан составляют федеральные законы от 4 апреля 2023 г. № 127-ФЗ и от 4 августа 2023 г. № 437-ФЗ. Для того, чтобы новая система воинского учета заработала в полном объеме, указанные законы предусматривают внесение ряда изменений в подзаконные нормативные правовые акты. К настоящему времени подзаконная нормативная база новой системы воинского учета находится в стадии формирования. Часть подзаконных актов уже приняты и вступили в силу, другие находятся в стадии разработки и согласования. В настоящей публикации проводится комментарий этих подзаконных актов, делаются определенные обобщения и выводы, формулируются некоторые предложения по дальнейшему совершенствованию законодательства о воинской обязанности.

Ключевые слова: воинская обязанность; воинский учет; военные комиссариаты; цифровизация воинского учета; единый электронный реестр воинского учета; реестр повесток; извещение военного комиссариата; явка по вызову военного комиссариата.

Reform of military registration of citizens of the Russian Federation: legal aspect

© **Ivanov V.Yu.**,

Candidate of Law, Associate Professor of the Department No. 25 of the Federal State Educational Institution of Higher Education "Prince Alexander Nevsky Military University" of the Ministry of Defense of Russia

© **Koryakin V.M.**,

Doctor of Law, Professor, Professor of the Department No. 25 of the Prince Alexander Nevsky Military University of the Russian Ministry of Defense

Annotation. The article analyzes the innovations of military legislation in terms of changing the order of military registration of citizens of the Russian Federation. The legislative basis of the updated procedure for military registration of citizens is federal Laws No. 127-FZ of April 4, 2023 and No. 437-FZ of August 4, 2023. In order for the new system of military registration to work in full, these laws provide for a number of amendments to subordinate regulatory legal acts. By now, the subordinate regulatory framework of the new military accounting system is in the process of formation. Some of the by-laws have already been adopted and entered into force, others are under development and approval. This publication provides a commentary on these by-laws, makes certain generalizations and conclusions, formulates some proposals for further improvement of legislation on military duty.

Keywords: military duty; military registration; military commissariats; digitalization of military registration; unified electronic register of military registration; register of summonses; notification of the military commissariat; appearance on call of the military commissariat.

Специальная военная операция (СВО) по демилитаризации и денацификации Украины, осуществляемая Российской Федерацией с 24 февраля 2022 г., а также частичная мобилизация, объявленная Указом Президента Российской Федерации от 21 сентября 2022 г. № 647, выявили серьезные проблемы в сфере деятельности военных комиссариатов и других государственных органов и организаций по осуществлению воинского учета граждан. Сложившаяся годами система воинского учета, осуществляемая в основном ручным, бумажным способом, оказалась не готовой к решению сложных задач, связанных с воинским учетом и призывом граждан на военную службу в условиях фактически военного времени. В такие периоды требуется высокая оперативность сбора, обработки, учета и хранения данных о призывных и мобилизационных ресурсах, оповещения граждан о мероприятиях, связанных с воинским учётом и призывом на военную службу. Сложившаяся к началу СВО система оповещения граждан, состоящих или обязанных состоять на воинском учете, оказалась безнадежно устаревшей и практически не готовой к работе в новых условиях. Несовершенством системы воинского учета не преминули воспользоваться недобросовестные граждане России, не имеющие желания исполнять конституционную обязанность по защите Отечества. Действовавший до недавнего времени порядок воинского учета в отдельных случаях позволял гражданам на внешне законных основаниях уклоняться от постановки на воинский учет, а состоящим на воинском учете — не являться по вызовам в военные комиссариаты, ссылаясь на ненадлежащее извещение о явке. Существенные изъяны имелись и в сфере юридической ответственности за нарушения в области воинского учета.

Магистральным направлением реформирования воинского учета стала его цифровизация. В этих целях уже через два месяца после объявления частичной мобилизации был издан **Указ Президента Российской Федерации от 25 ноября 2022 г. № 854 «О государственном информационном ресурсе, содержащем сведения о**

гражданах, необходимые для актуализации документов воинского учета». Названным Указом Министерству цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации (Минцифры России) и Федеральной налоговой службе (ФНС России) при участии Минобороны России предписано до 1 апреля 2024 г. обеспечить формирование государственного информационного ресурса, содержащего сведения о гражданах, необходимые для актуализации документов воинского учета.

Указом установлено, что государственный информационный ресурс формируется в отношении граждан, состоящих на воинском учете (за исключением граждан, имеющих воинские звания офицеров и пребывающих в запасе СВР России и в запасе ФСБ России), а также не состоящих, но обязанных состоять на воинском учете и не пребывающих в запасе, в результате обработки сведений, предоставляемых органами и организациями, определенными данным Указом.

В апреле 2023 г. принят **Федеральный закон от 14 апреля 2023 г. № 127-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»**, который подвел законодательную базу под цифровизацию воинского учета. В военно-правовых изданиях уже появились научно-практические комментарии к указанному законопроекту, в которых отмечают как достоинства, так и некоторые недостатки в новом правовом регулировании вопросов воинского учета граждан¹.

Спустя четыре месяца принят еще один законодательный акт, направленный на корректировку новой системы воинского учета. Речь идет о

¹ Конохов М.В. Цифровизация воинского учета: о некоторых вопросах совершенствования правового регулирования // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2023. № 9. С. 42—49; Корякин В.М. Цифровизация воинского учета становится реальностью // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2023. № 5. С. 33—41; Норенко И.В. Использование цифровых технологий в сфере организации воинского учета и призыва на военную службу: критический анализ нового законодательства // Военное право. 2023. № 3. С. 135—143.

Федеральном законе от 4 августа 2023 г. № 437-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Данным законодательным актом уточнен порядок представления органами и организациями сведений для их включения в единый электронный реестр воинского учета:

а) на медицинские организации возложена обязанность предоставлять в электронном виде органам государственной власти субъектов Российской Федерации необходимые для ведения воинского учета сведения о состоянии здоровья граждан, состоящих на воинском учете, а также не состоящих, но обязанных состоять на воинском учете. Указанные сведения органы государственной власти субъектов Российской Федерации обязаны предоставлять в электронном виде в Минздрав России, который должен обеспечить сбор таких сведений и их передачу в электронном виде в государственный информационный ресурс в порядке, установленном Правительством Российской Федерации¹ (согласно первоначально установленному порядку данные сведения в информационный ресурс должны были представлять органы государственной власти субъектов Российской Федерации, Минздрав России в этой цепочке задействован не был);

б) на образовательные организации высшего образования и научные организации возложена обязанность предоставлять в электронном виде необходимые для ведения воинского учета сведения о гражданах, обучающихся в указанных организациях по очной форме обучения, в Рособрнадзор, который обеспечивает сбор указанных сведений и их передачу в электронном виде в государственный информационный ресурс в порядке, установленном Правительством Российской Федерации (пока такой порядок не установлен). Согласно предыдущей редакции данной нормы

образовательные организации должны были представлять эти сведения самостоятельно непосредственно оператору информационного ресурса;

в) для общеобразовательных организаций и профессиональных образовательных организаций установлен следующий порядок предоставления сведений, необходимых для ведения воинского учета обучаемых граждан: эти организации обязаны предоставлять в электронном виде данные сведения органам государственной власти субъектов Российской Федерации. Указанные сведения органы государственной власти субъектов Российской Федерации обобщают и представляют в электронном виде в Рособрнадзор, который обеспечивает сбор указанных сведений и их передачу в электронном виде в государственный информационный ресурс в порядке, установленном Правительством Российской Федерации (данный порядок находится в стадии разработки). В первоначальной редакции данной нормы обязанность обобщения сведений об обучаемых и их представления в реестр воинского учета возлагалась на органы государственной власти субъектов Российской Федерации и на Минпросвещения России.

Неотъемлемым элементом реформирования системы воинского учета является совершенствование вопросов применения административной ответственности граждан, должностных лиц и организаций за административные правонарушения в сфере воинского учета. В этих целях принят и с 1 октября 2023 г. вступил в силу **Федеральный закон от 31 июля 2023 г. № 404-ФЗ**², которым ужесточены санкции административной ответственности за нарушения в области воинского учета. Основные новации правового регулирования административной ответственности в данной сфере состоят в следующем:

¹ По состоянию на 15 сентября 2023 г. акт Правительства Российской Федерации по данному вопросу не принят.

² Федеральный закон от 31 июля 2023 г. № 404-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях».

1) за непредставление в установленный срок в военный комиссариат или в иной орган, осуществляющий воинский учет, списков граждан, подлежащих первоначальной постановке на воинский учет, предусмотрено наложение административного штрафа на должностных лиц в размере от 40 000 до 50 000 руб.; на юридических лиц — от 350 000 до 400 000 руб. (до 1 октября 2023 г. за данное правонарушение могли быть наказаны только должностные лица; размер административного штрафа составлял от 1 000 до 3 000 руб.) (ст. 21.1 КоАП РФ);

2) за неоповещение граждан о вызове (повестке) военного комиссариата или иного органа, осуществляющего воинский учет, при поступлении, в том числе в электронной форме, таких вызовов (повесток) либо необеспечение гражданам возможности своевременной явки по вызову (повестке) военного комиссариата или иного органа, осуществляющего воинский учет, установлен административный штраф на должностных лиц в размере от 40 000 до 50 000 руб.; на юридических лиц — от 350 000 до 400 000 руб. (до 1 октября 2023 г. за такого рода административное правонарушение могли быть наказаны только должностные лица в виде административного штрафа от 1 000 до 3 000 руб.) (ст. 21.2 КоАП РФ);

3) за непредставление или несвоевременное представление должностными лицами государственных органов или организаций сведений, необходимых для ведения воинского учета, предусмотрено наложение административного штрафа на должностных лиц в размере от 40 000 до 50 000 руб. (до 1 октября 2023 г. размер штрафа за данное административное правонарушение составлял от 1 000 до 3 000 руб.) (ст. 21.4 КоАП РФ);

4) ужесточена административная ответственность граждан за неисполнение обязанностей по воинскому учету (ст. 21.5 КоАП РФ);

— неявка гражданина без уважительной причины в указанные в повестке военного комиссариата время и место либо по

вызову иного органа, осуществляющего воинский учет, влечет наложение административного штрафа в размере от 10 000 до 30 000 руб.;

— несообщение гражданином в военный комиссариат или орган, осуществляющий первичный воинский учет, об изменении семейного положения, образования, места работы (учебы) или должности, сведений о переезде на новое место пребывания, не подтвержденное регистрацией, влечет наложение административного штрафа в размере от 1 000 до 5 000 руб.;

— несообщение гражданином в военный комиссариат или орган, осуществляющий первичный воинский учет, сведений о выезде из Российской Федерации на срок более 6 месяцев или въезде в Российскую Федерацию либо неявка в военный комиссариат в установленный федеральным законом срок в случае наступления указанных событий влечет наложение административного штрафа в размере от 5 000 до 15 000 руб.;

— несообщение в военный комиссариат или орган, осуществляющий первичный воинский учет, гражданином, подлежащим призыву на военную службу, о выезде в период проведения призыва на срок более 3 месяцев с места жительства или места пребывания, в том числе не подтвержденным регистрацией по месту жительства и (или) месту пребывания, влечет наложение административного штрафа в размере от 10 000 до 20 000 руб.¹;

5) уклонение гражданина от медицинского освидетельствования либо обследования по направлению комиссии по постановке граждан на воинский учет или от медицинского обследования по направлению призывной комиссии влечет административный штраф в размере от 15 000 до 25 000 руб. (до 1 октября 2023 г. размер штрафа за данное деяние составлял от 500 до 3 000 руб.) (ст. 21.6 КоАП РФ);

6) умышленные порча или уничтожение удостоверения гражданина, подлежащего призыву на военную службу, военно-

¹ До 1 октября 2023 г. размер штрафа для граждан за неисполнение обязанностей по воинскому учету составлял от 500 до 3 000 руб.

го билета (временного удостоверения, выданного взамен военного билета), справки взамен военного билета и персональной электронной карты, а также небрежное хранение удостоверения гражданина, подлежащего призыву на военную службу, военного билета (временного удостоверения, выданного взамен военного билета), справки взамен военного билета и персональной электронной карты, повлекшее их утрату, влечет предупреждение или наложение административного штрафа в размере от 3 000 до 5 000 руб. (до 1 октября 2023 г. размер штрафа за данное правонарушение составлял от 500 до 3 000 руб.) (ст. 21.7 КоАП РФ).

Для того, чтобы новая система воинского учета заработала в полном объеме и воплотилась в практику деятельности военных комиссариатов и других органов и организаций необходимо принятие системы подзаконных актов (актов Правительства Российской Федерации и ведомственных нормативных актов), содержащих механизм реализации законодательных норм о цифровизации воинского учета граждан. Ряд таких нормативных документов уже принят. Наиболее важным из них является **постановление Правительства Российской Федерации от 25 июля 2023 г. № 1211¹**, которым внесены изменения в Положение о воинском учете, утвержденное постановлением Правительства Российской Федерации от 27 ноября 2006 г. № 719.

К числу наиболее значимых изменений, внесенных в указанное Положение, относятся:

— установление порядка постановки на воинский учет, снятия с воинского учета и внесения изменений в документы воинского учета граждан, обязанных состоять на воинском учете, путем внесения сведений о них в реестр воинского учета;

— определение порядка и условий ведения воинского учета без личной явки гражданина в военный комиссариат;

— установление письменной формы повестки о личной явке гражданина в военный комиссариат;

— нормативное закрепление случаев, когда повестка о явке считается врученной гражданину, даже если он отказался от ее получения;

— установление возможности представления гражданами и организациями сведений в военный комиссариат с использованием портала государственных и муниципальных услуг (функций);

— определены обязанности МВД России по представлению в военные комиссариаты с использованием электронного ресурса сведений о гражданах, приобретших гражданство России, о судимости граждан, по организации розыска и задержания граждан, уклоняющихся от призыва на военную службу.

Среди ведомственных нормативных правовых актов по рассматриваемому вопросу следует назвать **приказ МВД России от 21 июня 2023 г. № 426**, которым утвержден Порядок ограничения права на управление транспортными средствами в случае наличия сформированного в Едином реестре сведений о гражданах, подлежащих первоначальной постановке на воинский учет, гражданах, состоящих на воинском учете, а также о гражданах, не состоящих, но обязанных состоять на воинском учете, решения о принятии временных мер ограничения в отношении физического лица. В названном документе определен порядок действий органов внутренних дел в случае поступления в реестр воинского учета сведений о применении в отношении граждан временных ограничительных мер. При наличии таких сведений органы ГИБДД принимают меры к изъятию у таких граждан документов на право управления транспортными средствами. При размещении в едином реестре информации об отмене ограничительных мер изъятые документы возвращаются гражданам.

¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 25 июля 2023 г. № 1211 «О внесении изменений в Положение о воинском учете и признании утратившими силу отдельных положений актов Правительства Российской Федерации».

Как показывает анализ действующего законодательства, подзаконная нормативная база новой системы воинского учета находится в стадии формирования. Так в СПС «Консультант Плюс» размещен проект постановления Правительства Российской Федерации, которым предполагается утвердить два очень важных документа:

1) Положение о государственной информационной системе «Единый реестр сведений о гражданах, подлежащих первоначальной постановке на воинский учет, гражданах, состоящих на воинском учете, а также о гражданах, не состоящих, но обязанных состоять на воинском учете»;

2) Правила ведения общедоступного реестра направленных (врученных) гражданам, состоящим на воинском учете, повесток.

Первым из названных документов предлагается, в том числе:

— возложить полномочия по созданию Реестра воинского учета и методическому обеспечению деятельности военных комиссариатов на Минцифры России;

— определить оператором Реестра воинского учета Минобороны России;

— определить цели и задачи создания и ведения Реестра воинского учета;

— определить порядок и источники формирования сведений Реестра воинского учета;

— определить состав сведений о гражданах, включаемых в Реестр воинского учета;

— определить режим доступности сведений о гражданах, включенных в Реестр воинского учета.

Вторым из названных документов — Правилами ведения общедоступного реестра направленных (врученных) гражданам, состоящим на воинском учете, повесток — предполагается:

— определить оператором Реестра повесток Минобороны России;

— определить порядок формирования и источник формирования сведений Реестра повесток;

— определить пользователей Реестра повесток;

— определить функции Реестра повесток;

— определить состав сведений Реестра повесток, а также режим доступа к таким сведениям;

— определить порядок направления повесток, сформированных в Реестре повесток.

Следует обратить внимание на некоторые проблемные вопросы, связанные формированием новой системы воинского учета. Так, **Федеральным законом от 24 июня 2023 г. № 269-ФЗ**¹ внесены изменения в п. 1 ст. 8 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе», согласно которым из числа граждан, на которых не распространяется обязанность состоять на воинском учете, исключены лица, отбывающие наказание в виде лишения свободы. При этом указанная статья Закона о воинской обязанности дополнена пунктом, согласно которому порядок и особенности воинского учета граждан, отбывающих наказание в виде лишения свободы, определяются Положением о воинском учете. В связи с этим вполне ожидаемым было бы включение в новую редакцию Положения о воинском учете, определенную упомянутым выше постановлением Правительства Российской Федерации от 25 июля 2023 № 1211, норм, устанавливающих особенности воинского учета граждан, отбывающих наказание в виде лишения свободы. Однако этого не произошло. В результате образовалось противоречие: действующая редакция Положения о воинском учете исключает таких граждан из числа лиц, обязанных состоять на воинском учете, а Закон о воинской обязанности требует от них состоять на воинском учете.

Налицо явная недоработка разработчиков проекта новой редакции Положения о воинском учете. Безусловно, образовавшееся на ровном месте противоречие требует скорейшего разрешения. Тем более, Федеральный закон от 24 июня 2023 г. № 269-ФЗ легализовал право лиц, отбыва-

¹ Федеральный закон от 24 июня 2023 г. № 269-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

ющих наказание в виде лишения свободы, на поступление на военную службу по контракту (за исключением совершивших преступления против половой неприкосновенности и некоторых других особо тяжких преступлений).

Лишь 6 сентября 2023 г. на федеральном портале проектов нормативных правовых актов появилась информация о том, что Минобороны России подготовлен проект постановления Правительства Российской Федерации о внесении изменений в Положение о воинском учете, в части, касающейся особенностей воинского учета граждан, отбывающих наказание в виде лишения свободы. Проектом предполагается введение понятия «особый воинский учет», так будет называться воинский учет граждан, находящихся в местах лишения свободы.

Воинский учет таких граждан будет осуществляться учреждениями уголовно-исполнительной системы во взаимодействии с военными комиссариатами.

Таким образом, законодательное регулирование одной из форм воинской

обязанности — воинского учета — приобретает новое звучание, соответствующее современным потребностям обеспечения обороны страны, и направлено на внедрение современных информационных технологий в данную область общественных отношений. Все это позволит обеспечить военную безопасность государства, адекватную современным вызовам и угрозам в данной сфере.

Библиография

1. Конохов, М.В. Цифровизация воинского учета: о некоторых вопросах совершенствования правового регулирования / М.В. Конохов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2023. — № 9. — С. 42—49.
2. Корякин, В.М. Цифровизация воинского учета становится реальностью / В.М. Корякин // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2023. — № 5. — С. 33—41.
3. Норенко, И.В. Использование цифровых технологий в сфере организации воинского учета и призыва на военную службу: критический анализ нового законодательства / И.В. Норенко // Военное право. — 2023. — № 3. — С. 135—143.

Социальные гарантии военных моряков: актуальность на современном этапе строительства Военно-Морского Флота Вооруженных Сил Российской Федерации

© Цуциев Сергей Александрович,
доктор медицинских наук, полковник
медицинской службы в отставке, старший
научный сотрудник ФГБУ «ГНИИИ ВМ»
Минобороны России, г. Санкт-Петербург

Аннотация. Военная служба моряков ВМФ протекает, как правило, в условиях воздействия многочисленных и разнообразных опасностей и профессиональных рисков повреждения здоровья, что само-по себе логично и закономерно. Однако, в настоящее время не все неблагоприятные факторы ратного труда военных моряков удается нейтрализовать или минимизировать за счет проведения профилактических (гигиенических) мероприятий. Для таких ситуаций законодательно предусмотрено назначение социальных гарантий в виде льгот и компенсаций. По мнению автора статьи, условия для назначения социальных гарантий военным морякам излишне громоздкие, не имеют должного научного обоснования. Все это вкуче позволяет рассматривать условия военной службы моряков в широком контексте, невольно искажая истинную гигиеническую оценку условий военной службы моряков ВМФ. Размер социальных выплат зачастую не в полной мере соответствует степени риска повреждения здоровья военных моряков. Ранее разработанные специальные списки (перечни) воинских должностей (видов работ и пр.), исполнение которых предполагает назначение социальных гарантий, на современном этапе строительства флота России являются неактуальными, препятствуют оперативному принятию управленческих решений в местах дислокации военных моряков. Этим ущемляются права военнослужащих ВМФ на получение социальных гарантий.

Ключевые слова: военная служба, безопасность, социальные гарантии, условия ратного труда, военные моряки, Военно-Морской Флот.

Social guarantees of military seamen: relevance at the present stage of construction of the Navy of the Armed Forces of the Russian Federation

© Tsutsiev S.A.,
Doctor of Medical Sciences, retired Colonel of the
Medical Service, Senior Researcher at the FSBI
"GNII VM" of the Ministry of Defense of Russia, St.
Petersburg

Abstract. The military service of Russian Navy sailors commonly proceeds under the influence of numerous and different hazards and occupational health risks, which in itself is logical and natural. However, not all adverse factors of the warrior's trade of naval mariners can be neutralized or minimized due to preventive (hygienic) measures, at present time. For such situations, the legislation provides social protection in the form of benefits and compensations. In the author's opinion, the indications for naval mariners' social protection are too cumbersome and have no strong scientific rationale. All this taken together allows considering the sailors' military service in a broad context, thus the true hygienic assessment of the Russian Navy sailors' military service conditions. Scale of social payments often does not exactly conform to a health risk degree for naval mariners. Pre-developed special lists of military posts (activity types, etc.) whose execution involves the indications for social protection, are irrelevant at the present stage of Russian Navy development, prevent a quick executive decision-making at the naval mariners' deployment sites. This infringes on the rights of the Navy servicemen to receive social protection.

Keywords: military service, security, social guarantees, conditions of military labor, sailors, Navy.

Военная служба в целом как известно, представляет собой особый вид трудовой деятельности, направленный либо на подготовку, либо на непосредственную защиту Отечества от внешних посягательств на суверенитет и независимость. Безусловно, такой вид деятельности протекает в условиях воздействия многочисленных опасностей и профессиональных рисков повреждения здоровья военнослужащих, вплоть до увечий и гибели с высокой долей вероятности их реализации даже в условиях мирного времени. Эти неблагоприятные условия военной службы на бытовом уровне называются «тяготы и лишения военной службы», которыми, тем не менее, как оказалось, не только можно, но и нужно управлять, сводя их к минимуму. Оставшиеся опасности и профессиональные риски с целью своевременного и точного выполнения поставленной боевой задачи должны преодолеваются порой с нанесением вреда здоровью личному составу.

У военных специалистов различных профессиональных групп условия военной службы имеют, как известно, свои характерные особенности, следовательно, опасности и риски повреждения здоровья у них принципиальным образом различаются (например, водитель автомобиля, телефонист, планшетист и др.), в отличие от специальностей одной профессии. Например, на «аккумуляторщика автомобильного» могут оказывать, при определенных условиях, воздействие аккумуляторные газы, агрессивные жидкости (концентрированные растворы кислот, щелочей), высокие физические нагрузки (перемещение аккумуляторных батарей и пр.) и др. Логично предположить, что профессиональная деятельность аккумуляторщиков, специализирующихся на обслуживании других типов аккумуляторных батарей (подводных лодок, авиационных, танковых и др.), протекает в условиях воздействия аналогичного комплекса опасностей.

Принадлежность военного специалиста к определенному виду или роду Вооруженных Сил Российской Федерации сопряжена с воздействием дополнительных опасностей и профессиональных рис-

ков, которые так же являются характерными и определяют специфику военной службы, например, в ВМФ, в ВКС, РВСН и др. Как правило, эта специфика является отягощающим фактором, предполагающим еще большее напряжение физических, психических и душевных сил специалистов.

Разумеется, прохождение военной службы в условиях воздействия неблагоприятных факторов ратного труда предполагает проведение, с целью поддержания высокой боеготовности и боеспособности частей и подразделений, профилактических (гигиенических) мероприятий по минимизации (а если возможно — исключению) опасностей и профессиональных рисков повреждения здоровья военнослужащих, а также реализацию социальных гарантий в виде льгот и компенсаций, что позволяет отчасти компенсировать наносимый ущерб здоровью. Изучение и анализ нормативных правовых и иных актов федерального и ведомственного уровней (Минобороны России) показали, что ратный труд военнослужащих ВМФ, проходящих военную службу по контракту, протекает в условиях многочисленных опасностей и рисков повреждения здоровья, что обусловило назначение большого количества социальных гарантий, которые реализуются, как правило, по специальным спискам (перечням) воинских должностей, работ и пр. Видов деятельности, по которым законодательно установлены льготы и компенсации, достаточно много и складывается впечатление, что у военных моряков, проходящих службу по контракту, все вопросы реализации социальных гарантий давно решены и никаких трудностей по этому поводу нет и не предвидится, тем более, что актуализация этих списков не предусматривается. Так ли это на самом деле?

Действующий механизм назначения социальных гарантий военным морякам, проходящим службу на ВМФ по контракту, является неактуальным и не соответствует потребностям современного флота России: классификация условий для назначения социальных гарантий военнослужащим, является громоздкой и малоцелесо-

образной; до сих пор не установлены точные критерии соответствия таких работ по показателям «особые»; отсутствуют достоверные методики идентификации «особых» условий военной службы и пр. Все это в целом позволяет рассматривать условия военной службы моряков в широком контексте, искажая ее истинную картину и тем самым ущемляя их права на социальные гарантии, соответствующие степени вредности и (или) опасности условий военной службы.

Федеральный закон от 7 ноября 2011 г. № 306-ФЗ «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат» устанавливает следующие условия для предоставления социальных гарантий военнослужащим, проходящим военную службу по контракту, в форме дополнительной ежемесячной надбавки к установленному денежному довольствию:

— особые условия военной службы (ч. 18 ст. 2);

— выполнение задач в мирное время, непосредственно связанных с риском для жизни и здоровья (ч. 19 ст. 2);

— дислокация за пределами территории Российской Федерации, а также выполнение задач в условиях чрезвычайного положения, при вооруженных конфликтах и пр. (ч. 23 ст. 2);

— прохождение военной службы в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях и пр. (ч. 24 ст. 2).

На наш взгляд, приведенная выше классификация условий для назначения дополнительных выплат военнослужащим, является малоцелесообразной. Это очевидно. Во-первых, границы, разделяющие эти условия военной службы, при кажущейся их несхожести, в значительной степени условны. Все четыре варианта неблагоприятных условий военной службы укладываются и в формат понятия «особый»¹ — отличающийся от других, необычный, особенный, и в формат понятие «особые

условия труда» — условия работы, отличающиеся от обычных (нормальных) условий трудовой и производственной деятельности².

Возьмем, к примеру такой вид деятельности как *водолазные работы*. Риск повреждения здоровья и даже самой жизни, причем в мирное время — критерий более чем убедительный для отнесения этого вида ратного труда к категории «особых».

Во-вторых, представленная классификация условий военной службы неактуальная: она не учитывает принципов, лежащих в основе действующей гигиенической классификации условий труда³. Если быть точным, то во всех приведенных случаях военная служба моряков происходит в условиях воздействия тех или иных вредных и (или) опасных факторов и, следовательно, сопряжена с риском повреждения их здоровья и даже жизни. Вредные и (или) опасные условия военной службы — именно этот показатель (критерий) позволяет «привести к единому знаменателю» все многочисленные варианты особых условий военной службы.

Следующая трудность касается объективности и надежности предоставления социальных гарантий военнослужащим ВМФ. С этой целью рассмотрим, в качестве примера: 1) выполнение задач (работ) в мирное время, непосредственно связанных с риском для жизни и здоровья⁴; 2) выполнение работ в формате замещающей воинской должности, отнесенной к категории «особые условия» военной

² Приказ Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 19.10.2015 г. № 1570-ст «ГОСТ 12.0.002-2014. Межгосударственный стандарт. ССБТ. Термины и определения».

³ Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 426 «О специальной оценке условий труда рабочих мест».

⁴ Постановление Правительства Российской Федерации от 24 декабря 2011 г. № 1122 «О дополнительных выплатах военнослужащим, проходящим военную службу по контракту, сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации за выполнение задач, связанных с риском (повышенной опасностью) для жизни и здоровья в мирное время».

¹ Словарь русского языка : в 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистических исследований; под ред. А.П. Евгеньевой; 4-е изд. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.

службы¹. Как уже говорилось выше, в обоих случаях присутствуют «водолазные работы», только в первом случае эти работы представлены, на наш взгляд, как основной (самостоятельный) вид деятельности военного моряка, обуславливающий риски для жизни и здоровья в мирное время, а во втором — как один из многочисленных видов деятельности по замещаемой воинской должности, который, тем не менее, определяет специфику (особые условия) военной службы. Определенная логика в действующей детерминации видов деятельности, безусловно, присутствует, но, полагаем, что тем самым в значительной степени вносится путаница в понимание процесса формирования специфики военной службы. Дело в том, что ключевым понятием в рассматриваемых видах деятельности является «выполнение водолазных работ». Именно этот вид деятельности определяет основные опасности и риски повреждения здоровья военнослужащих, специфику военной службы. Эти работы (водолазные) случайным или разовым событием не назовешь: требуются специальные теоретические знания, многочисленные тренировки, медицинское освидетельствование, разрешительный документ на самостоятельное производство водолазных работ и пр. Итак, в основе детерминации этих двух видов деятельности военных моряков лежит один-единственный вид работ — водолазные работы, которые должны, на наш взгляд, не разделять, а объединять указанные виды деятельности.

Обращает на себя внимание разная система критериев оценки вредности и (или) опасности производимых водолазных работ. В первом случае законодатель установил три критерия:

- а) глубина погружения;
- б) время погружения;
- в) характер выполняемых работ.

Во втором варианте оценочные критерии иные:

а) выполнение работ под водой (спуски) или нахождение в водолазных барокамерах под повышенным давлением;

б) реализация установленных норм часов работы под водой (спуски) за истекший год в соответствии с приложениями к постановлению Правительства Российской Федерации от 21 декабря 2011 г. № 1073 и приказу Министра обороны Российской Федерации от 6 декабря 2019 г. № 727.

Итак, по непонятным пока причинам законодатель оценивает один и тот же вид работ («водолазные») в разных системах координат при помощи разных критериев, причем, никаких пояснений по этому поводу не дается.

Как оказалось, итоговая оценка степени опасности водолажных работ на здоровье военных моряков тоже разная: она выражается величиной (размером) дополнительной денежной надбавки (в процентах) к должностному окладу. Первоначально размер надбавки составлял «до 100 %»². В последующем постановление Правительства от 21 декабря 2011 г. № 1073 установило величину надбавки на уровне «до 70 %», а приказ Министра обороны Российской Федерации от 6 декабря 2019 г. № 727 подытожил — «до 50 %». В конечном счете снижение денежной надбавки составило 50 %. Эти самым законодатель демонстрирует отсутствие у него в настоящее время единой системы объективной оценки влияния степени опасности водолажных работ на здоровье военнослужащих ВМФ. Есть все основания утверждать: размер процентной надбавки основан не на материалах инструментальных исследований или математических расчетов, а, главным образом, на данных визуального наблюдения, документарной оценки и, в конечном счете, на волевом решении отдельных начальствующих и должностных лиц. Этим самым, на наш взгляд, ущемля-

¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 21 декабря 2011 г. № 1073 «О порядке выплаты ежемесячной надбавки за особые условия военной службы военнослужащим, проходящим военную службу по контракту»; приказ Министра обороны Российской Федерации от 6 декабря 2019 г. № 727 «Об определении Порядка обеспечения денежным довольствием военнослужащих Вооружённых Сил Российской Федерации и предоставления им и членам их семей отдельных выплат».

² Постановление Правительства Российской Федерации от 24 декабря 2011 г. № 1122.

ются права военных моряков на безопасный труд, на получение социальных гарантий, соответствующих степени вредности и (или) опасности выполняемых работ.

Другой пример: «участие в походах кораблей» — боевая задача мирного времени, непосредственно связанная с риском для жизни и здоровья военных моряков¹. За период непосредственного участия в походе кораблей законодательством предусмотрена дополнительная денежная надбавка в размере «до 60 %» от величины должностного оклада. Итак, единственный критерий, определяющий назначение дополнительной выплаты военным морякам — «непосредственное участие». Так ли это? В постановлении Правительства от 24 декабря 2011 г. № 1122 рассматриваемое мероприятие определено как «участие в походах кораблей», то есть принимаются во внимание походы не отдельных, а групп кораблей, которые совершают переход морем в строгом соответствии с установленным походным порядком, определяющим конкретное взаимное расположение основных сил, обеспечивающих групп и отдельных кораблей. Цель — обеспечение всех видов обороны на переходе морем и быстрое развертывание в боевой порядок. Следовательно, предназначение и функции у всех участников похода разные, равно как и опасности, и риски повреждения здоровья. Кроме того, как известно, любое военное судно называется кораблем и, следовательно, *подводная лодка* — подводный боевой корабль специального назначения, предназначенный для уничтожения подводных лодок, кораблей и судов противника, ведения разведки и др. Следовательно, в походах кораблей могут принимать участие и субмарины, условия прохождения военной службы на которых, как известно, кардинально отличаются от таковых на надводных кораблях. Более того, здесь тоже есть нюансы: каждый знает, что подводные лодки бывают атомными и дизельными, и условия ратного труда на них совершенно разные.

Таким образом, мы без каких-либо усилий установили еще ряд критериев,

определяющих степень вредности и (или) опасности военной службы моряков при совершении «похода кораблей», но они не принимаются в расчеты. Но в любом случае, совершение похода кораблей, как и в предыдущем эпизоде, рассматривается как реализация самостоятельной боевой задачи, вне связи с выполнением должностных обязанностей по замещаемой воинской должности, что таковым не является: в походах кораблей участвуют лица, входящие, за редким исключением, в штат кораблей. Замещение конкретной воинской должности предусматривает (или нет) участие в походах кораблей. Это должно учитываться при проведении гигиенической оценки условий военной службы, причем, применительно к конкретной воинской должности на конкретном корабле.

В постановлении Правительства от 21 декабря 2011 г. № 1073 и в приказе Министра обороны Российской Федерации от 6 декабря 2019 г. № 727 такого критерия как «участие в походах кораблей» мы не найдем. В качестве критерия, определяющего «особые условия» военной службы, принимается замещение воинских должностей в экипажах кораблей, в том числе в строящихся. По всей видимости, принимаются во внимание все должностные обязанности военных моряков, в том числе, и участие в походах кораблей. Примечательно то, что здесь уже учитывается вид корабля: надводный или подводный. И тем не менее, ни в одном из названных документов (см. выше) не приводятся критерии соответствия «особым условиям» военной службы. Есть все основания полагать, что по этому вопросу у законодателя пока еще нет ясности о степени вредности и (или) опасности замещения воинской должности в составе экипажей кораблей. Судите сами: первоначально замещение воинских должностей в экипажах подводных лодок (крейсеров), в том числе в строящихся, предполагало 100 % надбавку к должностному окладу по воинской должности и 70 % — в экипажах надводных кораблей (катеров, судов), соответственно². Вы-

¹ Там же.

² Постановление Правительства Российской Федерации от 21 декабря 2011 г. № 1073

шедший чуть позже приказ Министра обороны Российской Федерации от 6 декабря 2019 г. № 727 окончательно установил величину денежной надбавки на уровне 70 % и 50 %, соответственно. Причины этого «понижения» едва ли обусловлены снижением количества опасностей и рисков повреждения здоровья военных моряков. Несоразмерность приведенных выше надбавок (70 % и 50 %) становится еще в большей мере очевидной, если их сравнить с величиной надбавки за участие в походах кораблей (60 %)¹. Кроме того, как известно, размер надбавок суммируется, но в конечном счете сумма не может превышать 100 % оклада по должности². В результате, 100 % надбавку получают все военные моряки, принимающие участие в походах кораблей: и входящие в штат надводных, и в штат подводных кораблей. Даже при очень осторожном подходе, сложившуюся ситуацию не иначе как неловкой не назовешь и ущемление прав военных моряков очевидно.

Отсутствие объективных критериев оценки условий военной службы военных моряков наглядно демонстрируется при сравнении величин денежной надбавки за выполнение водолазных работ под водой (выполнение задач в мирное, непосредственно связанных с риском для жизни и здоровья время) и замещение воинских должностей в экипажах подводных лодок (крейсеров), в том числе в строящихся («особые условия» военной службы): 50 % и 70 %, соответственно. Судя по величине денежной компенсации, моряки, выполняющие водолазные работы, отделенные от окружающей среды тонким слоем водолазного костюма и находящиеся под воздействием таких неблагоприятных факторов военного труда как низкие значения температуры воды, высокие показатели движения водных потоков (течения), значительное гидростатическое давление, высокие физические, нервно-психические

нагрузки, недостаточная освещенность и пр., находятся в более благоприятных условиях, чем те, которые находятся на борту субмарины. Это несомненное недоумение, ущемляющее права военных моряков, предполагает проведение дополнительных инструментальных исследований.

Таким образом, ныне действующая система назначения военным морякам дополнительных выплат является неактуальной и не соответствует потребностям современного флота России. В ее основе заложены перечни (списки) воинских должностей (работ и пр.), замещение которых сопряжено с воздействием опасностей и предполагает назначение социальных льгот и компенсаций. Однако, какие именно опасности (факторы военной службы, их уровни воздействия) применительно к конкретному рабочему месту служат основанием для назначения социальных гарантий, а также процедуры выявления этих опасностей остаются за кадром. Вследствие такого подхода появляется возможность рассматривать условия военной службы моряков ВМФ в очень широком диапазоне, порой искажая их и, соответственно, назначая (отменяя) социальные гарантии, ущемляя права военнослужащих ВМФ. Действующая система не предполагает оказание на уровне командира воинской части оперативных управляющих действий по нейтрализации воздействия вредных и (или) опасных факторов военной службы.

Система управления назначением социальных гарантий должна быть понятной: иметь точные и надежные критерии соответствия, легко управляться. Для этих целей можно рекомендовать гигиеническую классификацию факторов окружающей среды, а практический инструмент — специальную оценку условий труда рабочих мест.

¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 24 декабря 2011 г. № 1122.

² Постановление Правительства от 21 декабря 2011 г. № 1073; приказ Министра обороны Российской Федерации от 6 декабря 2019 г. № 727.

Проблемные аспекты реализации права на дополнительную материальную помощь военнослужащими войск национальной гвардии Российской Федерации

© Чукин Дмитрий Сергеевич,
старший преподаватель кафедры уголовного
процесса и криминалистики Саратовского
военного ордена Жукова Краснознаменного
института войск национальной гвардии
Российской Федерации, подполковник юстиции

© Бибик Александр Юрьевич,
помощник начальника государственного
учреждения по правовой работе, старший
лейтенант юстиции

Аннотация. В статье проводится исследование правовых норм, регламентирующих право военнослужащих войск национальной гвардии на получение дополнительной материальной помощи. Проводится анализ федерального законодательства и ведомственных нормативных правовых актов, в частности приказа Росгвардии от 28 ноября 2020 г. № 472. Отмечается, что положения Порядка обеспечения денежным довольствием военнослужащих Росгвардии, регулирующие основания получения дополнительной материальной помощи, являются диспозитивными, предоставляя командиру, как правоприменителю, свободу выбора при принятии решения на осуществление данной выплаты подчиненным. Авторы констатируют, что оставление данного права на усмотрение командира, может препятствовать реализации принципа справедливости, одновременно с этим выступая коррупциогенным фактором. Рекомендуется внести изменения в Порядок обеспечения денежным довольствием военнослужащих Росгвардии и сделать право на получение дополнительной материальной помощи безусловным и не зависящим от воли правоприменителя.

Ключевые слова: статус военнослужащего, денежное довольствие, материальная помощь, дополнительная материальная помощь, единоначалие, усмотрение командира, коррупциогенный фактор, правоприменение, справедливость

Problematic aspects of the realization of the right to additional financial assistance by servicemen of the National Guard of the Russian Federation

© Chukin D.S.,
Senior Lecturer of the Department of Criminal
Procedure and Criminalistics of the Saratov Military
Order of Zhukov of the Red Banner Institute of the
National Guard of the Russian Federation,
Lieutenant Colonel of the Institute

© Bibik A.Yu.,
Assistant to the head of the state institution for legal
work, senior lieutenant of justice

Summary: the article examines the legal norms regulating the right of servicemen of the National Guard troops to receive additional financial assistance. The analysis of federal legislation and departmental regulatory legal acts is carried out, in particular, the order of the Federal State Radio of November 28, 2020 No. 472. It is noted that the provisions of the Procedure for providing monetary allowances to servicemen of the Rosgvardiya, regulating the grounds for receiving additional material assistance, are dispositive, giving

the commander, as a law enforcement officer, freedom of choice when deciding on the payment of additional material assistance to subordinates. The authors state that leaving this right to the discretion of the commander may hinder the implementation of the principle of justice, while at the same time acting as a corruption factor. It is recommended to make changes to the Procedure for providing monetary allowances to servicemen of the Rosgvardiya and to make the right to receive additional financial assistance without

Key words: status of a serviceman, monetary allowance, financial assistance, additional financial assistance, unity of command, discretion of the commander, corruption factor, law enforcement, justice

Государство возлагает на военнослужащих важную и ответственную задачу по вооруженной защите Отечества, а также обеспечению его внутренней и внешней безопасности, исходя из их ведомственной принадлежности. Понимая, что в процессе выполнения возложенных на них задач военнослужащим приходится преодолевать многие тяготы и невзгоды, а также зачастую рисковать своей жизнью, законодатель предоставляет им существенные правовые гарантии, представляющие собой меры социальной защиты, способные полноценно компенсировать все неудобства, связанные с выполнением должностных и специальных обязанностей, что является неотъемлемым компонентом их правового статуса.

Правовой статус военнослужащего, исходя из ст. 1 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих»¹ представляет собой совокупность прав и свобод, гарантированных государством с одной стороны, и обязанностей и ответственности военнослужащих, установленных законодательством Российской Федерации, с другой. Одним из структурных компонентов этих социальных гарантий, как элемента статуса военнослужащего, является регламентиро-

Именно потому, что порядок вещей всегда стремится нарушить равенство между людьми, сила законодательства всегда должна быть направлена на поддержание этого равенства.

Жак Жак Руссо.

Равенство прав не в том, что все ими воспользуются, а в том, что они всем предоставлены.

Сенека.

ванное ст. 12 Закона о статусе военнослужащих право на денежное довольствие, которое реализуется на основании корреспондирующих положений Федерального закона от 7 ноября 2011 г. № 306-ФЗ «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат»², а также иных федеральных, ведомственных нормативных правовых актов и нормативных правовых актов иных федеральных государственных органов.

В соответствии с ч. 2 ст. 2 Закона о денежном довольствии военнослужащих денежное довольствие военнослужащего, проходящего военную службу по контракту, состоит из оклада по воинскому званию, оклада по воинской должности, а также из ежемесячных и иных дополнительных выплат. Одной из таких дополнительных выплат является ежегодная материальная помощь, предусмотренная ч. 22 ст. 2 данного закона, которая устанавливается в размере не менее одного оклада денежного содержания. Правила этой выплаты определяются постановлением Правительства Российской Федерации от 5 декабря 2011 г. № 993 «О выплате военнослужащим премии за добросовестное и эффективное исполнение должностных

¹ Далее — Закон о статусе военнослужащих.

² Далее — Закон о денежном довольствии военнослужащих.

обязанностей и ежегодной материальной помощи»¹.

Современное военно-социальное право, за некоторыми изъятиями² характеризуется отсутствием масштабных исследований, посвященных проблемам реализации военными служащими права именно на дополнительную материальную помощь. Между тем, как показывает настоящая работа, отдельные правореализационные аспекты данного права вскрывают необходимость более пристального внимания к ним вследствие нарушения, на взгляд авторов, принципа справедливости как межотраслевого универсального правового принципа.

Особенности обеспечения денежным довольствием военнослужащих определяются нормативными правовыми актами конкретного федерального органа исполнительной власти, в котором предусмотрена военная служба. В приказе Министра обороны Российской Федерации от 6 декабря 2019 г. № 727 «Об определении Порядка обеспечения денежным довольствием военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации и предоставления им и членам их семей отдельных выплат» ничего не говорится про дополнительную материальную помощь, либо об основаниях для ее выплаты. Приказ СК России от 5 декабря 2012 г. № 76 «О порядке обращения военнослужащих, замещающих должности в военных следственных органах Следственного комитета Российской Федерации, за ежегодной материальной помощью и ее размерах», определяя материальную помощь в размере двух окладов денежного содержания в год, также ничего не упоминает про дополнительную материальную помощь.

В войсках национальной гвардии Российской Федерации дополнительная мате-

риальная помощь определена приказом Росгвардии от 28 ноября 2020 г. № 472 «Об определении Порядка обеспечения денежным довольствием и предоставления отдельных (денежных) выплат в войсках национальной гвардии Российской Федерации»³. Пункт 81 Порядка обеспечения денежным довольствием предусматривает выплату военнослужащим по контракту ежегодной материальной помощи в размере одного оклада денежного содержания, которая относится к иным дополнительным выплатам. Техничко-юридическое построение данной правовой нормы носит императивный характер, то есть выплата материальной помощи является обязательной.

Наряду с этим, п. 82 Порядка обеспечения денежным довольствием предусматривает, что в пределах бюджетных ассигнований, выделенных на денежное довольствие, военнослужащим по контракту дополнительно может быть оказана ежегодная материальная помощь в размере, превышающем размер материальной помощи, установленный в п. 81 Порядка, что является определением дополнительной материальной помощи. Таким образом, можно констатировать, что данная правовая норма, конкретизирующая право на денежное довольствие, является расширительной по отношению к ст. 2 Закона о денежном довольствии военнослужащих и выступает дополнительной мерой социальной защиты и материального обеспечения военнослужащих.

Атрибутивные признаки, составляющие сущность дополнительной материальной помощи, можно выделить при анализе п. 82 Порядка обеспечения денежным довольствием военнослужащих войск национальной гвардии Российской Федерации:

1. Денежное довольствие военнослужащих по контракту. Под этим следует понимать, что данную выплату могут получить исключительно лица, заключившие контракт о прохождении военной службы в войсках национальной гвардии Российской Федерации.

¹ Далее — Правила выплаты ежегодной материальной помощи.

² Военное право / А.В. Кудашкин, В.К. Аулов, В.В. Бараненков [и др.]. Том II. М.: Центр правовых коммуникаций, 2021. С. 288—299; Харитонов С.С., Малаханов А.В. О судебной практике разрешения военными судами дел, связанных с обеспечением военнослужащих денежным довольствием // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2021. № 10. С. 61—75.

³ Далее — Порядок обеспечения денежным довольствием.

2. В пределах бюджетных ассигнований. Согласно ст. 6 БК РФ бюджетные ассигнования — это предельные объемы денежных средств, предусмотренных в соответствующем финансовом году для исполнения бюджетных обязательств. В соответствии с ч. 1 ст. 74.1. БК РФ к бюджетным ассигнованиям на социальное обеспечение населения относятся бюджетные ассигнования на предоставление социальных выплат гражданам, либо на приобретение товаров, работ, услуг в пользу граждан для обеспечения их нужд в целях реализации мер социальной поддержки населения.

Сопоставительный анализ этих нормативных правовых предписаний позволяет констатировать, что дополнительная материальная помощь — это выделенное денежное довольствие военнослужащему по контракту в пределах бюджетных ассигнований и в размере, превышающем размер материальной помощи, установленной в п. 81 Порядка обеспечения денежным довольствием военнослужащих войск национальной гвардии Российской Федерации, в случаях, определенных п. 82 данного Порядка.

К обстоятельствам (случаям) получения дополнительной материальной помощи относятся:

— смерть (гибель) близких родственников (супруга, отца (матери), отца (матери) супруга, сына (дочери), родного брата (родной сестры) или лиц, находящихся на его иждивении, при предоставлении копии свидетельства о смерти;

— нуждаемость военнослужащего и (или) лиц, указанных выше, в лечении и восстановлении здоровья в связи с ранением (травмой, контузией, увечьем), тяжелой болезнью, при отравлениях и в других случаях, требующих медицинского вмешательства;

— утрата или повреждение имущества в результате стихийного бедствия, пожара, кражи и других непредвиденных обстоятельств;

— рождение у военнослужащего ребенка, либо усыновление (удочерение) ребенка;

— наличие статуса курсанта военной образовательной организации высшего об-

разования, проходящего военную службу по контракту из числа детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей, и лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

Кроме того, п. 84 Порядка обеспечения денежным довольствием предусматривает выплату дополнительной материальной помощи и в других исключительных случаях.

Документами, подтверждающими юридический факт наступления основания для выплаты дополнительной материальной помощи в вышеперечисленных случаях, соответственно, являются:

— при смерти — документы, подтверждающие смерть (гибель) близких родственников — копии свидетельства о смерти;

— при нуждаемости в лечении и восстановлении здоровья и в иных случаях, требующих медицинского вмешательства, — документ, подтверждающий невозможность оказания необходимых видов медицинской помощи бесплатно;

— при утрате и повреждении имущества — справки из соответствующих органов местного самоуправления, внутренних дел, противопожарной службы, других уполномоченных органов, а также другие документы, подтверждающие фактические расходы на восстановление имущества;

— при рождении или усыновлении ребенка — свидетельства о рождении (решения суда об усыновлении (удочерении) ребенка).

Размеры осуществляемых выплат являются фиксированными и составляют 60 тыс. руб. (кроме выплаты курсантам из числа детей-сирот, которая составляет 100 000 руб. ежегодно).

Как было отмечено, положения п. 82 Порядка обеспечения денежным довольствием носят диспозитивный (дозволительный) характер, то есть дополнительная материальная помощь не является обязательной и гарантированной денежной выплатой. Решение об оказании военнослужащему дополнительной материальной помощи принимается непосредственно командиром (начальником) и только при наличии объемов бюджетных ассигнова-

ний, доведенных на указанные цели. Между тем, даже в том случае, если необходимые денежные средства в бюджете воинской части будут, командир не обязан удовлетворять рапорт военнослужащего, поскольку словосочетание «может быть» предоставляет командиру данное право, но не обязывает его к этому.

Пункт 6 Правил выплаты ежегодной материальной помощи содержит исчерпывающий перечень военнослужащих, которым материальная помощь не выплачивается (например, нахождение военнослужащего в распоряжении командира, увольнение по порочащим его основаниям, направление за пределы территории Российской Федерации и пр.). Премия за добросовестное и эффективное исполнение должностных обязанностей, как дополнительная выплата, предусмотрена ч. 21 ст. 2 Закона о денежном довольствии военнослужащих, что делает ее самостоятельной и независимой от материальной помощи выплатой. То есть, наличие дисциплинарных взысканий, как это явствует из сопоставительного анализа этих нормативных положений, не будет являться основанием для отказа в выплате дополнительной материальной помощи, предусмотренной п. 82 Порядка обеспечения денежным довольствием. Таким образом, при отсутствии оснований, предусмотренных п. 6. Правил выплаты ежегодной материальной помощи, юридические препятствия для ее выплаты будут отсутствовать. При этом решение на выплату будет все равно зависеть от усмотрения командира (начальника) вследствие диспозитивности правовых предписаний.

Правоприменение — это государственно-властная деятельность, осуществляемая по конкретным индивидуальным делам, состоящая в реализации правовых предписаний в отношении конкретных жизненных обстоятельств и индивидуально-определенных субъектов, которая завершается принятием конкретного решения, официально определяющим юридиче-

ское значение установленных обстоятельств дела¹.

Как мы видим, при принятии решения по факту рассмотрения рапорта подчиненного на получение дополнительной материальной помощи, командир выступает как правоприменитель. Принцип единоначалия, постулируемый ст. 33 УВС ВС РФ, заключается в наделении командира (начальника) всей полнотой распорядительной власти по отношению к подчиненным (с одной стороны) и возложении на него персональной ответственности перед государством за все стороны жизни и деятельности воинской части, подразделения и каждого военнослужащего (с другой стороны).

Предоставление командиру нормативного основания для действий по усмотрению в рамках его полномочий является неотъемлемым и необходимым условием существования правовой материи, поскольку количество жизненных ситуаций гораздо шире тех, которые может предусмотреть законодатель в конкретной правовой норме, поэтому он оставляет ряд правоотношений неурегулированными, для того, чтобы правоприменитель не был ограничен пределами, в которых не может полноценно реализовывать правовые предписания². Однако при этом, чтобы был соблюден принцип справедливости, усмотрение не должно переходить в произвол, что возможно лишь в случае наличия у должностного лица высоких моральных принципов и верности долгу.

¹ Абдулаев М.И. Теория государства и права : учебник. М.: Магистр-Пресс, 2004; Мелехин А.В. Теория государства и права : учебник / 2-е изд., перераб.е и доп. // СПС КонсультантПлюс, 2009) // СПС Консультант Плюс. 2009.

² Чукин Д.С. Усмотрение в праве и в деятельности воинских должностных лиц Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации: сущность и допустимые пределы // Известия Саратовского военного института войск национальной гвардии. 2023. № 1(10). С. 82—90; Чукин, Д.С. О пределах внутреннего убеждения командира при принятии решения по итогам разбирательства по факту совершения военнослужащим дисциплинарного проступка // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2018. № 6(251). С. 11—18.

Таким образом, принимая решение о выплате подчиненному дополнительной материальной помощи в рамках предоставленных ему полномочий, командир должен понимать, что этот вопрос обладает характеристиками повышенной социальной чуткости, поскольку произвольное и бесосновательное лишение военнослужащего дополнительной материальной помощи или его предоставление по формуле «вправе», т.е. выборочно, может привести к росту психологической напряженности в воинских коллективах и снижению уровня воинской дисциплины и правопорядка. Одновременно с этим указанное правомочие является коррупциогенным фактором, которое может использоваться недобросовестными командирами в целях корыстной или иной личной заинтересованности¹.

Кроме того, возможны ситуации, когда рапорты на получение дополнительной материальной помощи подали несколько военнослужащих, а возможность выплаты у командира имеется только в отношении одного.

Смоделируем ситуацию. Воинской части выделены бюджетные средства на осуществление дополнительной выплаты в размере 60 тыс. руб. Для реализации своего права на ее получение обратилось два военнослужащих. Один из них — сержант А., у которого родился первый ребенок в семье. У него имеется совместная с супругой недвижимость 70 кв. м., два личных автомобиля комфортного класса. Ежемесячное денежное довольствие у сержанта А. составляет 45 тыс. руб. Второй военнослужащий — майор М., проживающий в служебной квартире, средств мобильного передвижения в личном пользовании не имеет. Женат, 5 членов семьи. Ежемесячное денежное

довольствие майора М. составляет 70 тыс. руб. Какое решение в данном случае принять командиру воинской части? Какому военнослужащему оказать социальную поддержку? Распределить денежные средства поровну каждому военнослужащему? Однако конкретная сумма на выплату определена законодательно, и её изменение влечет нарушение. Какое бы решение не принял командир воинской части, оно будет несправедливо по отношению к другому военнослужащему и затрагивает права и интересы военнослужащего, которому откажут в реализации права на получение данной выплаты.

Как показывает судебная практика, военнослужащие достаточно остро реагируют на факты отказа в выплате дополнительной материальной помощи, считая это несправедливостью со стороны командиров (начальников). Примером может послужить дело старшего сержанта О., который в феврале 2022 г. обратился с рапортом о выплате ему дополнительной материальной помощи, предусмотренной п. 82 Порядка обеспечения денежным довольствием, однако, поскольку денежных средств на тот момент в воинской части не было, командир воинской части в своей резолюции указал помощнику по финансовой работе представить ему рапорт на повторное рассмотрение при поступлении бюджетных ассигнований. В июле 2022 г., до того, как бюджетные ассигнования поступили в часть, старший сержант О. был уволен с военной службы, в связи с невыполнением условий контракта, после чего обратился в суд за восстановлением своего нарушенного права на получение дополнительной материальной помощи. Но поскольку на момент его увольнения бюджетные средства для производства указанной выплаты отсутствовали, суд кассационной инстанции признал правомерным отказ командования воинской части в выплате дополнительной материальной помощи (*кассационное определение кассационного военного суда от 19 апреля 2023 г. № 88а-472/2023 в отношении О. // vkas.sudrf.ru (дата обращения 27.07.2023)*).

¹ Корякин В.М. Усмотрение в деятельности командира // Право в Вооруженных Силах — военнопредметное обозрение. 2007. № 2. С. 7—12; Чукин Д.С. Злоупотребление должностными полномочиями и превышение должностных полномочий: вопросы правоприменения // Право в Вооруженных Силах — военнопредметное обозрение. 2020. № 3(272). С. 59—66.

Однако, неизвестно, какое бы решение вынес суд, если бы в резолюции командира на рапорте подчиненного был не мотивированный отказ, а решение, принятое в рамках усмотрения, в пределах диспозитивного правового предписания, содержащегося в п. 82 Порядка обеспечения денежным довольствием, то есть просто «отказать».

Авторы полагают, что механизм реализации права на дополнительную материальную помощь военнослужащими войск национальной гвардии в том виде, в котором он существует сегодня, не позволяет эффективно и справедливо реализовывать право военнослужащих на социальную защиту и материальное обеспечение вследствие предоставления законодателем права командиру воинской части принимать данное решение с учетом его внутренних убеждений и предпочтений.

Императивное изложение данной правовой нормы приведет к повышению уровня социальной защищенности военнослужащих, а субъективное осознание этого обстоятельства как следствие проявления заботы к ним со стороны государства, только наилучшим образом скажется на качестве выполняемых ими обязанностей. Таким образом, авторы считают необходимым внести изменения в Порядок обеспечения денежным довольствием и предоставления отдельных (денежных) выплат в войсках национальной гвардии Российской Федерации, для чего в п. 82 словосочетание «может быть оказана» заменить на «оказывается».

Библиография

1. Абдулаев, М.И. Теория государства и права : учебник. — М.: Магистр-Пресс. 2004. — 410 с.
2. Военное право / А.В. Кудашкин, В.К. Аулов, В.В. Бараненков [и др.]. Том II. — Москва : Центр правовых коммуникаций, 2021.
3. Корякин, В.М. Усмотрение в деятельности командира / В.М. Корякин // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2007. — № 2. — С. 7—12
4. Мелехин, А.В. Теория государства и права : учебник: 2-е изд., перераб. и доп. // СПС «Консультант Плюс», 2009.
5. Харитонов, С.С. О судебной практике разрешения военными судами дел, связанных с обеспечением военнослужащих денежным довольствием / С.С. Харитонов, А.В. Малаханов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2021. — № 10. — С. 61—75.
5. Холиков, И.В. Актуальные вопросы правового обеспечения сил и средств обороны и безопасности России в условиях современных вызовов и угроз / И.В. Холиков // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2021. — № 12. — С. 116—120.
6. Чукин, Д.С. Злоупотребление должностными полномочиями и превышение должностных полномочий: вопросы правоприменения / Д. С. Чукин // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2020. — № 3(272). — С. 59—66.
7. Чукин, Д.С. О пределах внутреннего убеждения командира при принятии решения по итогам разбирательства по факту совершения военнослужащим дисциплинарного проступка / Д.С. Чукин // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2018. — № 6(251). — С. 11—18.
8. Чукин, Д.С. Усмотрение в праве и в деятельности воинских должностных лиц Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации: сущность и допустимые пределы / Д.С. Чукин // Известия Саратовского военного института войск национальной гвардии. — 2023. — № 1(10). — С. 82—90.

Правоохранительная и правозащитная деятельность

Актуальные вопросы участия адвокатов в осуществлении юридической защиты свобод, прав и интересов участников специальной военной операции

© Анисимов Виктор Станиславович, старший преподаватель 25 кафедры (военной администрации, административного и финансового права) Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, подполковник юстиции в запасе

Аннотация. В данной статье излагаются исторические предпосылки и особенности осуществления адвокатской деятельности в зоне вооруженного конфликта, правовые основы создания и деятельности органов адвокатуры в зоне проведения специальной военной операции, круг лиц, имеющих право на бесплатную юридическую помощь. Анализируются основные нормативные источники и раскрываются характерные особенности, связанные с организацией и осуществлением адвокатской деятельности на территории новых регионов Российской Федерации.

Ключевые слова: специальная военная операция, участие адвоката, адвокатура, защита прав и свобод, военные преступления, военнослужащие, бесплатная юридическая помощь.

Topical issues of participation of lawyers in the implementation of legal protection of freedoms, rights and interests of participants in a special military operation

© Anisimov V.S., Senior Lecturer of the 25th Department (Military Administration, Administrative and Financial Law) of the Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation named after Prince Alexander Nevsky, Moscow Lieutenant Colonel of Justice in the Reserve

Annotation. This article sets out the historical background and features of the implementation of advocacy in the zone of armed conflict, the legal basis for the establishment and operation of advocacy bodies in the zone of a special military operation, the circle of persons entitled to free legal assistance. The main regulatory sources are analyzed and the characteristic features associated with the organization and implementation of advocacy in the territory of the new regions of the Russian Federation are revealed.

Key words: special military operation, participation of a lawyer, advocacy, protection of rights and freedoms, war crimes, military personnel, free legal assistance.

С началом проведения Российской Федерацией специальной военной операции на территории Украины впервые за более чем 40 лет проявились определенные проблемы, связанные с необходимостью организации и обеспечения квалифицированной юридической защиты участников

боевых действий (прежде всего, военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации) и иных принимающих участие в вооруженном конфликте лиц (волонтеров, добровольцев и т.д.). Ведь все эти лица, являясь гражданами Российской Федерации, имеют право на государственную, в

том числе судебную защиту своих прав и свобод, оспаривание решений и действий (или бездействий) органов государственной власти и должностных лиц, получение квалифицированной, в том числе и бесплатной юридической помощи, а также право пользоваться помощью адвоката (защитника) с момента соответственно задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения¹.

По мнению автора, обеспечение соблюдения вышеуказанных прав и свобод, а равно предоставление юридической помощи вплоть до обеспечения возможности участия адвоката (защитника) в определенных законом случаях является важнейшей задачей компетентных государственных органов и некоммерческих и общественных организаций, уставы и положения которых предусматривают оказание квалифицированной юридической помощи либо содействие в ее организации и осуществлении. При этом одной из ключевых организаций, уполномоченных в силу закона осуществлять вышеуказанную деятельность, является адвокатура в Российской Федерации. Являясь профессиональным сообществом адвокатов и институтом гражданского общества, она не входит в систему органов государственной власти и органов местного самоуправления, но тем не менее оказывает квалифицированную юридическую помощь на профессиональной основе физическим и юридическим лицам в целях защиты их прав, свобод и интересов, а также обеспечения доступа к правосудию².

В исторической ретроспективе органы адвокатуры в СССР крайне редко привлекались для выполнения своих непосредственных функций в зонах боевых действий, особенно за пределами нашего государства. Формально, в соответствии с требованиями законодательства того вре-

мени, адвокаты должны были обеспечивать право обвиняемого на защиту³, однако в условиях боевых действий обеспечить приглашение обвиняемым адвоката было фактически невозможно. Основной причиной этого являлось то обстоятельство, что несмотря на фактически государственный статус органов адвокатуры, подавляющее большинство советских адвокатов было мобилизовано в ряды Советской Армии и доблестно сражались за свободу и независимость нашей страны, и многие из них пожертвовали свои жизни в этой борьбе.

Кроме того, в соответствии с положениями Указа Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. «О военном положении» после введения на какой-либо территории страны военного положения уголовное судопроизводство осуществлялось исключительно военными трибуналами. По законам того времени, адвокат мог вступить в процесс только после вручения обвиняемому копии обвинения перед направлением дела в суд. В военном трибунале уголовное дело рассматривалось по истечению 24 часов после вручения обвинения. В столь сжатые сроки, при огромном дефиците адвокатов, военные трибуналы нередко ссылались на это положение⁴ и рассматривали дела фактически «без участия сторон», иными словами, без прокурора и защитника. Таким образом, оказание квалифицированной юридической помощи силами адвокатов военнослужащим и лицам гражданского персонала в составе действующей армии или позже в составе контингентов советских войск за рубежом на долгие годы было крайне затруднено.

В 1979 г. был принят Закон СССР «Об адвокатуре СССР», а в пределах каждой союзной республики действовало своё

¹ Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.) (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.), ст. 45, 46, 48.

² Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», ст. 1 п. 1.

³ Конституция (Основной закон СССР), утверждена постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов Союза Советских Социалистических Республик от 5 декабря 1936 г., ст. 111.

⁴ Положение о военных трибуналах в местностях, объявленных на военном положении. Утв. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. «О военном положении», ст. 11.

Положение об адвокатуре. На основе этого Закона СССР Законом РСФСР от 20 ноября 1980 г. было утверждено Положение «Об адвокатуре РСФСР», которое практически дублировало положения Закона СССР и Положение «Об адвокатуре РСФСР» 1962 г. К тому периоду истории относятся и первые упоминания об участии адвокатов — защитников в осуществлении правосудия в Вооруженных Силах СССР, в том числе и в ходе войны в Афганистане в 1979—1989 годах. Так, непосредственный участник тех событий действительный государственный советник юстиции 3-го класса, судья в почетной отставке полковник юстиции в отставке Звягинцев В.Е. в своих воспоминаниях прямо указывает на участие защитников в работе военных трибуналов на территории Демократической Республики Афганистан: «Важно подчеркнуть, что при рассмотрении дел не допускалось никаких отступлений и упрощенчества. Судебное разбирательство по делам проводилось в соответствии с основными принципами судопроизводства — гласностью, устностью, непосредственностью, обеспечением права обвиняемых на защиту, соблюдением всех прав и законных интересов военнослужащих и других граждан»¹. К сожалению, материалы уголовных дел того периода в значительной степени засекречены и до сегодняшнего дня не проводилось ни одного открытого научного исследования по вопросам возможностей и особенностей адвокатской деятельности в условиях вооруженного конфликта.

С распадом СССР органы адвокатуры в Российской Федерации изменили свое правовое положение и в настоящее время не являются государственными либо муниципальными организациями, обладая в силу этого обстоятельства определенной независимостью в рамках закона. Это означает, что государственные (либо муниципальные) органы и должностные лица не вправе вмешиваться в их профессиональную деятельность и определять стандарты и направления их работы. Основой

для взаимодействия адвокатских объединений и непосредственно адвокатов с клиентами и государственными органами в настоящее время являются соглашения.

С началом специальной военной операции в Украине сложилась ситуация, когда впервые с 1979 г. значительное количество российских граждан, в основном военнослужащих Вооруженных Сил и Росгвардии, а также добровольцев и волонтеров, по долгу службы или иной деятельности длительное время пребывало на территории де-юре зарубежных стран: Украины, Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики. При этом вышеуказанные лица выполняли различные задачи: ведение боевых действий, осуществление гуманитарных миссий, восстановление инфраструктуры и поддержание правопорядка, и все это нередко в условиях фактического безвластия и отсутствия элементарных структур и институтов власти, правопорядка и правовой защиты. Российские правоохранительные органы, в первую очередь Следственный комитет Российской Федерации, на тот момент только приступили к осуществлению своих функций и остро нуждались в правовой поддержке при проведении процессуальных действий по находящимся в их производстве уголовным делам.

Следует отметить, что в этой ситуации помощь как раз пришла со стороны Российской адвокатуры². Два заслуженных ветерана военной юстиции, ныне практикующие адвокаты Межреспубликанской коллегии адвокатов (МРКА), член адвокатской палаты г. Москвы, заведующий адвокатской консультацией № 185 почётный адвокат России Игорь Анатольевич Вагин и адвокат адвокатской консультации № 185 Дмитрий Евгеньевич Ершов в добровольном порядке, по согласованию с руководством СК России с 15 апреля 2022 г. по настоящее время находятся в длительной командировке в зоне специальной во-

¹ Звягинцев В.Е. Военные юристы в Афгане // <https://dzen.ru/a/X-b4LpwG9hNPIRsj>

² «Адвокатская правда» с Владимиром Авериним. Интервью с адвокатами Игорем Вагиным и Дмитрием Ершовым. Электронный источник: <https://yandex.ru/video/preview/12311587219453587311>

енной операции, где регулярно выезжают для участия в следственных действиях в зоны обстрелов и непосредственного ведения боевых действий, где с высоким профессионализмом и ответственностью осуществляли и осуществляют процессуальное представительство, защиту и профессиональную помощь во всех следственных действиях, проводимых с их участием следователями Главного следственного управления и Главного военного следственного управления СК России. В том числе — в процессуальных действиях, связанных с проверкой показаний на месте, фиксации доказательств, осмотром мест происшествий с участием подозреваемых и обвиняемых — военнослужащих воинских формирований Украины и иностранных наёмников по уголовным делам, возбуждённым по фактам применения запрещённых средств и методов ведения войны, жестокого обращения с военнопленными, а также с применением насилия, нанесением вреда жизни и здоровью гражданскому населению¹.

Уникальный опыт работы адвокатов И.А. Вагина и Д.Е. Ершова официально признан нашим государством. Так, приказом Министра обороны Российской Федерации вышеуказанные лица были награждены медалями «За укрепление боевого содружества» и «Участнику специальной военной операции» за исполнение своих служебных обязанностей. Ведомственные награды им были вручены за то, что с апреля 2022 г. по настоящее время они на освобожденных территориях Донецкой и Луганской народных республик, Запорожской и Херсонской областей (а ныне новых регионов Российской Федерации), участвовали и участвуют в следственных действиях по уголовным делам, возбужденным военными следственными органами и Главным следственным управлением СК России по фактам

¹ Знак отличия гильдии российских адвокатов «За вклад в развитие адвокатуры» вручен адвокатам Вагину И.А. и Ершову Д.Е. Источник- сайт Гильдии российских адвокатов: <https://gra.ru/2022/08/17/знак-отличия-гра-за-вклад-в-развитие-а-11/>

применения запрещенных средств и методов ведения войны в отношении граждан и военнослужащих воинских формирований Украины, совершивших уголовно наказуемые деяния². Кроме того, вышеуказанные адвокаты активно описывают и комментируют свою профессиональную деятельность в зоне СВО в своем Telegram-канале, что позволяет в режиме реального времени получать актуальную юридическую информацию, которую целесообразно использовать в процессе подготовки и обучения военных юристов³.

В настоящее время по мере развития конфликта ситуация с осуществлением деятельности адвокатов на территории СВО постепенно меняется в лучшую сторону. Важнейшим и принципиальным моментом стало принятие 4 октября 2022 г. целого ряда федеральных конституционных законов:

1. Федеральный конституционный закон от 4 октября 2022 г. № 6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Луганской Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта — Луганской Народной Республики»;

2. Федеральный конституционный закон от 4 октября 2022 г. № 5-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта — Донецкой Народной Республики»;

3. Федеральный конституционный закон от 4 октября 2022 г. № 8-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Херсонской области и образовании в составе Российской Федерации нового

² В лексиконе адвоката нет понятия «враг» — защитник в зоне СВО. Публикация на сайте Российского агентства правовой и судебной информации. Источник: <https://rapsinews.ru/publications/20230602/308968518.html>

³ Telegram-канал «Военная юстиция. Работа адвокатов, военных прокуроров и военных следователей в условиях специальной военной операции РФ на Украине». <https://t.me/RF20222022>

субъекта — Херсонской области» (с изменениями и дополнениями);

4. Федеральный конституционный закон от 4 октября 2022 г. № 7-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Запорожской области и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта — Запорожской области».

Каждый из этих федеральных конституционных законов включает в себя ст. 33, в которой установлены правовые основы создания и деятельности адвокатуры в новом регионе Российской Федерации в течение переходного периода¹. Это означает, что на всей территории Российской Федерации, включая новые регионы, теперь действует единое законодательство об адвокатуре, а значит адвокаты из других регионов могут на законных основаниях осуществлять свою деятельность на территории новых субъектов Российской Федерации. Данное обстоятельство также означает, что военнотружущие и иные участники СВО получили реальную возможность в случае необходимости реализовать свое конституционное право на квалифицированную юридическую защиту своих прав, свобод и законных интересов.

Помимо вышеуказанных обстоятельств, следует отдельно отметить, что с 13 июня 2023 г. к лицам, которые имеют право на получение бесплатной юридической помощи, законом отнесены:

— граждане, проходящие (проходившие) военную службу в Вооруженных Силах Российской Федерации, граждане, находящиеся (находившиеся) на военной службе (службе) в войсках национальной гвардии Российской Федерации, в воинских формированиях и органах, указанных в п. 6 ст. 1 Федерального закона от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне», при условии их участия в специальной военной операции на территориях Украины, Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской обла-

сти и Херсонской области и (или) выполнения ими задач по отражению вооруженного вторжения на территорию Российской Федерации, в ходе вооруженной провокации на Государственной границе Российской Федерации и приграничных территориях субъектов Российской Федерации, прилегающих к районам проведения специальной военной операции на территориях Украины, Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области, находящиеся (находившиеся) на указанных территориях служащие (работники) правоохранительных органов Российской Федерации, граждане, выполняющие (выполнявшие) служебные и иные аналогичные функции на указанных территориях, а также члены семей указанных граждан;

— граждане, призванные на военную службу по мобилизации в Вооруженные Силы Российской Федерации, граждане, заключившие контракт о добровольном содействии в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации, при условии их участия в специальной военной операции на территориях Украины, Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области и (или) выполнения ими задач по отражению вооруженного вторжения на территорию Российской Федерации, в ходе вооруженной провокации на Государственной границе Российской Федерации и приграничных территориях субъектов Российской Федерации, прилегающих к районам проведения специальной военной операции на территориях Украины, Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области, граждане, заключившие контракт (имевшие иные правоотношения) с организацией, содействующей выполнению задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации, при условии их участия в специальной военной операции на указанных территориях, а также члены семей указанных граждан;

¹ Федеральный конституционный закон от 4 октября 2022 г. № 6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Луганской Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта — Луганской Народной Республики», ст. 36.

— лица, принимавшие в соответствии с решениями органов государственной власти Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики участие в боевых действиях в составе Вооруженных Сил Донецкой Народной Республики, Народной милиции Луганской Народной Республики, воинских формирований и органов Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики начиная с 11 мая 2014 г., а также члены семей указанных лиц.

Также законом расширен перечень случаев, когда эти лица могут обратиться за бесплатной юридической помощью. Теперь к ним относятся: обеспечение денежным довольствием военнослужащих и предоставление им отдельных выплат, предоставление льгот, социальных гарантий и компенсаций, признание указанных лиц безвестно отсутствующими или умершими. Действие закона распространяется на правоотношения, возникшие с 24 февраля 2022 г. (за исключением положений, которые касаются лиц, принимавших участие в боевых действиях в составе Вооруженных Сил ДНР и Народной милиции ЛНР, воинских формирований и органов ДНР и ЛНР начиная с 11 мая 2014 г.). Вся эта деятельность также относится к сфере деятельности адвокатуры и осуществляется в широкой кооперации с государственными органами и общественными организациями.

Примером такого сотрудничества является Соглашение о сотрудничестве между Государственным фондом поддержки участников специальной военной операции «Защитник Отечества» и «Общероссийской негосударственной некоммерческой организацией «Федеральная палата адвокатов Российской Федерации» от 26 июня 2023 г. В соответствии с этим соглашением стороны обязались сотрудничать в

вопросах безвозмездной юридической помощи участникам специальной военной операции и осуществлять для этого различные конкретные мероприятия, формы и содержания которых оговариваются соглашением.

На основании вышеизложенного, автор пришел к следующим выводам:

1. В настоящее время в новых субъектах Российской Федерации созданы необходимые правовые основы для организации и обеспечения деятельности органов адвокатуры в целях оказания юридических услуг военнослужащим, добровольцам, волонтерам и иным участникам специальной военной операции.

2. Помимо юридической помощи на возмездной основе, адвокаты вправе и в ряде случаев обязаны по соответствующим соглашениям с органами государственной власти и иными организациями оказывать вышеуказанным участникам специальной военной операции юридические услуги, в том числе и на безвозмездной основе.

3. В настоящее время федеральным законом определен исчерпывающий перечень участников специальной военной операции и приравненных к ним лиц, имеющих право на получение бесплатной юридической помощи.

4. В зоне специальной военной операции адвокаты помимо оказания услуг гражданам Российской Федерации нередко привлекаются следственными органами в качестве защитников по уголовным делам в отношении пленных военнослужащих вооруженных формирований Украины и воюющих на их стороне иностранных наемников. По мнению автора, эта деятельность критически важна для фиксации и расследования военных преступлений, совершенных противником и нуждается в более детальной правовой регламентации.

О праве лиц, подававших жалобы на решения призывных комиссий, пользоваться услугой юристов, консультантов

© Шеншин Виктор Михайлович,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России им. Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева; доцент кафедры правоведения Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета,

Аннотация. В статье рассмотрены проблемы юридического характера в отношении лиц, подававших жалобы на решения призывных комиссий, пользоваться услугой юристов, консультантов. Отмечается, что призывники лишены возможности действовать через адвокатов или других представителей профессионального сообщества. Обосновывается необходимость усиления независимого общественного контроля в этой сфере.

Ключевые слова: жалоба; законный представитель; полномочный представитель; военный комиссариат; Уполномоченный по правам человека в субъекте Российской Федерации; политическая партия; некоммерческая правозащитная организация.

On the right of persons who filed complaints against decisions of draft commissions to use the services of lawyers and consultants

© Shenshin V.M.,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor, Department of Theory and History of State and Law, St. Petersburg University, State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia named after. Hero of the Russian Federation Army General E.N. Zinicheva; Associate Professor, Department of Law, St. Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering

Abstract. The article discusses legal problems regarding persons who filed complaints against decisions of draft commissions using the services of lawyers and consultants. It is noted that conscripts are deprived of the opportunity to act through lawyers or other representatives of the professional community. The need to strengthen independent public control in this area is substantiated.

Key words: complaint; legal representative; authorized representative; Military Commissariat; Commissioner for Human Rights in a constituent entity of the Russian Federation; Political Party; non-profit human rights organization.

По данным субъектов Российской Федерации, если еще в 2014 г. количество граждан, обжаловавших решения призывных комиссий о призыве на военную

службу в судебном порядке составляло 2 302 чел. (из них в отношении 1 871 чел. решения вступили в законную силу после завершения призыва граждан на военную

службу), в 2016 г. — уже 2578 чел. (2093 чел.), то в 2018 г. — 4 105 чел. (3 194 чел.) соответственно.

Как видно, число граждан, воспользовавшихся этим «законным способом» неисполнения воинской обязанности, стремительно растет¹.

Инициаторами законопроекта о внесении изменений в Федеральный закон от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» и Федеральный закон от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ «О политических партиях» предлагается расширить обязательный состав призывной комиссии и включить в него помимо указанных в ч. 1 ст. 27 Закона о воинской обязанности и военной службе следующих лиц:

— представителя Уполномоченного по правам человека в субъекте Российской Федерации;

— представителей политических партий (если у партии есть мандат в выборном органе местного самоуправления муниципалитета, в котором создана конкретная призывная комиссия);

— представителей некоммерческих правозащитных организаций, специализирующихся на правах военнообязанных или военнослужащих.

Наряду с положениями Закона о воинской обязанности и военной службе корректировке подлежит п. 1 ст. 3 Федерального закона «О политических партиях».

И хотя ч. 2 ст. 27 Закона о воинской обязанности и военной службе предусматривает включение в состав призывной комиссии представителей органов и организаций, не указанных в ч. 1 ст. 27 данного Закона, зачастую на практике эта норма военкоматами не используется.

Государственной Думой предложено внести ряд изменений в Закон о воинской обязанности и военной службе (законопроект № 193682-8):

1) в статье 35.2

а) в пункте 1 слово «законным» заменить словом «полномочным»;

б) в пункте 3:

в абзаце первом слова «законного представителя» заменить словами «полномочного представителя»;

в абзаце третьем слова «законным представителем» заменить словами «полномочным представителем»;

2) в подпункте «в» пункта 1 статьи 35.3 слова «законного представителя» заменить словами «полномочного представителя», слова «законным представителем» заменить словами «полномочным представителем».

Почему возник такой законопроект?

Следует обратить внимание читателей на то, что Государственной Думой приняты поправки в Закон о воинской обязанности и военной службе, которые были одобрены Советом Федерации.

Принятие этих поправок (законопроект № 193682-8) вызвало широкий общественный резонанс в связи с несоответствием их положениям Конституции Российской Федерации (п. 1 ст. 48), гарантирующим право на получение квалифицированной юридической помощи. В случаях, предусмотренных законом, юридическая помощь оказывается бесплатно.

В рассматриваемом контексте замена слов «полномочный представитель» на слова «законный представитель», принятая поправками к Закону о воинской обязанности и военной службе, по сути своей лишает возможности лиц, подававших жалобы на решения призывных комиссий², права пользоваться услугой юристов, консультантов в нарушение положений Конституции Российской Федерации. Соответственно, такие лица могут столкнуться с ситуацией, когда сами подать жалобу не смогут. Взрослые дееспособные лица не имеют законных представителей.

В связи со сказанным и с целью восстановления прав граждан на подачу в судебном порядке жалобы не только лич-

¹ Лапина О.А. Проблемные вопросы реализации решений призывных комиссий о призыве граждан Российской Федерации на военную службу // Военное право. 2020. № 3 (61). С. 115—119.

² Соколов Я.О. Кворум призывной комиссии как условие законности вынесения решений // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2018. № 3 (248). С. 88—93.

но, но и при помощи иного лица, полномочного на это в силу закона, указанным законопроектом Государственной Думой предложено заменить слова «законного представителя» на «полномочного представителя» в ст. 35.2 Закона о воинской обязанности и военной службе.

В соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 17 июля 2023 г. № 1153 «О проведении эксперимента по подаче обращений о несогласии с отдельными решениями, принимаемыми в отношении граждан Российской Федерации, изъявивших желание поступить на военную службу по контракту в Вооруженные Силы Российской Федерации» с 17 июля по 1 декабря 2023 г. на территории России проводится эксперимент по подаче обращений о несогласии с отдельными решениями, принимаемыми в отношении граждан России, изъявивших желание поступить на военную службу по контракту в Вооруженные Силы Российской Федерации.

Участниками эксперимента, уполномоченными на рассмотрение поступающих в рамках эксперимента обращений, являются объединенные стратегические командования военных округов Вооруженных Сил Российской Федерации (Северного флота).

В рамках проведения эксперимента граждане имеют право на подачу обращений в отношении решения военного комиссара¹ (начальника пункта отбора) о возврате их заявления, а также решения комиссии военного комиссариата по отбору кандидатов о несоответствии кандидата, поступающего на военную службу по контракту, установленным требованиям.

Федеральным законом от 30 апреля 2021 г. № 131-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О воинской обязанности и военной службе» и статью 21 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федера-

¹ Ефремов А.В. Некоторые актуальные правовые вопросы, возникающие при обжаловании решений и действий призывных комиссий военных комиссариатов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2012. № 2 (176). С. 109—111.

ции» предусматривается, что наличие оснований для предоставления гражданам отсрочек и освобождений от призыва на военную службу по состоянию здоровья должно проверяться призывной комиссией.

Имеется и судебная практика по этому поводу.

Так, решением Судебной коллегии по административным делам от 27 сентября 2021 г. № АКПИ21-534 «О признании частично не действующим пункта 20 Положения о военно-врачебной экспертизе, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 4 июля 2013 г. № 565» Верховный Суд Российской Федерации признал неправомерным положение, в силу которого военный комиссар муниципального образования наделен полномочиями по направлению допризывников и призывников на дополнительное медицинское обследование.

В ст. 35.2 Закона о воинской обязанности и военной службе речь идет, в том числе, и про призывную комиссию субъекта Российской Федерации². Посмотрим на то, как обстоят дела в субъектах Российской Федерации по данному вопросу. При этом правовое регулирование всех субъектов Российской Федерации брать во внимание мы не станем, раскроем лишь некоторые детали исследуемой проблемы.

Так, указом Губернатора Иркутской области от 4 июля 2023 г. № 197-уг³ определено, что граждане, права и законные интересы которых, по их мнению, были непосредственно нарушены в рамках принятия решений (заключения), принятых в соответствии с законодательством, имеют право на досудебное обжалование: реше-

² Лагашкина Ю.В. К вопросу об обжаловании решений призывных комиссий об отказе в замене военной службы по призыву альтернативной гражданской службой // Военное право. 2019. № 5 (57). С. 103—106.

³ Указ Губернатора Иркутской области от 4 июля 2023 г. № 197-уг «Об утверждении временного Порядка организации работы по рассмотрению жалоб, поданных в рамках процедуры досудебного обжалования решений, принимаемых в соответствии с Федеральным законом «О воинской обязанности и военной службе».

ний об установлении временных мер, направленных на обеспечение явки по повестке военного комиссариата; решений военного комиссариата об отказе во внесении изменений в сведения, содержащиеся в Реестре воинского учета; решений, принимаемых комиссией по постановке граждан на воинский учет; решений (заключения) призывной комиссии, предусмотренных законодательством. Жалоба подается гражданином или его *полномочным представителем* (выделено нами — В.Ш.) в Комиссию.

Постановлением Губернатора Астраханской области от 23 июня 2023 г. № 77¹ определено, граждане, чьи права и законные интересы были нарушены непосредственно в рамках принятия решений об установлении временных мер, направленных на обеспечение явки по повестке военного комиссариата либо решений военного комиссариата об отказе во внесении изменений в сведения, содержащиеся в Реестре воинского учета, имеют право на досудебное обжалование данных решений.

Указом Главы Республики Дагестан от 4 июля 2023 г. № 138² установлено, что граждане, права и законные интересы которых, по их мнению, были непосредственно нарушены в рамках принятия решений (заключения), принятых в соответствии с Законом о воинской обязанности и военной службе, имеют право на досудебное обжалование решений об установлении временных мер, направленных на обеспечение явки по повестке военного комиссариата; решений военного комиссариата об отказе во внесении изменений в

сведения, содержащиеся в государственной информационной системе «Единый реестр сведений о гражданах, подлежащих первоначальной постановке на воинский учет, гражданах, состоящих на воинском учете, а также о гражданах, не состоящих, но обязанных состоять на воинском учете»; решений, принимаемых комиссией по постановке граждан на воинский учет в соответствии с п. 7 ст. 9 Закона о воинской обязанности и военной службе; решений (заключения) призывной комиссии, предусмотренных ст. 28 Закона о воинской обязанности и военной службе.

Указом Главы Республики Калмыкия от 30 июня 2023 г. № 136³ установлено, что срок рассмотрения жалобы и принятия решения по ней составляет в случае подачи жалобы через личный кабинет на Едином портале государственных услуг — 5 календарных дней со дня ее регистрации; в случае подачи жалобы через МФЦ — 7 календарных дней со дня ее поступления в МФЦ.

Постановлением Губернатора Амурской области от 27 июня 2023 г. № 156⁴ скорректирован порядок поступления жалоб в призывную комиссию Амурской области. В случае если обжалуется решение (заключение) призывной комиссии, комиссии по постановке граждан на воинский учет, ответственное лицо также направляет в день поступления жалобы указанное уведомление в военный комиссариат, в котором гражданин, подавший жалобу, состоит на воинском учете.

¹ Постановление Губернатора Астраханской области от 23 июня 2023 г. № 77 «О порядке организации работы по рассмотрению жалоб, поданных в рамках процедуры досудебного обжалования решений (заключений), принимаемых в соответствии с Федеральным законом от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе».

² Указ Главы РД от 4 июля 2023 г. № 138 «Об утверждении Порядка организации работы по рассмотрению жалоб, поданных в рамках процедуры досудебного обжалования отдельных решений, принимаемых в соответствии с Федеральным законом «О воинской обязанности и военной службе».

³ Указ Главы Республики Калмыкия от 30 июня 2023г. № 136 «О внедрении на территории Республики Калмыкия механизма досудебного обжалования отдельных решений, принимаемых в соответствии с Федеральным законом от 28 марта 1998 года № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» (вместе с «Временным Порядком организации работы по рассмотрению жалоб, поданных в рамках процедуры досудебного обжалования решений, принимаемых в соответствии с Федеральным законом «О воинской обязанности и военной службе»).

⁴ Постановление Губернатора Амурской области от 27 июня 2023 г. № 156 «О внесении изменений в постановление Губернатора Амурской области от 18 мая 2023 г. № 119».

Постановлением Губернатора Костромской области от 31 мая 2023 г. № 96 предусмотрен порядок работы призывной комиссии Костромской области по рассмотрению жалоб, сообщений, подаваемых гражданами в рамках процедуры досудебного обжалования решений (заключений), принимаемых в соответствии с Законом о воинской обязанности и военной службе.

Таким образом, приведенные подзаконные нормативные правовые акты, за исключением решения Губернатора Иркутской области, не содержат норм, предусматривающих подачу жалобы полномочным представителем или законным представителем от имени призывников.

Мы видим, что основной объем принимаемых субъектами Российской Федерации решений в сфере рассмотрения жалоб, поданных в рамках процедуры досудебного обжалования решений, принимаемых в соответствии с Законом о воинской обязанности и военной службе, образовался в 2023 г.

Принятие изменений в Закон о воинской обязанности и военной службе позво-

лит гражданам более оперативно решать возникшие перед ними проблемы, а также эффективно отстаивать свои права и свободы перед органами государственной власти и их должностными лицами.

Библиография

1. Ефремов, А.В. Некоторые актуальные правовые вопросы, возникающие при обжаловании решений и действий призывных комиссий военных комиссариатов / А.В. Ефремов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2012. — № 2 (176). — С. 109—111.
2. Лагашкина, Ю.В. К вопросу об обжаловании решений призывных комиссий об отказе в замене военной службы по призыву альтернативной гражданской службой / Ю.В. Лагашкина // Военное право. — 2019. — № 5 (57). — С. 103—106.
3. Лапина, О.А. Проблемные вопросы реализации решений призывных комиссий о призыве граждан Российской Федерации на военную службу / О.А. Лапина // Военное право. — 2020. — № 3 (61). — С. 115—119.
4. Соколов, Я.О. Кворум призывной комиссии как условие законности вынесения решений / Я.О. Соколов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2018. — № 3 (248). — С. 88—93.

Уголовное право, уголовный процесс и криминалистика

Понятие и система преступлений, посягающих на порядок прохождения военной службы

© Борисов Андрей Викторович,
кандидат юридических наук доцент, заведующий
кафедрой «Уголовное право, уголовный процесс
и правоохранительная деятельность»
Юридического института Российского
университета транспорта

Аннотация. В статье представлен анализ понятия преступлений, посягающих на порядок прохождения военной службы, обозначены позиции ученых-юристов на систему преступлений, посягающих на порядок прохождения военной службы и предложено авторское видение данной системы.

Ключевые слова: понятие преступлений, посягающих на порядок прохождения военной службы, система преступлений, посягающих на порядок прохождения военной службы.

The concept and system of crimes encroaching on the order of military service

© Borisov A.V.,
Candidate of Law, Associate Professor, Head of the
Department "Criminal law, criminal procedure and
law enforcement" Law Institute Russian University
of Transport

Annotation. The article presents an analysis of the concept of crimes encroaching on the order of military service, identifies the positions of legal scholars on the system of crimes encroaching on the order of military service and suggests the author's vision of this system.

Keywords: the concept of crimes encroaching on the order of military service, the system of crimes encroaching on the order of military service.

Согласно ч. 1 ст. 2 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» военная служба — особый вид федеральной государственной службы, исполняемой: гражданами, не имеющими гражданства (подданства) иностранного государства либо вида на жительство или иного документа, подтверждающего право на постоянное проживание гражданина на территории иностранного государства, — в Вооруженных Силах Российской Федерации и в войсках национальной гвардии Российской Федерации (далее также — другие войска), в спасательных воинских формированиях федерального органа исполнительной власти, уполномоченного на решение задач в области гражданской обо-

роны (далее — воинские формирования), в Службе внешней разведки Российской Федерации, органах федеральной службы безопасности, органах государственной охраны, органах военной прокуратуры, военных следственных органах Следственного комитета Российской Федерации и федеральном органе обеспечения мобилизационной подготовки органов государственной власти Российской Федерации (далее — органы), в воинских подразделениях федеральной противопожарной службы и создаваемых на военное время специальных формированиях; гражданами, имеющими гражданство (подданство) иностранного государства либо вид на жительство или иной документ, подтверждающий право на постоянное проживание

гражданина на территории иностранного государства, и иностранными гражданами — в Вооруженных Силах Российской Федерации и воинских формированиях.

При этом, прохождение военной службы осуществляется как по призыву (военную службу по призыву проходят только граждане Российской Федерации), так и по контракту (помимо граждан Российской Федерации контракт может быть подписан и с иностранными гражданами).

Согласно ч. 3 ст. 2 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» граждане (в т.ч. иностранные граждане), проходящие военную службу, являются военнослужащими и имеют статус, устанавливаемый федеральным законом. Согласно ч. 1 ст. 1 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» статус военнослужащих есть совокупность прав, свобод, гарантированных государством, а также обязанностей и ответственности военнослужащих, установленных данным Федеральным законом, федеральными конституционными законами, федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.

К военнослужащим относятся: офицеры, прапорщики и мичманы, курсанты военных профессиональных образовательных организаций, военных образовательных организаций высшего образования, сержанты и старшины, солдаты и матросы, проходящие военную службу по контракту (военнослужащие, проходящие военную службу по контракту); сержанты и старшины, солдаты и матросы, проходящие военную службу по призыву, курсанты военных профессиональных образовательных организаций, военных образовательных организаций высшего образования до заключения с ними контракта (военнослужащие, проходящие военную службу по призыву).

Военнослужащие, согласно закону, обязаны беспрекословно выполнять поставленные перед ними задачи в любых условиях, в т.ч. с риском для жизни и здоровья. При прохождении военной службы (как по призыву, так и контракту) военнослужащие испытывают определенного ро-

да стресс (депрессии) в силу специфики своей профессиональной деятельности. Особенно это касается тех военнослужащих, которые проходят военную службу по контракту, т.к. они выполняют самые сложнейшие боевые задачи как на территории нашей страны, так и за ее пределами (особенно данный аргумент актуален сейчас, в условиях проведения СВО). Нередко, из-за боязни за свою личную жизнь, или же из-за банального страха, а также, из-за неумения выдерживать психологические нагрузки (это может быть, давление «желтых» СМИ, различного рода провокации со стороны противника и т.п.), у военнослужащих (как по своей воле, так и на подсознательном уровне) возникает соблазн отказа от выполнения поставленных перед ними задач. При систематическом проявлении подобных явлений подрывается безопасность нашего государства, снижается доверие и авторитет Вооруженных Сил в глазах общества.

Военнослужащие независимо от воинского звания и воинской должности равны перед законом и могут привлекаться к дисциплинарной, административной, материальной, гражданско-правовой и уголовной ответственности в зависимости от характера и тяжести совершенного ими правонарушения.

Согласно действующему законодательству Российской Федерации уголовная ответственность за преступления против военной службы установлена в отдельной главе УК РФ.

Учитывая историю развития уголовного законодательства за преступления против прохождения военной службы, на наш взгляд, данный подход полностью оправдан, поскольку он дает возможность учесть относительно указанных преступлений как общие положения уголовной ответственности за совершение преступлений, сформулированные в нормах общей части УК РФ, так и особенности такой ответственности, за преступления квалифицированные.

Гл. 33 УК РФ содержит двадцать три статьи (ст. 352.1 «Добровольная сдача в

плен» была введена относительно недавно, т.к. этого требовали обстоятельства)¹.

Согласно ч. 1 ст. 331 УК РФ преступлениями против военной службы признаются предусмотренные данной главой преступления против установленного порядка прохождения военной службы, совершенные военнослужащими, проходящими военную службу по призыву либо по контракту, а также гражданами, пребывающими в запасе, во время прохождения ими военных сборов.

Различные авторы, преступления против военной службы классифицируют по-разному.

Так, например, Л.В. Иногамова-Хегай выделяет следующую классификацию:

1. Преступления против порядка подчиненности и уставных взаимоотношений между военнослужащими: неисполнение приказа (ст. 332 УК РФ); сопротивление начальнику или принуждение его к нарушению обязанностей военной службы (ст. 333 УК); насильственные действия в отношении начальника (ст. 334 УК РФ); нарушение уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности (ст. 335 УК РФ); оскорбление военнослужащего (ст. 336 УК РФ);

2. Преступления против порядка прохождения военной службы: самовольное оставление части или места службы (ст. 337 УК РФ); дезертирство (ст. 338 УК РФ); уклонение от исполнения обязанностей военной службы путем симуляции болезни или иными способами (ст. 339 УК РФ);

3. Преступления против порядка несения специальных служб: нарушение правил несения боевого дежурства (ст. 340 УК РФ); нарушение правил несения пограничной службы (ст. 341 УК РФ); нарушение уставных правил караульной службы (ст. 342 УК РФ); нарушение правил несения службы по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасно-

сти (ст. 343 УК РФ); нарушение уставных правил несения внутренней службы и патрулирования в гарнизоне (ст. 344 УК РФ);

4. Преступления против порядка обращения с военным имуществом, оружием, источниками повышенной опасности, использования и эксплуатации военной техники: оставление погибающего военного корабля (ст. 345 УК РФ); умышленное уничтожение или повреждение военного имущества (ст. 346 УК РФ); уничтожение или повреждение военного имущества по неосторожности (ст. 347 УК РФ); утрата военного имущества (ст. 348 УК РФ); нарушение правил обращения с оружием и предметами, представляющими повышенную опасность для окружающих (ст. 349 УК РФ); нарушение правил вождения или эксплуатации машин (ст. 350 УК РФ); нарушение правил полетов или подготовки к ним (ст. 351 УК РФ); нарушение правил кораблевождения (ст. 352 УК РФ)².

В свою очередь, В.П. Бодаевский предлагает свою классификацию, разделенную на пять групп:

1. преступления, посягающие на порядок подчиненности и уставных взаимоотношений между военнослужащими (ст. 332—336 УК РФ);

2. уклонение от военной службы (ст. 337—339 УК РФ);

3. преступления, посягающие на порядок несения специальных видов военной службы (ст. 340—344 УК РФ);

4. преступления, посягающие на порядок сбережения военного имущества (ст. 345—348 УК РФ);

5. преступления, посягающие на порядок использования и эксплуатации военной техники (ст. 349—352 УК РФ)³.

На наш взгляд, классификация преступлений против военной службы, должна иметь следующую структуру: преступления, посягающие на порядок подчиненности и уставных взаимоотношений между военнослужащими (ст. 332—336 УК РФ);

¹ Федеральный закон от 24 сентября 2022 г. № 365-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

² Иногамова-Хегай Л.В., Рарог А.И., Чучаев А.И. Уголовное право. Особенная часть : учебник / изд. второе испр. доп. М.: Юридическая фирма «КОНТРАКТ»: ИНФРАМ, 2008. С. 726.

³ Бодаевский В.П. Уголовное право. Особенная часть : учебник. М.: Проспект, 2019. С. 353—354.

преступления, посягающие на порядок прохождения военной службы (ст. 337—339 УК РФ); преступления, посягающие на порядок несения специальных служб (ст. 340—345 УК РФ); преступления, посягающие на порядок сохранности военного имущества (ст. 346—348 УК РФ); преступления, посягающие на порядок эксплуатации военной техники (ст. 349—352 УК РФ). Статья 352.1 УК РФ (добровольная сдача в плен), по мнению автора, нецелесообразно включать ни в одну из вышеуказанных групп, поскольку является новым видом преступления против военной службы. С учетом дополнения гл. 33 УК РФ другими (новыми) видами преступлений против военной службы, по нашему мнению, в научной литературе должна быть выделена еще одна, (шестая) группа воинских преступлений, в которую можно будет включить указанную статью УК РФ и должна называться «преступления, дискредитирующие Вооруженные Силы Российской Федерации».

Исходя из предмета исследования данной статьи, автор полагает, что необходимо акцентировать внимание именно на преступлениях, посягающих на порядок прохождения военной службы, которые можно разделить на следующие виды:

- самовольное оставление части или места службы — ст. 337 УК РФ;
- дезертирство — ст. 338 УК РФ;
- уклонение от исполнения обязанностей военной службы путем симуляции болезни или иными способами — ст. 339 УК РФ.

В разные исторические этапы развития законодательства, разные представители власти, видели решение возникающих проблем правового регулирования преступлений против прохождения военной службы с учётом изменяющихся условий.

Каждый из них внёс весомый вклад в развитие вышеупомянутого законодательства. Но самым ярким представителем, несомненно, необходимо считать императора Петра I, который, по сути, начал революцию в части укрепления и наращивания мощи российской армии. Принятые при нём нормативно-правовые акты, направленные на регулирование уголовной

ответственности за преступления против военной службы, в основном предусматривали довольно-таки карательные виды наказания. Зачастую, самым распространённым видом наказания, была смертная казнь.

Уголовные кодексы, принятые в 1922 и 1960 гг., также оставили существенный отпечаток в истории развития отечественного законодательства, в т.ч. и в сфере установления уголовной ответственности за преступления против прохождения военной службы.

В УК РСФСР 1922 г. воинские преступления содержались в отдельной главе — гл. VII «Воинские преступления». А нормы УК РСФСР 1960 г. с некоторыми изменениями и дополнениями дошли и до наших дней. В указанных нормативно-правовых актах существенно были расширены виды наказаний, предусмотренные за преступления против прохождения военной службы.

В юридической литературе (в военно-уголовном и уголовном праве), существует немалое количество классификаций преступлений против военной службы в целом. Кроме учебных пособий, классификация военных преступлений, находит свое отражение и в различного рода научных статьях и диссертациях. Например, П.С. Данилов, в своей научной работе, посвященной системе преступлений против военной службы и перспективам ее совершенствования, выделил следующую классификацию¹: 1) преступления против установленного порядка уставных взаимоотношений между военнослужащими (ст. 332—336 УК РФ); 2) преступления против установленного порядка общей организации прохождения или несения военной службы (ст. 337—339 УК РФ); 3) преступления против установленного порядка несения специальных видов военной службы (ст. 340—344 УК РФ); 4) преступления против установленного порядка обеспечения сохранности военного иму-

¹ Данилов П.С. Система преступлений против военной службы и перспективы ее совершенствования : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2019. С. 185.

щества (ст. 345—348 УК РФ); 5) преступления против установленного порядка обращения с боевым или потенциально опасным военным имуществом (ст. 349—352 УК РФ).

Что касается видов преступлений, непосредственно посягающих на порядок прохождения военной службы, то их всего три: ст. 337—339 УК РФ, а также отдельная ст. 328 УК РФ, не входящая в гл. 33 УК РФ.

Резюмируя сказанное выше, можно сделать вывод о том, что история становления и развития российского законодательства об уголовной ответственности за преступления против прохождения воен-

ной службы прошла тяжелый и долгий путь, чтобы предстать в таком виде, как в настоящее время.

Библиография

1. Бодаевский В.П. Уголовное право. Особенная часть : учебник / В.П. Бодаевский. — М.: Проспект, 2019.

2. Иногамова-Хегай Л.В. Уголовное право. Особенная часть : учебник. — Изд. 2-е испр. и доп. / Л.В. Иногамова-Хегай, А.И. Рарог, А.И. Чучаев. — М.: Юридическая фирма «КОНТРАКТ»: ИНФРАМ, 2008.

3. Данилов, П.С. Система преступлений против военной службы и перспективы ее совершенствования : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / П.С. Данилов. — Омск, 2019.

Квалификация преступлений: ознакомление с практикой военных судов

© Зюбанов Юрий Алексеевич,
кандидат юридических наук, доцент, профессор
Военного университета

© Харитонов Станислав Станиславович,
кандидат юридических наук, профессор

Аннотация. Представлена судебная практика по рассмотренным военными судами уголовным делам применительно к квалификации преступных деяний.

Ключевые слова: квалификация преступлений, военные суды, военно-судебная практика.

Classification of crimes: familiarization with the practice of military courts

© Zyubanov Yu.A.,
candidate of legal sciences, associate professor, pro-
fessor of the Military University

© Kharitonov S.S.,
Candidate of Legal Sciences, Professor

Abstract. Judicial practice is presented in criminal cases considered by military courts in relation to the qualification of criminal acts.

Key words: qualification of crimes, military courts, military judicial practice.

Бедность — источник возмущений и преступлений
Аристотель

Политические, экономические, социальные преобразования в России объективно влияют на направленность изменений российского законодательства. Не является исключением и Уголовный закон. Так, по состоянию на 2018 г. количество статей в УК РФ выросло на 30 %¹. Представляется, что темпы новеллизации уголовного законодательства с указанного времени только ускорились.

В этой связи правоприменительная практика, в том числе по теме квалификации преступлений, требует изучения, анализа и корректировки, на что неоднократно обращали внимание и военные юристы².

¹ См. подробнее: Маркунцов С.А. О масштабах перманентной новеллизации Уголовного кодекса Российской Федерации // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 2. С. 18—26.

² См. подробнее: Заказнова А.Н., Харитонов С.С. Квалификационные ошибки: по материалам военно-судебной практики // Право в Вооруженных Си-

лах — военно-правовое обозрение. 2023. № 4 (309). С. 73—84; Лобов Я.В. Об особенностях освобождения от уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции // Военное право. 2023. № 4 (80). С. 181—184; Моргуленко Е.А. К вопросу об уголовной ответственности лиц, участвующих в специальной военной операции на добровольной основе // Военное право. 2023. № 3 (79). С. 195—198; Назаров А.А., Харитонов С.С. Обоснованность назначения военными судами уголовного наказания: материалы судебной практики // Военное право. 2023. № 4 (80). С. 193—198; Раков А.В., Харитонов С.С. К вопросу квалификации преступлений: некоторые аспекты с позиции военных судов // Военное право. 2023. № 1 (77). С. 188—193; Смирнов Д.В., Власов С.Ю. О некоторых спорных вопросах квалификации мошенничества в практике военных судов // Военное право. 2022. № 3 (73). С. 191—199; Смирнов Д.В., Сотникова В.В. Об особенностях уголовно-правовой квалификации преступлений, предусмотренных статьей 283² УК РФ // Военное право. 2023. № 3 (79). С. 199—208; Шарапов С.Н. Военно-

Приведенные далее судебные решения позволяют увидеть изменения в подходах к квалификации преступлений.

Одновременное получение, в том числе через посредника, взятки от нескольких лиц, не может квалифицироваться как единое продолжаемое преступление, если в интересах каждого из них должностным лицом совершается отдельное действие (акт бездействия). Содеянное при таких обстоятельствах образует совокупность преступлений.

Согласно приговору гарнизонного военного суда, постановленному в особом порядке в связи с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве, Р. в апреле—августе 2016 г. получил через посредника от военнослужащих двух воинских частей взятки в виде денег за незаконные действия — выставление каждому из них положительных оценок по физической подготовке за 2—4 кварталы 2016 г. на общую сумму 730 000 руб.

Рассмотрев дело по кассационной жалобе защитника, кассационный военный суд отменил приговор по следующим основаниям.

В соответствии с ч. 6 ст. 317⁷ УПК РФ и п. 22 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2012 г. № 16 «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» описательно-мотивировочная часть обвинительного приговора должна содержать описание преступного деяния, в совершении которого обвиняется подсудимый. Суд постановляет обвинительный приговор и назначает подсудимому наказание, только если придет к выводу о том, что обвинение, с которым согласился подсудимый, является обоснованным и под-

тверждается доказательствами, собранными по делу.

Эти положения уголовно-процессуального закона судом первой инстанции не соблюдены.

По данному делу суд признал, что обвинение Р. в получении в период с середины апреля по середину августа 2016 г. от нескольких лиц взятки на общую сумму 730 000 руб. за незаконные действия обосновано, подтверждается собранными по делу доказательствами и квалифицировал его действия по ч. 3 ст. 290 УК РФ.

Между тем данный вывод суда не основан на законе.

Согласно разъяснениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации, изложенным в п. 21 Постановления от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях», не может квалифицироваться как единое продолжаемое преступление одновременное получение, в том числе через посредника, взятки от нескольких лиц, если в интересах каждого из них должностным лицом совершается отдельное действие (акт бездействия). Содеянное при таких обстоятельствах образует совокупность преступлений.

По делу не установлено и не указано в приговоре, что у военнослужащих, передавших деньги Р., имелись общие интересы, а осужденным за это незаконное вознаграждение совершены действия также в общих интересах взяткодателей. Напротив, в приговоре указано, что деньги каждым из взяткодателей передавались посреднику для Р. за выставление оценки за сдачу нормативов по физической подготовке каждому военнослужащему индивидуально.

Исходя из этого, вывод суда о получении Р. взятки в значительном размере и квалификация его действий как единого продолжаемого преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 290 УК РФ, являются необоснованными.

Передав дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции, кассационный военный суд указал на необходимость при новом рассмотрении установить действи-

уголовное право в системе права: объективация дивергенции // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2022. № 5 (298). С. 67—76; Харитонов В.С. О некоторых общих вопросах сущности вигилантизма // Военное право. 2023. № 2 (78). С. 46—48, и др.

тельно ли обвинение, с которым согласился Р., является обоснованным и подтверждается собранными по делу доказательствами, а также правильно квалифицировать действия осужденного¹.

Вопрос о признании потерпевшим от мошенничества, совершенного под видом получения взятки, решается с учетом правомерности или противоправности поведения лица, передавшего соответствующие ценности. Непризнание последнего потерпевшим исключает возможность квалификации мошенничества по признаку причинения гражданину значительного ущерба.

По приговору гарнизонного военного суда Л. признан виновным в мошенничестве, совершенном с причинением значительного ущерба гражданину, ввиду чего осужден по ч. 2 ст. 159 УК РФ.

При этом согласно обвинительному заключению Л. инкриминировалось мошенничество, совершенное с использованием своего служебного положения, то есть преступление, предусмотренное ч. 3 ст. 159 УК РФ.

Как установлено по делу, помощник начальника службы РАВ воинской части Л. сообщил командиру одного из подразделений той же воинской части М. об имеющейся у того по указанной службе недостаче имущества на сумму около 400 000 руб., выявленной вышестоящим органом военного управления в ходе ведущейся проверки. При этом Л., желая незаконно обогатиться, обманул М., убедив его в том, что за денежное вознаграждение может повлиять на выводы проверки и добиться уменьшения зафиксированного в них размера недостачи, а затем ее остаток списать, хотя в действительности совершить в интересах М. данные противоправные действия Л. ввиду отсутствия соответствующих служебных полномочий не мог

и выполнять этого не собирался. Желая избежать негативных последствий выявления недостачи и воспринимая Л. в силу занимаемой им должности способным оказать в этом содействие, М. передал ему 70 000 руб., которые тот потратил на свои нужды.

Согласно приговору, в ходе рассмотрения судом первой инстанции дела по указанному выше обвинению государственный обвинитель по окончании судебного следствия обвинение изменил и переqualificировал содеянное Л. с ч. 3 ст. 159 УК РФ на ч. 2 ст. 159 того же Кодекса. При этом мотивов такой переqualificации в судебном решении не приведено — оно ни в качестве доводов государственного обвинителя, ни в качестве выводов суда не содержит обоснования исключению из обвинения квалифицирующего признака «с использованием своего служебного положения» и вменению Л. квалифицирующего признака «с причинением значительного ущерба гражданину».

Вместе тем, отсутствие у Л. служебных полномочий, позволяющих повлиять на выводы проверки, которая выявила недостачу (ввиду чего ему и не вменено получение взятки), не исключало использования им своих служебных полномочий для обмана М., что со всей очевидностью вытекает из того описания преступного деяния, инкриминированного Л., которое изложено как в обвинительном заключении, так и в приговоре.

Вменение же Л. нового квалифицирующего признака не основано на законе и противоречит требованиям ч. 2 ст. 252 УПК РФ.

Более того, в полном соответствии с разъяснениями, изложенными в п. 24 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях», М. ни в ходе предварительного расследования, ни в ходе судебного разбирательства не признавался потерпевшим, что обусловлено противоправностью его попытки избежать негативных последствий выявления недостачи путем передачи денежного вознаграждения

¹ См.: Обзор судебной практики кассационного военного суда по уголовным делам, делам об административных правонарушениях во втором полугодии 2022 года, утвержденный Президиумом Кассационного военного суда 4 апреля 2023 г. URL: https://vkas.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=29 (дата обращения 05.09.2023).

должностному лицу. Отсутствие по делу потерпевшего исключает возможность квалификации мошенничества по признаку причинения гражданину значительного ущерба.

Поводом для рассмотрения дела судом второй инстанции послужила апелляционная жалоба защитника, а стороной обвинения апелляционных представления или жалобы на приговор не подано, что не позволило в апелляционном порядке принять решение, ухудшающее положение осужденного.

Ввиду изложенного, окружным военным судом приговор изменен, действия Л. переквалифицированы с ч. 2 ст. 159 УК РФ на ч. 1 ст. 159 того же Кодекса, а поскольку на момент вынесения апелляционного определения срок давности уголовного преследования осужденного истек, он по этому основанию освобожден от назначенного наказания¹.

Приговор признается законным, обоснованным и справедливым, если он постановлен в соответствии с требованиями УПК РФ и основан на правильном применении уголовного закона.

По приговору гарнизонного военного суда от 20 мая 2022 г. К. осужден за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 286 УК РФ, двух преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 290 УК РФ и двух преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 292 УК РФ, с применением ч. 3 ст. 69 УК РФ к лишению свободы.

Как видно из приговора, суд признал обоснованным обвинение К., в числе иных преступлений, в совершении двух служебных подлогов, повлекших существенное нарушение охраняемых законом интересов государства.

Между тем, квалифицируя действия осужденного дважды по ч. 2 ст. 292 УК

РФ, суд не указал, на основании каких обстоятельств в каждом случае вред, причиненный К. в связи с внесением в официальные документы не соответствующих действительности сведений, признан существенным.

Вместе с тем согласно разъяснениям, изложенным в п. 19 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре», признавая подсудимого виновным в совершении преступления по признакам, относящимся к оценочным категориям (например, тяжкие последствия, существенный вред), суд не должен ограничиваться ссылкой на соответствующий признак, а обязан привести в описательно-мотивировочной части приговора обстоятельства, послужившие основанием для вывода о наличии в содеянном указанного признака.

Не содержало сведений и обвинительное заключение о том, по каким причинам совершение К. двух служебных подлогов, приведших в итоге к незаконным выплатам неположенной двум взяточникам ежемесячной надбавки к денежному довольствию в размере 70 % от должностного оклада на 2021 г., как военнослужащим, сдавшим физическую подготовку на высший квалификационный уровень, в размере 54 434 руб. 80 коп. и 61 241 руб. соответственно, расценивается как существенное нарушение охраняемых законом интересов государства.

При таких обстоятельствах изложенные в приговоре суда первой инстанции выводы о юридической оценке действий осужденного по обстоятельствам внесения заведомо ложных сведений в ведомости сдачи нормативов по физической подготовке по ч. 2 ст. 292 УК РФ не могли быть признаны соответствующими закону.

Окружной военный суд приговор изменил, действия К. переквалифицировал с двух преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 292 УК РФ, на два преступления, предусмотренные ч. 1 ст. 292 УК РФ, со смягчением наказания, как за каждое из данных преступлений, так и по совокупности совершенных осужденным преступлений. (*Обзор судебной практики гарнизон-*

¹ См.: Обзор судебной практики гарнизонных военных судов, подведомственных Центральному окружному военному суду, по уголовным делам, материалам досудебного и судебного производства, а также по делам об административных правонарушениях за 2022 г. (извлечение) URL: http://covs.svd.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=225 (дата обращения 30.08.2023).

ных военных судов по уголовным делам и материалам за 2022 г., утвержденный президиумом Южного окружного военного суда 16 января 2023 г. URL: http://yovs.ros.sudrf.ru/modules.php?name=sud_community&id=316 (дата обращения 30.08.2023)).

Библиография

1. Заказнова, А.Н. Квалификационные ошибки: по материалам военно-судебной практики / А.Н. Заказнова, С.С. Харитонов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2023. — № 4 (309). — С. 73—84.
2. Лобов, Я.В. Об особенностях освобождения от уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции / Я.В. Лобов // Военное право. — 2023. — № 4 (80). — С. 181—184.
3. Маркунцов, С.А. О масштабах перманентной новеллизации Уголовного кодекса Российской Федерации / С.А. Маркунцов // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2018. — № 2. — С. 18—26.
4. Моргуленко, Е.А. К вопросу об уголовной ответственности лиц, участвующих в специальной военной операции на добровольной основе / Е.А. Моргуленко // Военное право. — 2023. — № 3 (79). — С. 195—198.
5. Назаров, А.А. Обоснованность назначения военными судами уголовного наказания: материалы судебной практики / А.А. Назаров, С.С. Харитонов // Военное право. — 2023. — № 4 (80). — С. 193—198.
6. Раков, А.В. К вопросу квалификации преступлений: некоторые аспекты с позиции военных судов / А.В. Раков, С.С. Харитонов // Военное право. — 2023. — № 1 (77). — С. 188—193.
7. Смирнов, Д.В. О некоторых спорных вопросах квалификации мошенничества в практике военных судов / Д.В. Смирнов, С.Ю. Власов // Военное право. — 2022. — № 3 (73). — С. 191—199.
8. Смирнов, Д.В. Об особенностях уголовно-правовой квалификации преступлений, предусмотренных статьей 283² УК РФ / Д.В. Смирнов, В.В. Сотникова // Военное право. — 2023. — № 3 (79). — С. 199—208.
9. Шарапов, С.Н. Военно-уголовное право в системе права: объективация дивергенции / С.Н. Шарапов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2022. — № 5 (298). — С. 67—76.
10. Харитонов, В.С. О некоторых общих вопросах сущности вигилантизма / В.С. Харитонов // Военное право. — 2023. — № 2 (78). — С. 46—48.

К вопросу об уголовно-правовой характеристике дезертирства

Новикова Ольга Валентиновна,
кандидат юридических наук, доцент кафедры
«Уголовное право, уголовный процесс и
правоохранительная деятельность»
Юридического института Российского
университета транспорта

Аннотация. В статье представлена уголовно-правовая характеристика такого состава преступления, как дезертирство. Уголовно-правовая характеристика сопровождается примерами из судебной практики по статье 338 УК РФ.

Ключевые слова: преступления против военной службы, дезертирство.

On the question of the criminal-legal characteristics of desertion

Novikova O.V.,
Candidate of Law, Associate Professor of the
Department "Criminal law, criminal procedure and
law enforcement" Law Institute Russian University
of Transport

Annotation. The article presents the criminal-legal characteristics of such a crime as desertion. The criminal law characteristic is accompanied by examples from judicial practice under Article 338 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: crimes against military service, desertion.

Согласно ст. 338 УК РФ под дезертирством понимается «самовольное оставление части или места службы в целях уклонения от прохождения военной службы, а равно неявка в тех же целях на службу». Для уяснения понятия «целей», используемых в диспозиции данной нормы, нам необходимо обратиться к Постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 мая 2023 г. № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы». Согласно теории уголовного права, цель является признаком, характеризующим субъективную сторону преступления, в данном случае помогает раскрыть содержание умысла при совершении рассматриваемого преступления. Так, в соответствии с п. 45 названного Постановления Пленума Верховного Суда «об умысле на дезертирство могут свидетель-

ствовать такие обстоятельства, как приобретение или изготовление лицом подложных документов, удостоверяющих личность либо свидетельствующих о том, что оно прослужило установленный законом срок военной службы или имеет отсрочку от призыва, устройство на работу, сокрытие при его задержании правоохранительным органом факта прохождения им военной службы и т.п.».

Объект преступления, предусмотренного ст. 338 УК РФ, аналогичен объекту преступления, предусмотренного ст. 337 УК РФ, и в качестве него выступают общественные отношения, которые связаны с порядком прохождения военной службы в рядах Вооруженных сил Российской Федерации.

В качестве непосредственного объекта состава преступления, предусмотренного ст. 338 УК РФ, выступают общественные

отношения, регламентирующие порядок прохождения военной службы, установленный в Вооруженных Силах Российской Федерации, а также в других войсках и воинских формированиях.

Объективная сторона дезертирства состоит в самовольном оставлении части или места службы, или неявке на службу в регламентированные нормативными правовыми актами сроки. Длительность самовольного оставления части или места службы правового значения не имеет, поскольку состав дезертирства является формальным и считается оконченным либо с момента самовольного ухода из части или с места службы, либо с момента истечения установленного срока явки на службу в том случае, если это преступное действие совершается в целях вовсе уклониться от военной службы¹.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 338 УК РФ, выражается в выполнении двух основных вариантов деяний:

1. путем оставления воинской части или места службы;
2. путем неявки в воинскую часть (к месту службы) при назначении, переводе, из командировки, отпуска или медицинской организации.

Нужно обратить особое внимание на то обстоятельство, что дезертирство — длящееся преступление, о чем прямо указано в п. 48 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 мая 2023 г. № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы». Согласно Постановлению Пленума Верховного Суда СССР от 4 марта 1929 г. № 23 «длящееся преступление можно определить, как действие или бездействие, сопряженное с последующим длительным невыполнением обязанностей, возложенных на виновного законом под угрозой уголовного преследования»².

Применительно к дезертирству, длящееся преступление выражается в действиях, сопряженных с продолжительным невыполнением обязанностей по военной службе.

Согласно п. 48 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 мая 2023 г. № 11 в случае если лицо не явилось с повинной или не было задержано, указанное преступление оканчивается вследствие отпадения у него обязанностей по прохождению военной службы.

Дезертирство для военнослужащих, призванных на военную службу, считается оконченным с момента достижения возраста, после наступления которого указанные обязанности ни при каких обстоятельствах на них не могут быть возложены.

Для граждан, призванных на военную службу по мобилизации, дезертирство окончено с даты окончания периода мобилизации или по достижении такими лицами предельного возраста пребывания в запасе.

Для военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, дезертирство будет оконченным преступлением по достижении ими предельного возраста пребывания на военной службе в зависимости от воинского звания.

Если дезертирство в силу отпадения у лица соответствующих обязанностей окончено, но при этом оно уклоняется от следствия или суда, течение сроков давности приостанавливается. В этом случае течение сроков давности возобновляется с момента задержания указанного лица или явки его с повинной (ч. 3 ст. 78 УК РФ)³.

Дезертирство считается оконченным:

- 1) с момента явки виновного с повинной (при этом, явка с повинной возможна как в расположение своей воинской части (места службы), так и в органы государственной или местной власти);

давности и амнистии к длящимся и продолжаемым преступлениям».

³ См.: п. 48 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 мая 2023 г. № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы».

¹ Боровиков В.Б. Уголовное право. Особенная часть : учебник для вузов / 6-е изд., перераб. и доп. М.: Изд. Юрайт, 2023. С. 453.

² Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 4 марта 1929 г. № 23 «Об условиях применения

2) с момента задержания виновного лица.

«В случае, если лицо не явилось с повинной или не было задержано, указанное преступление оканчивается вследствие отпадения у него обязанностей по прохождению военной службы. Таким моментом следует считать достижение лицом возраста, который является предельным для пребывания на военной службе»¹. При этом надо понимать, что предельный возраст пребывания на военной службе у военнослужащих, проходящих военную службу по призыву, и военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, различается. Так, если лицо, проходящее военную службу по призыву, совершает такое преступление, как дезертирство (ст. 338 УК РФ), при этом, рассматриваемое лицо не явилось с повинным и не было задержано, то в отношении него преступление будет окончено с момента достижения им возраста двадцати семи лет (т.к., согласно п. «а» ч. 1 ст. 22 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» призыву на военную службу подлежат граждане мужского пола в возрасте от 18 до 27 лет)².

В отношении военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, дезертирство будет окончено преступлением по достижении ими предельного возраста пребывания на военной службе в зависимости от воинского звания (например, если дезертирство совершено военнослужащим, имеющим воинское звание «генерал-майор», то преступление будет окончено с момента достижения этим лицом возраста 60 лет). Если дезертирство совершено, лицом женского пола, проходящим военную службу по контракту, то преступление будет окончено с момента достижения этим лицом возраста 45 лет, вне зависимости от воинского звания.

¹ Капинус О.С. Уголовное право России. Особенная часть в 2 т. Том 2 : учебник для вузов / 2-е изд., перераб. и доп. М.: Изд. Юрайт, 2023. С. 584.

² С 1 января 2024 г. предельный возраст призыва на военную службу будет составлять 30 лет (см. Федеральный закон от 4 августа 2023 г. № 439-ФЗ).

Субъектом преступного деяния, предусмотренного ст. 338 УК РФ, является «военнослужащий, проходящий военную службу как призыву, так и по контракту, а также гражданин, пребывающий в запасе, во время прохождения им военных сборов»³.

В качестве субъективной стороны дезертирства выступает прямой умысел и обязательное наличие цели — уклониться вовсе от прохождения военной службы. Как было отмечено ранее, если цель вовсе уклониться от прохождения военной службы у военнослужащего возникла после совершения преступления, предусмотренного ст. 337 УК РФ (т.е. после самовольного оставления части или места службы), то содеянное квалифицируется только ст. 338 УК РФ. В силу своей некомпетентности сотрудники следственных органов зачастую допускают процессуальные ошибки, поэтому правильное установление цели является очень важным моментом, т.к. дезертирство — преступление более тяжкое, нежели самовольное оставление части или места службы. Именно наличие такой цели отличает дезертирство от самовольного оставления части или места службы (ст. 337 УК РФ).

Согласно ч. 1 ст. 338 УК РФ дезертирство, т.е. самовольное оставление части или места службы в целях уклонения от прохождения военной службы, а равно неявка в тех же целях на службу, наказывается лишением свободы на срок до семи лет.

Для наглядной иллюстрации деяния, предусмотренного ч. 1 ст. 338 УК РФ, следует рассмотреть приговор Ставропольского гарнизонного военного суда в отношении военнослужащего Растегина, проходившего военную службу по контракту. В ходе судебного разбирательства было установлено, что Растегин 13 декабря 2018 г. с целью уклониться от прохождения военной службы умышленно, без уважительных причин не прибыл из отпуска в войсковую часть, после чего стал проживать в

³ Подройкина И.А. Уголовное право. Особенная часть в 2 т. Том 2: учебник для вузов / 5-е изд., перераб. и доп. М.: Изд. Юрайт, 2023. С. 487.

г. Ставрополе. 14 апреля 2020 г. Растегин был задержан в г. Ставрополе военными комендатуры, чем было прекращено его незаконное нахождение вне воинской части. В судебном заседании Растегин себя виновным в содеянном признал частично. Признав себя виновным в уклонении от службы, он заявил, что намерения совершить дезертирство у него не было. Он не прибыл из отпуска в войсковую часть, поскольку опоздал на авиарейс. Вскоре, представителем воинской части, он был предупрежден о том, что если он не явится в десятидневный срок, то в отношении него будет возбуждено уголовное дело. Однако, по словам Растегина, он не имел возможности прибыть в часть в связи с отсутствием денежных средств для покупки билета (но было установлено, что он работал в различных местах без оформления трудовых отношений, и авиабилет себе позволить вполне мог — на это суд обратил особое внимание). Между тем на предварительном следствии, будучи допрошенным в качестве обвиняемого 10 июня 2020 г., Растегин признал себя виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 338 УК РФ, заявив, что намерения возвращаться в войсковую часть не имел, однако пояснил, что хотел бы служить в Северо-Кавказском регионе. Виновность Растегина, в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 338 УК РФ, также подтверждается множественными свидетельскими показаниями. По итогу, учитывая характер и степень общественной опасности преступления, личность подсудимого (который по службе характеризуется отрицательно), а также влияние назначенного наказания на исправление подсудимого, суд признал виновным Растегина в дезертирстве, то есть в неявке на службу в целях уклонения от прохождения военной службы, т.е. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 338 УК РФ, и назначил ему наказание в виде лишения свободы сроком на один год в исправительной колонии общего режима¹.

¹ Приговор № 1-21/2020 от 9 июля 2020 г. по делу № 1-21/2020 (Ставропольский гарнизонный

В соответствии с ч. 2 ст. 338 УК РФ дезертирство с оружием, вверенным по службе, а равно дезертирство, совершенное группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, наказывается лишением свободы на срок до десяти лет. Исходя из диспозиции рассматриваемой части, становится очевидным, что кроме простого дезертирства (ч. 1), выделяются еще и квалифицированные виды дезертирства (ч. 2):

— дезертирство с оружием, вверенным по службе, — этим оружием лицо обладает правомерно в силу возложенных на него обязанностей военной службы (например, оружие, выданное для несения службы в карауле, в пограничном наряде по охране Государственной границы);

— совершение деяния группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой².

При совершении дезертирства с оружием, вверенным по службе, зачастую, у лиц, совершающих подобные деяния, возникает умысел на совершение еще одного преступления, предусмотренного ст. 226 УК РФ, — хищение либо вымогательство оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств. Делается это с целью дальнейшей перепродажи оружия или его основных частей. В соответствии с п. 20 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 марта 2002 г. № 5 «дезертирство военнослужащего с оружием, вверенным ему по службе, при отсутствии в его действиях признаков хищения оружия квалифицируется лишь по части второй статьи 338 УК РФ. При наличии в содеянном признаков хищения оружия действия виновного должны квалифицироваться по совокупности преступлений, предусмотренных статьей 226 и частью второй статьи 338 УК РФ»³.

военный суд (Ставропольский край)). [URL] Режим доступа: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 12.08.2023).

² Наумов А.В. Уголовное право в 2 т. Том 2. Особенная часть : учебник / 5-е изд., перераб. и доп. М.: Изд. Юрайт, 2023. С. 469.

³ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 марта 2002 г. № 5 «О судебной практике по делам о хищении,

Согласно п. 46 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 мая 2023 г. № 11 «под оружием, вверенным по службе (часть 2 статьи 338 УК РФ), следует понимать оружие, которым лицо обладает правомерно в силу возложенных на него обязанностей военной службы (например, оружие, выданное для несения службы в карауле, в пограничном наряде по охране Государственной границы Российской Федерации).

Дезертирство военнослужащего с оружием, вверенным ему по службе, при отсутствии признаков его хищения подлежит квалификации только по ч. 2 ст. 338 УК РФ, а при наличии признаков хищения — по совокупности преступлений, предусмотренных соответствующими частями ст. 222 или 222.2, 226 и ч. 2 ст. 338 УК РФ. При этом, если хищение такого оружия совершается часовым, то есть лицом, которому оно выдано персонально и на определенное время для выполнения специальных обязанностей военной службы, содеянное необходимо квалифицировать по п. «в» ч. 3 ст. 226 УК РФ (совершение хищения лицом с использованием служебного положения)¹.

При квалификации дезертирства, совершенного группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, необходимо учитывать соответствующие положения ст. 35 УК РФ, и правильная квалификация делается со ссылкой на определенную часть выше обозначенной статьи, при этом не забыв указать статью из Особенной части УК РФ. Например, дежурные склада оружия, военнослужащие А. и Р., проходящие военную службу по контракту, в течении года, заранее договорившись между собой, похитили более 20 единиц оружия, при этом, узнав о том, что их «спалили», решили совершить деяния, предусмотренное ст. 338 УК РФ. В этом случае, правильная квалификация

должна выглядеть следующим образом: ч. 3 ст. 35 УК РФ, ч. 2 ст. 338, п. «в» ч. 3 ст. 226 УК РФ.

Дезертирство считается совершенным группой лиц по предварительному сговору в случае участия в нем двух и более лиц, заранее договорившихся о совместном совершении преступления. Например, если военнослужащие М. и С., проходящие военную службу по призыву, заранее договорились между собой совершить деяние, предусмотренное ч. 2 ст. 338 УК РФ, всячески оказывая друг другу товарищескую помощь. А если судом не установлено, что лица, одновременно совершившие дезертирство, действовали совместно и в соответствии с заранее достигнутой договоренностью, содеянное каждым из них следует квалифицировать по ч. 1 ст. 338 УК РФ при отсутствии иных квалифицирующих признаков, предусмотренных ч. 2 ст. 338 УК РФ.

Как известно, согласно ст. 33 УК РФ выделяются следующие виды соучастников преступления: исполнитель, организатор, подстрекатель и пособник. Если организатор, подстрекатель или пособник непосредственно не участвовали в совершении дезертирства, содеянное исполнителем не может квалифицироваться как преступление, совершенное группой лиц по предварительному сговору. В этих случаях, в силу ч. 3 ст. 34 УК РФ действия организатора, подстрекателя или пособника следует квалифицировать со ссылкой на соответствующую часть ст. 33 УК РФ.

Дезертирство признается совершенным организованной группой в случаях, когда в нем участвовала устойчивая группа лиц (именно устойчивость играет основополагающую роль), заранее объединившихся для совершения дезертирства. Об устойчивости организованной группы могут свидетельствовать такие признаки, как наличие в ее составе организатора (лицо, непосредственно руководившее действиями остальных участников), наличие заранее разработанного плана совместного совершения дезертирства (например, кто в каком месте будет располагаться в ходе совершения преступления), предварительная подготовка (например, изготовление

вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» (с изменениями и дополнениями).

¹ См. п. 46 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 мая 2023 г. № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы».

документов, приобретение гражданской одежды, определение места пребывания или работы, вырывание подкопа под заборами воинской части и т.д.), распределение функций между членами группы и длительность подготовки данного преступления.

Согласно ч. 3 ст. 338 УК РФ деяния, предусмотренные ч. 1 и ч. 2 данной статьи, совершенные в период мобилизации или военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий, наказываются лишением свободы на срок от пяти до пятнадцати лет. Данная часть была введена в связи с проведением СВО, т.к. были случаи, когда военнослужащие сбегали с поля боя или из военной части, и даже с оружием, вверенным им по службе. Так, 6 октября 2022 г. 13 российских военнослужащих с оружием покинули свою воинскую часть в г. Херсон, к тому же угнали автомобили, принадлежащие Минобороны России. Известно, что данные лица подозревались в совершении тяжких и особо тяжких преступлений, а некоторые из них имеют реальный боевой опыт (служили в добровольческом казачьем отряде «Дон»). Правоохранителями было установлено, что они выехали в Крым, дальнейшая их судьба неизвестна. Таких случаев после 24 февраля 2022 г. зафиксировано немало, и введение ч. 3 ст. 338 УК РФ, по нашему мнению, логичный ход со стороны государства.

В соответствии с ч. 2 ст. 1 Федерального закона от 26 февраля 1997 г. № 31-ФЗ «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации» под мобилизацией в Российской Федерации понимается комплекс мероприятий по переводу экономики Российской Федерации, экономики субъектов Российской Федерации и экономики муниципальных образований, переводу органов государственной власти, органов местного самоуправления и организаций на работу в условиях военного времени, переводу Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований, органов и специальных формирований на организацию и состав военного времени. Мобилизация

может быть, как общей, так и частичной. 21 сентября 2022 г. Президент России В.В. Путин своим Указом объявил о частичной мобилизации в России. Это первый в новейшей истории России случай, когда произошло подобное, и причиной этому послужило, на наш взгляд, расширение задач СВО и закрепление успеха уже в освобожденных территориях (известно, что из мобилизационного резерва было призвано 300 тыс. человек). Согласно п. 2 Указа Президента Российской Федерации от 21 сентября 2022 г. № 647 граждане Российской Федерации, призванные на военную службу по мобилизации, имеют статус военнослужащих, проходящих военную службу в Вооруженных Силах Российской Федерации по контракту, соответственно и уголовную ответственность они несут наравне со всеми остальными контрактниками, в т.ч. и за дезертирство.

Согласно ч. 1 ст. 1 Федерального конституционного закона от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ, «под военным положением понимается особый правовой режим, вводимый на территории Российской Федерации или в отдельных ее местностях в соответствии с Конституцией Российской Федерации Президентом Российской Федерации в случае агрессии против Российской Федерации или непосредственной угрозы агрессии».

В соответствии с п. «д» ч. 8 Военной доктрины Российской Федерации «вооруженный конфликт — вооруженное столкновение ограниченного масштаба между государствами (международный вооруженный конфликт) или противостоящими сторонами в пределах территории одного государства (внутренний вооруженный конфликт)»¹.

В примечании ст. 338 УК РФ указано, что военнослужащий (независимо от того, является ли он призывником или контрактником), впервые совершивший дезертирство (предусмотренное ч. 1, т.е., не квалифицированное), может быть освобожден от уголовной ответственности, если

¹ Военная доктрина Российской Федерации (утв. Президентом Российской Федерации 25 декабря 2014 г. № Пр-2976).

дезертирство явилось следствием стечения тяжелых обстоятельств.

Согласно п. 49 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 мая 2023 г. № 11 «под стечением тяжелых обстоятельств следует понимать объективно существовавшие на момент совершения деяния неблагоприятные жизненные ситуации личного, семейного или служебного характера, воспринимавшиеся военнослужащим как негативные обстоятельства, под воздействием которых он принял решение совершить преступление. К ним могут относиться, в частности, такие жизненные обстоятельства, которые обуславливают необходимость незамедлительного прибытия военнослужащего к месту нахождения близких родственников (тяжелое состояние здоровья отца, матери или других близких родственников и др.) либо существенно затрудняют его пребывание в части (в месте службы) в силу различных причин (например, из-за неуставных действий в отношении военнослужащего при отсутствии угрозы здоровью или жизни, невозможности получить медицинскую помощь)».

К ним могут относиться, в частности, такие жизненные обстоятельства, которые обуславливают необходимость незамедлительного прибытия военнослужащего к месту нахождения близких родственников (тяжелое состояние здоровья отца, матери, жены, детей или других близких родственников, похороны указанных лиц и т.п.), либо существенно затрудняют его пребывание в части или в месте службы в силу различных причин (например, из-за неуставных действий в отношении военнослужащего, из-за частых «наездов» со стороны старших товарищей, которые унижают честь или достоинство, из-за невозможности получить медицинскую помощь и по ряду других причин).

Если тяжелые обстоятельства устранены или отпали, а военнослужащий продолжает незаконно пребывать вне части (места службы), за последующее уклонение от военной службы он подлежит уголовной ответственности на общих основаниях.

Не стоит также забывать о том, что самовольное оставление части (места службы) вследствие стечения тяжелых обстоятельств может совершаться в состоянии крайней необходимости (ст. 39 УК РФ). Например, самовольное оставление части (места службы) вследствие применения к военнослужащему насилия со стороны сослуживцев или командиров, когда в конкретной ситуации у него отсутствовала возможность иным способом сохранить жизнь или здоровье.

Во всех этих случаях (а причины могут быть и другие), суд должен вынести оправдательный приговор ввиду отсутствия в деянии состава преступления. Лица, которые применили насилие, должны быть наказаны по всей строгости закона, вне зависимости от воинского звания и занимаемой должности.

В Вооруженных Силах долгое время была проблема, так называемой «дедовщины», но в настоящее время, таких случаев фиксируется очень мало, а возможно это тщательно скрывается, дабы не подрывать авторитет нашей армии, уж тем более, в такое тяжелое время. На это повлияли множество причин, такие как возможность лишиться воинской должности в лучшем случае, а в худшем случае, и быть привлеченным к уголовной ответственности. До недавних пор именно «дедовщина» была одной из основных причин уклонения от прохождения военной службы, а также иных военных преступлений.

Покидая «зону комфорта», на еще не совсем сформировавшихся молодых людей, давит большая психологическая нагрузка, а малейшее давление в такой ситуации еще и со стороны, и вовсе способно вызвать неисправимые последствия. Речь не совсем об уклонении от прохождения военной службы, но в судебной практике было громкое дело военнослужащего по призыву Рамиля Шамсутдинова, которого приговорили к 24,5 годам лишения свободы за расстрел восьми сослуживцев. Именно применение насилия заставило его пойти на такой крайний шаг, о чем он говорил в суде. При этом он также говорил о том, что хотел сбежать из воинской части

(т.е. совершить дезертирство), но бежать и жаловаться, по его словам, было некуда.

Резюмируя вышеизложенное, необходимо отметить, что все три части, содержащиеся в ст. 338 УК РФ, разнятся между собой по некоторым элементам. Характерной особенностью ч. 1 ст. 338 УК РФ является всеобщая применимость ко всем категориям военнослужащих в мирное время. Часть 2 ст. 338 УК РФ, отличается от ч. 1 содержанием квалифицированных составов: дезертирство с оружием, вверенным по службе, дезертирство, совершенное группой лиц по предварительному сговору или организованной группой. Что касается ч. 3, то она, как было отмечено ранее, является относительно новой по сравнению с двумя другими частями ст. 338 УК РФ, и применяется в отношении различных категорий военнослужащих только в период мобилизации или военного положения, в военное время либо в

условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий.

Библиография

1. Боровиков, В.Б. Уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов / В.Б. Боровиков, А.А. Смердов; под ред. В.Б. Боровикова.— 7-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2023. — 505 с.
2. Уголовное право. Особенная часть. Семестр II: учебник для вузов / И.А. Подройкина [и др.]; отв. ред. И.А. Подройкина, Е.В. Серегина, С.И. Улезько. — 6-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2023.— 706 с.
3. Уголовное право России. Особенная часть в 2 т. Том 2: учебник для вузов / О.С. Капинус [и др.]; под ред. О.С. Капинус. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2023. — 639 с.
4. Уголовное право в 2 т. Том 2. Особенная часть: учебник для вузов / А. В. Наумов [и др.]; отв. ред. А.В. Наумов, А.Г. Кибальник. — 5-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2023. — 499 с.

Военные проблемы международного права

Стратегические подходы к развитию Арктического региона в документах НАТО

© **Синяева Нателла Александровна**,
кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой конституционного (государственного) и международного права ФГКВОУ ВО «Военный университет имени князя Александра Невского» Минобороны России

© **Самодуров Дмитрий Иванович**,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного (государственного) и международного права ФГКВОУ ВО «Военный университет имени князя Александра Невского» Минобороны России

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные вопросы противостояния НАТО и России в Арктическом регионе. Приводится оценка военно-политической ситуации, ее тенденций, основных вызовов, стоящих перед нашей страной в сфере обеспечения национальной безопасности в Арктике. Особое внимание уделено анализу подходов Стратегической концепции развития НАТО, актуализированной в 2022 году, в отношении действий альянса в Арктике. Делается вывод о том, что в военной политике стран НАТО в арктическом регионе присутствует вектор наращивания военного потенциала, а также включение руководством НАТО арктических территорий в зону важнейшего геополитического значения. В условиях санкционной экономики следует ожидать от стран НАТО блокирование усилий нашей страны, направленных на освоение природных ресурсов региона и эксплуатацию Северного морского пути.

Ключевые слова: Арктика, военно-политическая ситуация, НАТО, Россия, стратегия, соперничество, конфронтация.

Strategic approaches to the development of the Arctic region in NATO documents

© **Sinyaeva N.A.**,
Head of the Department of Constitutional (State) and International Law of the Military University, Candidate of Law, Associate Professor

© **Samodurov D.I.**,
Associate Professor of the Department of Constitutional (State) and International Law of the Military University, Candidate of Law, Associate Professor

Abstract. The article deals with topical issues of confrontation between NATO and Russia in the Arctic region. An assessment is given of the military-political situation, its trends, the main challenges facing our country in the field of ensuring national security in the Arctic. Particular attention is paid to the analysis of the approaches of the Strategic Development Concept of NATO, updated in 2022, in relation to the actions of the alliance in the Arctic. It is concluded that the military policy of the NATO countries in the Arctic region clearly shows an attempt to redistribute the traditional maritime state borders in their favor at the expense of Russia, building up military potential, as well as including the Arctic territories in the zone of major geopolitical significance by NATO leadership. In the conditions of the sanctions economy, NATO countries

should be expected to block the efforts of our country aimed at developing the natural resources of the region and operating the Northern Sea Route.

Key words: Arctic, military-political situation, NATO, Russia, strategy, rivalry, confrontation.

На сегодняшний день согласно данным геологической разведки и прогнозных оценок Арктика является из главных источников углеводородного сырья в мировом масштабе. В долгосрочной перспективе сложно переоценить роль Арктической зоны в мировой добыче нефти, газа, а также редкоземельных металлов. Глобальное потепление ведет к облегчению условий добычи полезных ископаемых и повышению надежности их транспортировки. Кроме этого, Северный морской путь становится стратегическим логистическим маршрутом между Европой и Азией, являясь более коротким, чем традиционные транспортные пути через Ближний Восток¹.

В Арктике в настоящее время все чаще пересекаются интересы многих стран мира. В международном праве к Арктике чаще всего применяется позиция «открытого моря» и многие страны мира (даже не относящиеся к арктическим государствам) хотят в полной мере участвовать в использовании ресурсов Северного Ледовитого океана. Специалистами и экспертами из этих стран на международной арене выдвигаются предложения об открытом совместном использовании Арктики — по примеру Антарктики. Вместе с тем, существуют и позиции, позволяющие создать некий симбиоз действующих правовых оснований (морского права, секторального деления, международных договоров, межправительственных соглашений и т.п.), объединяющих сразу несколько различных подходов.

Исходя из складывающейся в мире военно-политической ситуации (прежде всего, открытый конфликт России со

странами НАТО на Украине, а также нагнетание обстановки вокруг Китая и Тайваня), экономических изменений (продолжающийся рост экономики Китая и необходимость все новых ресурсов на фоне рецессии в европейских странах) неурегулированность правового статуса Арктики ведет к противостоянию ведущих мировых государств не только за влияние в регионе, но и овладение его территориями и природными богатствами, что не исключает военного соперничества — как латентного, так и открытого.

Это в полной мере подтверждается и принятием новой стратегической концепции НАТО по итогам Мадридского саммита, прошедшего в июне 2022 г.² Согласно п. 8 данного документа, Российская Федерация рассматривается как основная угроза для альянса, в частности, констатируется наличие у России возможности противодействовать морским перевозкам стран НАТО в высоких широтах, доставке союзных подкреплений и нарушению свободы навигации в регионе. Эта способность России рассматривается альянсом как стратегический вызов, требующий соразмерного ответа³.

Конкретика о возможных действиях НАТО отсутствует в стратегическом документе, что неудивительно. Но, несомненно, следует ожидать усиления военного присутствия и расширение операций НАТО в Арктическом регионе. Это может осуществляться не только с помощью прямой военной конфронтации, но также использования «мягкой силы», проведения психологических операций, ведения, осуществления мероприятий в киберпространстве, воздействие на Россию

¹ Карпов А., Медведева А. «Территория будущего противостояния»: как США и НАТО активизируют военную деятельность в Арктике // RT. URL: <https://russian.rt.com/russia/article/1084428-arktika-rossiya-ssha-nato> (дата обращения: 14.04.2023).

² Саммит НАТО в Мадриде: итоги // Катехон. URL: <https://katehon.com/ru/article/sammit-nato-v-madride-itogi> (дата обращения: 14.04.2023).

³ NATO 2022 STRATEGIC CONCEPT. URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2022/6/pdf/290622-strategic-concept.pdf (дата обращения: 14.04.2023).

в контексте отдельных регионов (прежде всего, их политических и экономических элит), а также коренных малочисленных народов Севера.

Отметим еще один важный аспект: Концепция строится, в том числе, и на понимании, что глобальный климат продолжит меняться, поэтому необходимо учитывать это в перераспределении территорий и природных ресурсов, используя возможности, которые ранее были недоступны¹. Полагаем, что такой тренд несет угрозу безопасности в мировом масштабе: в результате климатических изменений развитие экономики становится менее прогнозируемым, имеющиеся у стран НАТО ресурсы продолжают сокращаться, а это ведет к глобальной конфликтогенности. При этом ситуация на Украине для стран НАТО является лишь отдельным полем битвы с Россией. Такие выводы можно сделать, анализируя заявление, обнародованное главами государств и правительств стран НАТО по итогам встречи в верхах в Мадриде².

Данная стратегическая направленность подтверждается и реальной активизацией деятельности объединенных ВМС НАТО в Арктике в 2018—2022 годах, включая следующее:

— проведение в 2018 г. крупнейших маневров ОВС НАТО со времен холодной войны «Единый трезубец-2018», в которых участвовали вооруженные силы 31 государства альянса и стран-партнеров;

— осуществление в 2020 г. силами ВМС Великобритании, США, Дании и Норвегии провокационной операции по демонстрации приверженности

поддержанию мира и свободы судоходства в регионе, в том числе заход в акваторию Баренцева моря 3—8 мая ударной группы кораблей стран НАТО, а также многоцелевой атомной подводной лодки (ПЛА), универсального транспорта снабжения и фрегата УРО «Кент» ВМС Великобритании;

— проведение раз в 2 года в Арктической зоне учений «Айсекс» с участием многоцелевых ПЛА ВМС США и Великобритании;

— проведение в марте-апреле 2022 г. учений ОВС НАТО «Холодный ответ-2022», в которых задействовалась стратегическая авиация, а также 2 авианосные ударные группы (АУГ): американская — во главе с атомным авианосцем «Гарри С. Трумэн» и британская — с атомным авианосцем «Принц Уэльский»³.

Полагаем, что стратегия наращивания военного присутствия ряда государств НАТО в Арктической зоне может привести к изменению баланса сил не в пользу Российской Федерации. В военной политике стран НАТО в арктическом регионе присутствует вектор наращивания военного потенциала, а также включение руководством НАТО арктических территорий в зону важнейшего геополитического значения. В условиях санкционной экономики следует ожидать от стран НАТО блокирование усилий нашей страны, направленных на освоение природных ресурсов региона и эксплуатацию Северного морского пути.

Библиография

Михашенок, Н. Военно-морские силы НАТО в Арктике / Н. Михашенок, В. Пучнин // Зарубежное военное обозрение. — 2023. — № 2. — С. 68—72.

¹ Козин В. «План Столтенберга» — план войны XXI века коллективного Запада против России и Китая / В. Козин // <https://zvezdaweekly.ru/news/202272130-8C3gQ.html> (дата обращения: 14.04.2023).

² Заявление по итогам встречи в верхах в Мадриде обнародовано главами государств и правительств стран НАТО, участвующими в заседании Североатлантического совета в Мадриде 29 июня 2022 г. // NATO. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_196951.htm?selectedLocale=ru (дата обращения: 14.04.2023).

³ Михашенок Н., Пучнин В. Военно-морские силы НАТО в Арктике / Н. Михашенок, // Зарубежное военное обозрение. 2023. № 2. С. 68—72.

Правовой статус Арктики согласно подходам ООН и других международных организаций

© Шаковец Олег Васильевич,

кандидат юридических наук, заведующий кафедрой конституционного (государственного) и международного права ФГКВОУ ВО «Военный университет имени князя Александра Невского» Минобороны России

© Ломакина Татьяна Вячеславовна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного (государственного) и международного права ФГКВОУ ВО «Военный университет имени князя Александра Невского» Минобороны России

Аннотация. В статье рассматриваются правовые условия развития Арктического региона и существующие проблемные аспекты. Проведен краткий анализ нормативных требований международных документов о статусе Арктики. Автором рассмотрена деятельность ООН и ряда региональных международных организаций по вопросам сотрудничества и развития Арктики, обозначены проблемы взаимодействия, возникшие после начала специальной военной операции на Украине. Особое внимание обращается на сформировавшиеся позиции по развитию Арктики в доктринальных документах ООН и ряда других международных организаций, а также результаты научных открытий, способствующих пересмотру ранее принятых норм и подходов. Делается вывод о том, что, несмотря на принятый ряд международных документов, правовой статус Арктики до сих пор остается неурегулированным с постоянно трансформирующимися подходами, что осложняется политическим противодействием со стороны стран НАТО и ограничением сотрудничества в регионе. Исходя из складывающейся военно-политической ситуации, это ведет к противостоянию ведущих мировых государств не только за влияние в регионе, но и овладение его территориями и природными богатствами, что не исключает военного соперничества — как латентного, так и открытого.

Ключевые слова: Арктический регион; ООН; международная организация; взаимодействие; сотрудничество; военно-политическая ситуация.

Legal status of the Arctic according to UN approaches and other international organizations

© Shakovets O.V.,

Candidate of Law, Head of the Department of Constitutional (State) and International Law of the Federal State Educational Institution of Higher Education "Prince Alexander Nevsky Military University" of the Ministry of Defense of Russia

© Lomakina T.V.,

Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Constitutional (State) and International Law of the Federal State Educational Institution of Higher Education "Prince Alexander Nevsky Military University"

Annotation. The article discusses the legal conditions for the development of the Arctic region and the existing problematic aspects. A brief analysis of the regulatory requirements of international documents

on the status of the Arctic has been carried out. The author considers the activities of the UN and a number of regional international organizations on cooperation and development of the Arctic, identifies the problems of interaction that arose after the start of a special military operation in Ukraine. Particular attention is drawn to the established positions on the development of the Arctic in the doctrinal documents of the UN and a number of other international organizations, as well as the results of scientific discoveries that contribute to the revision of previously adopted norms and approaches. It is concluded that, despite the adoption of a number of international documents, the legal status of the Arctic still remains unsettled with constantly transforming approaches, which is complicated by political opposition from NATO countries and limited cooperation in the region. Based on the emerging military-political situation, this leads to confrontation between the leading world states not only for influence in the region, but also for the mastery of its territories and natural resources, which does not exclude military rivalry, both latent and open.

Key words: Arctic region; UN; international organization; interaction; cooperation; military-political situation.

В современных условиях освоение Арктического региона приобретает важное значение для успешного экономического развития государств, претендующих на территории и природные богатства данного региона. Изменение климатической ситуации на планете — потепление и ускоренное таяние арктических льдов — ведут к расширению возможностей по использованию и развитию арктических территорий как с позиции транспортного обеспечения и расширения грузоперевозок, так и добычи полезных ископаемых. Но неконтролируемое использование Арктики ведет к существенным экологическим рискам, что требует международной интеграции в ее развитии и сплочении государств.

Кроме этого, важность Арктики определяется и ее географическим расположением с позиции возможности размещения стратегических сил сдерживания и других воинских формирований, способных оказать существенное влияние на военно-политическую обстановку в регионе. Со своей стороны, это ведет к росту конфликтного потенциала в Арктическом регионе, что осложняется не до конца урегулированным правовым статусом Арктики.

В начале XX в. Канада первой заявила о своих притязаниях на Арктику, но это не получило никаких правовых закреплений на международном уровне. В 1926 г. согласно Постановлению Президиума ЦИК СССР вся территория от Северного полюса до материковой части СССР, ограниченная меридианами 32°4'35" восточной долготы и 168°49'30" западной долготы,

объявлялась территорией СССР¹. Таким образом, закрепление территории Арктики долгое время осуществлялось на национальном уровне, что во многом устраивало международное сообщество, т.к. освоение данного региона было связано со значительными трудностями и затратами.

Но территориальные вопросы в Арктике стало важной составляющей политических взаимоотношений в конце XX в., когда подходы к формированию правового режима в регионе начали трактоваться согласно требованиям Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. (далее — Конвенция) в режиме «открытого моря»², определяющей права государств, исходя из их территориальной принадлежности.

СССР не стала присоединяться к Конвенции, но впоследствии это сделала Российская Федерация, тем самым отказавшись от декларированных в 1920-е годы претензий на часть Арктики. Согласно действующим сегодня нормам международного морского права к территории стран, напрямую граничащих с Арктикой (Российская Федерация, США, Канада, Норвегия и Дания), относится шельф в 12 морских миль и экономическая зона в 200 морских миль. Внешельфовая зона является международной и может использоваться любыми государствами — в том числе и не арктическими (рис. 1).

¹ Крипакова А.В., Холкина Ю.А. История территориальных притязаний государств в арктическом регионе // Молодой ученый. 2016. № 12 (116). С. 608—613.

² Конвенция ООН по морскому праву (Монтего-Бей, 10 декабря 1982 г.).

Рис. 1. Карта границ в Арктике согласно международного морского права¹

Рис. 2. Карта притязаний арктических государств на территории²

¹ Семенова К.А. Развитие политико-правовых идей о разграничении пространств Арктики в XX—XXI веках // Евразийский юридический журнал. 2018. № 3 (118). С. 412—414.

² Кадочников А.Н., Моргуненко-Крамар Я.Д. Международный правовой статус Арктики: к вопросу о защите права Российской Федерации на Арктику // Проблемы защиты прав: история и современность. XV Международная научно-практическая конференция. СПб., 2021. С. 268—272.

Но существует и другой подход, согласно которого арктические территории являются продолжением материковой зоны и только государства региона могут претендовать на них. Так, нормы Конвенции кроме указанных экономических зон позволяют арктическим государствам претендовать на большую территорию — если специальной Комиссией ООН по границам континентального шельфа (созданной в 1997 г.) будет установлено, что материковая зона распространяется дальше видимой надводной части, а сам шельф, по сути, является продолжением континентальной части государства.

На рис. 2 представлена карта притязаний арктических государств на территории данного региона, исходя из продолжения материковой зоны.

В 2023 г. Комиссия по морскому праву ООН должна вынести вердикт по заявке России на расширение границ в Арктике. Россия с начала 2000-х годов последовательно работает над доказательствами в адрес профильной комиссии ООН о том, что Хребет Ломоносова и поднятие Менделеева являются естественным продолжением наземного шельфа Российской Федерации. Было проведено несколько научных экспедиций, представлены обширнейшие доклады, доказывающие справедливость притязания России — строго в соответствии с Конвенцией.

В 2018 г. по результатам проведенных исследований в ООН была подана мотивированная заявка России о расширении границ страны на континентальном шельфе в Северном Ледовитом океане. Россия также несколько раз после подачи заявки предоставляла комиссии ООН дополнительные материалы, в частности, результаты геологического изучения в пределах хребтов Гаккеля, Ломоносова, Альфа-Менделеева и Чукотского плато.

Но, полагаем, что в современной ситуации обострения внешнеполитических противоречий трудно рассчитывать на неполитизированность Комиссии ООН по морскому праву (с февраля 2022 г. различные подразделения ООН уже показали свою ангажированность и заинтересованность в поддержке стран Западного Мира). Поэтому существует большая вероятность,

что в итоге вопрос принятия решения по заявке будет перенесен (отвергнуть ее нельзя в принципе, т.к. она подтверждается научными исследованиями) или будут затребованы новые доказательства позиции России по расширению границ страны на континентальном шельфе в Арктике.

Важно отметить, что США (в отличие от других арктических государств) не ратифицировали Конвенцию, но публично заявляют о приверженности соблюдению ее норм. В 2008 г. арктические государства заключили Илулиссатскую декларацию, согласно которой определены основные подходы к сотрудничеству в Арктике для решения существующих проблем региона, прежде всего, экологического характера и возможных рисков, а также проведения при необходимости совместных спасательных операций. Вместе с тем, на сегодняшний день не заключено единого многостороннего рамочного международного соглашения, в полной мере определяющего правовой статус Арктики. Отдельные вопросы правового режима Арктики определяются двусторонними соглашениями государств региона (чаще всего, экономической и социальной направленности), что не позволяет говорить о едином подходе к использованию территории и ее правовому статусу.

Также отдельные аспекты международного сотрудничества в регионе решаются с помощью действующих многосторонних институтов: Арктического совета, Совета Баренцева/Евроарктического региона, Северного измерения, Северного форума, Международного арктического научного комитета, Университета Арктики, форума «Арктика — территория диалога» и др.). Данные платформы имеют значительные отличия как по составу участников, так и полномочиям. При этом ключевыми форматами международного сотрудничества в регионе следует считать Арктический совет (создан в 1996 г.) и Совет Баренцева/Евроарктического региона (создан 1993 г.).

Арктический совет является наиболее авторитетным межправительственным форумом высокого уровня, включая 8 стран — основных участников и 38 наблюдате-

лей (государства, не имеющие арктических территорий, а также международные организации). Вместе с тем, в Арктический совет помимо вышеперечисленных ранее арктических стран, вошли также государства, напрямую не имеющих выхода в Северный Ледовитый океан — Исландия, Швеция и Финляндия, но претендующие на освоение Арктики.

В 2021 г. государства Арктического совета утвердили стратегический план развития до 2030 г., но с марта 2022 г. фактически деятельность организации (председательство в ней на 2021—2023 г. принадлежало России) была приостановлена¹. Следует полагать, что деятельность Арктического совета будет продолжена в 2024 г. без участия России, что, несомненно, нарушит политические и экономические интересы нашего государства, создаст предпосылки на военной конфронтации в регионе.

В Совет Баренцева/Евроарктического региона входят приарктические государства (кроме США и Канады), а также Европейская комиссия. Деятельность Совета Баренцева/Евроарктического региона дополняет функции Арктического совета. Но на сегодняшний день взаимодействие и в рамках этой организации также приостановлено со стороны европейских государств².

В рамках указанных международных организаций до недавнего времени проводилась деятельность по развитию Арктического региона и порядку использования его природных ресурсов в рамках заключенных договоренностей. Но теперь в результате фактического прекращения взаимодействия с Россией создается опасность нарастания конфликтной ситуации в регионе при отсутствии урегулированного правового статуса Арктики.

Также важно отметить, что кроме позиции ООН согласно указанной нами ранее Конвенции существуют и мнения государств, не относящихся к арктическим странам, но имеющих собственные взгляды на ее использование, прежде всего, Китай, Индия и ряд развитых государств Юго-Восточной Азии. Они придерживаются позиции «открытого моря» и хотят в полной мере участвовать в использовании ресурсов Северного Ледовитого океана. Специалистами и экспертами из этих стран на международной арене выдвигаются предложения об открытом совместном использовании Арктики — по примеру Антарктики. Вместе с тем, существуют и позиции, позволяющие создать некий симбиоз действующих правовых оснований (морского права, секторального деления, международных договоров, межправительственных соглашений и т.п.), объединяющих сразу несколько различных подходов.

Исходя из складывающейся в мире военно-политической ситуации (прежде всего, открытый конфликт России со странами НАТО на Украине, а также нагнетание обстановки вокруг Китая и Тайваня), экономических изменений (продолжающийся рост экономики Китая и необходимость все новых ресурсов на фоне рецессии в европейских странах) неурегулированность статуса Арктики ведет к противостоянию ведущих мировых государств не только за влияние в регионе, но и овладение его территориями и природными богатствами, что не исключает военного соперничества — как латентного, так и открытого. Поскольку Арктика является зоной стратегических интересов России, сегодня особого внимания требует обеспечение военной безопасности в регионе, что должно быть связано с совершенствованием состава и структуры Вооруженных Сил Российской Федерации, их оснащением современными видами вооружения и военной техники, а также дальнейшим развитием инфраструктуры обеспечения и базирования воинских формирований.

¹ Ташевская Н. Арктический совет приостановил деятельность из-за Украины // Лента.ру. URL: https://lenta.ru/news/2022/03/04/arctic_stop (дата обращения: 12.05.2023).

² Северная Европа и ЕС приостановили сотрудничество с Россией в Евроарктическом регионе // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5250221> (дата обращения: 12.05.2023).

Библиография

1. Кадочников, А.Н. Международный правовой статус Арктики: к вопросу о защите права Российской Федерации на Арктику / А.Н. Кадочников, Я.Д. Моргуnenко-Крамар // Проблемы защиты прав: история и современность. XV Международная научно-практическая конференция. — Санкт-Петербург, 2021. — С. 268—272.

2. Крипакова, А.В. История территориальных притязаний государств в арктическом регионе / А.В. Крипакова, Ю.А. Холкина // Молодой ученый. — 2016. — № 12 (116). — С. 608—613.

3. Семенова, К.А. Развитие политико-правовых идей о разграничении пространств Арктики в XX—XXI веках / К.А. Семенова, // Евразийский юридический журнал. — 2018. — № 3 (118). — С. 412—414.

Правовые основы реализации военного потенциала США в Арктике

© Шаковец Олег Васильевич,

кандидат юридических наук, заведующий кафедрой конституционного (государственного) и международного права ФГКВОУ ВО «Военный университет имени князя Александра Невского» Минобороны России

© Самодуров Дмитрий Иванович,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного (государственного) и международного права ФГКВОУ ВО «Военный университет имени князя Александра Невского» Минобороны России

Аннотация. В статье рассматриваются основные подходы к реализации стратегии доминирования войск США в Арктическом регионе. Делается вывод о том, что принятая в 2021 г. новая Стратегия Армии США в Арктике выступает необходимым правовым основанием для расширения своего присутствия в регионе и показывает дальнейший вектор развития военного потенциала. Основная задача США заключается в противодействии расширению влияния России и Китая в Арктике, получении военно-технического преимущества и завоевании политического господства с возможностью влияния на региональные процессы. Все это ставит новые задачи перед Вооруженными Силами Российской Федерации по противодействию реализации стратегических планов США в Арктическом регионе.

Ключевые слова: Арктика, США, Россия, Китай, соперничество, стратегия, военно-политическая ситуация.

Legal basis for the implementation of the US military potential in the Arctic

© Shakovets O.V.,

Candidate of Law, Head of the Department of Constitutional (State) and International Law of the Military University,

© Samodurov D.I.,

Associate Professor of the Department of Constitutional (State) and International Law of the Military University, Candidate of Law, Associate Professor

Abstract. The article discusses the main approaches to the implementation of the US military dominance strategy in the Arctic region. It is concluded that the new Strategy of the US Army in the Arctic, adopted in 2021, is the necessary legal basis for expanding its presence in the region and shows a further vector for the development of military potential. The main task of the United States is to counteract the expansion of the influence of Russia and China in the Arctic, to obtain a military-technical advantage and gain political dominance with the possibility of influencing regional processes. All this sets new tasks for the Armed Forces of the Russian Federation to counteract the implementation of US strategic plans in the Arctic region.

Key words: Arctic, USA, Russia, China, rivalry, strategy, military-political situation.

В условиях глобализации Арктический регион приобретает все более важное значение с экономической точки зрения. По имеющимся экспертным оценкам, в Арктике имеются залежи нефти, составляющие до 13 % объема общемировых запасов, а также до 30 % природного газа. Кроме того, в Арктике находятся обширные месторождения цветных металлов (алюминия, меди, никеля и олова), драгоценных металлов (золота, платины и серебра), драгоценных камней (алмазов), других полезных ископаемых (апатита, графита и гипса), а также урана.

С позиции развития цифрового общества полезные ископаемые Арктики также имеют важное значение, т.к. здесь находятся залежи редкоземельных металлов (диспрозия, неодима и др.), позволяющих осуществлять миниатюризацию компонентов для двигателей самолетов и современного вооружения, а также телевизоров, смартфонов, ноутбуков, автомобилей и создавать лекарства для лечения онкологических заболеваний. Кроме этого, ввиду потепления климата Арктика становится и важнейшим транспортно-логистическим маршрутом доставки грузов между Азией и Европой через Северный морской путь.

Виду этого Арктический регион является объектом противоречий между ведущими мировыми державами или региональными объединениями стран по целому ряду важных аспектов — экономических, политических, социальных, культурных. Во многом данная ситуация определяется тем, что правовой статус Арктики до сих пор не урегулирован. О своих территориальных претензиях на Арктику в начале XX в. заявляла Канада, в 1920-е годы — СССР, в дальнейшем это делали и ряд других стран. Но единого документа в международном праве, который определял бы территориальные границы арктических государств (т.е. имеющих материковые земли вблизи Арктики и претендующих не только на шельф, но и продолжение своей территории), на сегодняшний день не существует. Поэтому декларируются различные национальные позиции по распределению зон влияния между арктическими государ-

ствами (Российская Федерация, США, Канада, Норвегия и Дания)¹.

Кроме этого, страны Арктического Совета (кроме арктических государств к ним относятся те, которые не имеют прямых границ с регионом, но находятся вблизи его — Швеция, Финляндия и Исландия) также имеют суверенные территориальные претензии в регионе. С позиции же режима «открытого моря» и требований Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.² на часть Арктики (международные нейтральные воды вблизи Северного полюса) могут претендовать не только арктические страны, но и любые страны мира. Например, Китай в своей «Белой книге» по развитию Арктики рассматривает ее как новый стратегический рубеж (наряду с космосом и морскими глубинами), где присутствует «неопределенный суверенитет», что обосновывает доступ к природным богатствам Арктики и присутствие на Крайнем Севере. Подобная суверенная двусмысленность позволяет КНР оправдывать свое участие в экономическом использовании Арктического региона и потенциально применять для этого военно-технические средства³.

Сегодня к территориальным претензиям, запросам отдельных государств на экономическое и транспортное использование в Арктике добавляются проблемы экологической, технологической и военной безопасности. В условиях сохранения конфронтации в отношениях России с Западом на среднесрочную и долгосрочную перспективу данные риски в Арктике будут только возрастать. Поэтому крайне интересной выглядит оценка стратегических планов военного присутствия в Арктике крупнейших мировых держав, прежде всего, США как лидера блока НАТО.

¹ Семенова К.А. Развитие политико-правовых идей о разграничении пространств Арктики в XX—XXI вв. // Евразийский юридический журнал. 2018. № 3 (118). С. 412—414.

² Конвенция ООН по морскому праву (Монтего-Бей, 10 декабря 1982 г.).

³ Слободчикова С.Н., Абрамович М.М. Арктическая политика Китая: публично-правовые аспекты // Право и государство: теория и практика. 2022. № 1. С. 102—104.

В связи с этим необходимо отметить, что в 2021 г. была представлена Стратегия ведения боевых действий Американскими сухопутными войсками в Арктике, предусматривающая создание руководящих штабов и функциональных войсковых подразделений с целью укрепления своих национальных позиций в регионе. В данном документе декларированы следующие ключевые цели, которые преследуются Армией США в Арктике:

— защита национальных интересов США в регионе;

— защита своей национальной территории и территории союзников по НАТО, а также другим военным союзам;

— проецирование своей военной силы в глобальном масштабе¹.

Доктрина носит довольно воинственный характер — согласно данной стратегии новая военная кампания США в Арктике создаст дилемму для великих держав и не позволит им дальше «захватывать» регион. Направленность данной стратегии подчеркивает и ее название — завоевание/восстановление господства в Арктике.

Военные аналитики США исходят из того, что пока КНР не владеет землей за Полярным кругом, но считает себя «приарктической нацией», а с 2014 г. имеет статус наблюдателя в Арктическом Совете. Хотя большинство арктических стран — это союзники США, основные конкуренты Америки — Россия и Китай — освоили Арктику стратегии с геополитическими целями, противоречащими интересам США. При этом Россия стремится к консолидации суверенных претензий на Арктический регион (в частности, за счет расширения своих границ через принятие решения специальной комиссией ООН по увеличению шельфа как продолжения материковой территории) и тем самым хочет контролировать доступ к региону. Китай же стремится получить доступ к природным ресурсам и морским путям Арктики для укрепления и расширения своего во-

енного, экономического и научного потенциала.

Стратегия выделяет Арктику как коридор для расширения стратегического соперничества великих держав между двумя регионами — Индо-Тихоокеанским и Европой. При этом возможное объединение усилий Китая и России выступает центральной проблемой для США. Поэтому должны расставляться приоритеты при сохранении оптимального баланса сил между двумя этими векторами. Армия США должна сформировать такой военный «кулак» в регионе, в том числе с использованием потенциала союзников и партнеров, который ставил бы дилеммы противникам (России и Китаю), стремящимся получить доступ к Арктике и конкурировать в регионе.

На сегодняшний день практически все силы постоянной армии США на арктических и субарктических территориях дислоцированы на Аляске на 3-х основных объектах: Форт Уэйнрайт, Объединенная база Элмендорф-Ричардсон и Форт Грили. Общая численность войсковых формирований составляет 11 600 военнослужащих. Стратегия Армии США в первую очередь направлена на сетевую интеграцию существующих 3-х военных командований Армии США в Арктике. Для этого планируется создать на Аляске подразделение военной группировки многоцелевой группы (англ., Multidomain Task Force — MDTF), включая дивизионный штаб, укомплектованный специально подготовленными для работы в Арктике боевыми бригадами (основных войсковых формирований, включающие 4,5 тыс. военнослужащих)².

Согласно Стратегии, формирование многофункциональной группы станет первым шагом в создании условий для доминирования США в регионе. В соответствии с действующими подходами США традиционно использует оперативные многоцелевые группы в регионах со сложными географическими и климатическими условиями, к которым в полной мере относится

¹ Regaining Arctic Dominance The U.S. Army In The Arctic. Url: https://verumreactor.ru/wp-content/uploads/2021/03/regaining_arctic_dominance_us_army_in_the_arctic_19_january_2021.pdf.

² Рябов К. Новая арктическая стратегия США // Военное обозрение. URL: <https://topwar.ru/181150-novaja-arkticheskaja-strategija-ssha.html>.

Арктика. Кроме этого, также не исключается возможность создания Объединённого многофункционального командования в Арктике, которое будет проводить операции с привлечением различных войск, а не только Сухопутных сил и Береговой охраны.

Кроме того, благодаря созданию воензированной многоцелевой группы планируется более четко и системно проводить арктические операции со своими союзниками по НАТО. Оперативная многоцелевая группа Армии США в Арктике также станет площадкой для проверки на прочность тактических нововведений и изучения оперативного ведения боевых действий в сложных условиях. В том числе в документе отмечается, что американские военные будут экспериментировать в операциях с использованием спутниковых систем. Сложность таких миссий связана с особым электромагнитным полем в Арктике.

Также необходимо отметить, что США рассматривают возможности собственной армии в Арктике достаточно широко. Помимо уже традиционных функций по размещению ПРО в Арктике данное операционное пространство представляет собой уникальную возможность для проецирования своего политического и военного влияния в глобальном масштабе, а также повышает способности оперативно реагировать на кризис и/или региональный конфликт. Согласно указанной Стратегии нахождение армии США в Арктике рассматривается как первая линия обороны своей территории. Для этого армейские подразделения в Арктике должны иметь надлежащую подготовку, чтобы выдерживать суровые арктические условия во время возможных военных операций, надежное оборудование и ВВСТ, которое может функционировать в сложной местности и

при экстремальных температурах, а также иметь необходимую инфраструктуру для обеспечения воинских подразделений на значительных расстояниях.

Для реализации планов, предусмотренных Стратегией, планируется выделение Армии США дополнительного финансирования. Кроме этого, прорабатывается возможность включения отдельного пункта финансирования в национальном бюджете США на проведение арктических операций.

Таким образом, принятая в 2021 г. новая Стратегия Армии США в Арктике выступает необходимым правовым основанием для расширения своего присутствия в регионе и показывает дальнейший вектор развития военного потенциала. Основная задача заключается в противодействии расширению влияния России и Китая в Арктике, получении военно-технического преимущества и завоевании политического господства с возможностью влияния на региональные процессы. Планируется создание объединенного командования войск, повышение боеспособности оперативных подразделений, расширение инфраструктуры и возможностей ведения радиотехнической разведки в экстремальных условиях Крайнего Севера. Все это ставит новые задачи перед Вооруженными Силами Российской Федерации по противодействию реализации стратегических планов США в Арктическом регионе.

Библиография

1. Семенова, К.А. Развитие политико-правовых идей о разграничении пространств Арктики в XX—XXI веках / К.А. Семенова // Евразийский юридический журнал. — 2018. — № 3 (118). — С. 412—414.
2. Слободчикова, С.Н. Арктическая политика Китая: публично-правовые аспекты / С.Н. Слободчикова, М.М. Абрамович // Право и государство: теория и практика. — 2022. — № 1. — С. 102—104.

К вопросу о необходимости разработки Концепции международной гуманитарной деятельности Российской Федерации на период до 2030 года

© Шамаров Павел Вячеславович,
доктор политических наук, кандидат военных наук, доцент, профессор Академии военных наук Российской Федерации

Аннотация. Статья на основе контент-анализа отечественных политико-правовых документов в сфере международной гуманитарной деятельности обосновывает и раскрывает перспективные подходы к организации и реализации такой федеральной практики с учетом новейших международных реалий и актуальных национальных потребностей России в период после начала специальной военной операции на Украине в интересах наращивания мирового значения и влияния нашей страны, защиты ее национальных интересов, повышения международных возможностей, рейтинга и имиджа. Аргументируется политико-правовая необходимость в подразделении федеральной гуманитарной деятельности на два самостоятельных раздела: чрезвычайно-оперативный, включающий вопросы чрезвычайного гуманитарного реагирования за рубежом и культурно-публичный – мягкой силы.

Ключевые слова: национальные интересы, международное влияние, международное гуманитарное сотрудничество; гуманитарная помощь, мягкая сила, культурная дипломатия, публичная дипломатия.

On the need to develop a Concept of international humanitarian activities of the Russian Federation for the period up to 2030

© Shamarov P.V.,
Candidate of Military Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of the Military Academy of the Ministry of Defense of the Russian Federation

Abstract. The article, based on the content analysis of domestic political and legal documents in the field of international humanitarian activity, substantiates and reveals promising approaches to the organization and implementation of such federal practice, taking into account the latest international realities and the current national needs of Russia in the period after the start of a special military operation in Ukraine in the interests of building up world significance and influence of our country, protection of its national interests, increase of international opportunities, rating and image. The political and legal need for the division of federal humanitarian activities into two independent sections is argued: extremely operational, including issues of emergency humanitarian response abroad, and cultural and public - soft power.

Key words: national interests, international influence, international humanitarian cooperation; humanitarian aid, soft power, cultural diplomacy, public diplomacy.

В «эпоху революционных перемен» и «формирования многополярного мира»¹;

---

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Указом Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 г. № 229), п. 7 // Министерство иностранных дел Российской Федерации. Офиц. сайт. URL:

условиях стремительной ломки общепризнанных подходов и принципов, определяющих само существование человечества, решение многих злободневных проблем современности без упора на надеж-

---

https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1860586/ (дата обращения: 01.04.2023).

ное межгосударственное сотрудничество на основе принципа «здорового консерватизма международных отношений»¹ и их последующей прагматичной реализации² представляется достаточно проблематичным.

В число особо актуальных мировых проблем традиционно входит гуманитарная помощь со стороны субъектов международного права, оперативно и добровольно реагирующих на стихийные бедствия, природные катаклизмы и антропогенные катастрофы, с которыми национальное руководство пострадавших стран самостоятельно справиться не может. При этом именно ООН является основным координатором и источником международной нормативной правовой базы в гуманитарной сфере; провайдером экстренной помощи и долгосрочного гуманитарного содействия; катализатором соответствующих усилий национальных правительств и гуманитарных организаций; защитником населения, пострадавшего в результате чрезвычайных ситуаций, разработчиком наднациональных мер по их предотвращению³.

Вместе с тем рост уже в третьем тысячелетии числа, интенсивности и масштабов внутригосударственных и международных конфликтов спровоцировал массовую нелегальную миграцию, чреватую значительным ростом среди пострадавших и перемещенных лиц терроризма, экстремизма, радикализма, опасных инфекционных и вирусных заболеваний⁴.

Все это объективизирует востребованность в реализации одной из целей Устава ООН в «осуществлении международного сотрудничества в разрешении международных проблем ... гуманитарного характера»⁵, значимым акторов которого традиционно является наше государство даже на этапе беспрецедентного в новейшей истории человечества всестороннего противоборства с совокупным Западом⁶.

Наряду с этим представляется, что современной гуманитарной деятельности России свойственно некое смысловое противоречие. Так, с одной стороны, актуальность и востребованность такой федеральной практики в турбулентных, взрывоопасных и кризисных международных условиях неуклонно повышается с учетом потребности в «усилении роли России в мировом гуманитарном пространстве»⁷. А, с другой, отечественный законодатель традиционно не учитывает все объективные возможности гуманитарной сферы по наращиванию международного влияния и значения России, продвижения и защиты за рубежом ее национальных интересов.

С учетом вышесказанного акцент в настоящей статье сделан, во-первых, на необходимость большего учета в отечественной внешней политике «мягкой силы», предполагающей, в том числе, использование практического инструментария международной гуманитарной сферы⁸, а во-вторых, на *эффект симбиоза и*

¹ Выступление В.В.Путина на заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай» 27 октября 2022 г. // Президент России. Официальный сайт. 2022. 27 октября. URL: www.kremlin.ru/events/president/news/69695 (дата обращения: 28.10.2022).

² Концепция внешней политики Российской Федерации (утв. Указом Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 г. № 229), п. 39 (3).

³ Основные сведения об Организации Объединённых Наций: справочник. Нью-Йорк: Департамент общественной информации ООН, 2015. С. 25; 241-243.

⁴ Любимов А.П., Шамаров П.В. Международная гуманитарная деятельность России: геополитическая значимость, доктринальная база и

правовые пробелы // Представительная власть — XXI век. 2021. № 4 (187). С. 4.

⁵ Устав Организации Объединённых Наций, Ст. 1 // Официальный сайт ООН. URL: <https://www.un.org/ru/sections/un-charter/chapter-i/index.html> (дата обращения: 29.03.2023).

⁶ Путин В.В. Послание Президента Федеральному Собранию 21 февраля 2023 г. // Официальный сайт Президента России // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70565> (дата обращения: 21.02.2023 г.); Концепция внешней политики Российской Федерации, п. 13, 59—64.

⁷ Там же, п. 43.

⁸ Харичкин И.К., Шамаров П.В. Гуманитарная деятельность как мягкая геополитическая сила

*синергии международного права, политики и практики в сфере гуманитарной деятельности*¹.

В первую очередь напомним, что наше государство традиционно является важным международным гуманитарным актором с момента образования 15 мая 1867 г. Российского Красного Креста. На современном этапе Россия не только участвует в устранении последствий гуманитарных катастроф и бедствий, оказывает всестороннюю и квалифицированную помощь нуждающимся странам, но и на регулярной основе списывает долги многих стран-членов ООН по их прежним задолженностям и кредитам. К примеру, к настоящему времени Российская Федерация уже списала совокупный национальный долг африканских государств на сумму более чем в 20 млрд. долл. США².

Ключевое содержание российской гуманитарной деятельности закреплено в ряде действующих политико-правовых документов, к числу которых, в первую очередь, относим:

— Федеральный закон от 4 мая 1999 г. № 95-ФЗ «О безвозмездной помощи (содействии) Российской Федерации и внесении изменений и дополнений в отдельные законодательные акты Российской Федерации о налогах и об установлении льгот по платежам в государственные внебюджетные фонды в связи с осуществлением безвозмездной помощи (содействия) Российской Федерации»;

— Указ Президента Российской Федерации от 8 ноября 2011 г. № 1478 «О координирующей роли Министерства иностранных дел Российской Федерации в

проведении единой внешнеполитической линии Российской Федерации»;

— постановление Правительства Российской Федерации от 12 июля 2022 г. № 1239 «Об утверждении Положения об оказании гуманитарной помощи иностранным государствам»;

— Концепцию государственной политики Российской Федерации в сфере содействия международному развитию, утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 20 апреля 2014 г. № 259;

— Стратегию национальной безопасности Российской Федерации, утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400;

— Указ Президента Российской Федерации от 5 сентября 2022 г. № 611 «Об утверждении Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом»;

— Концепцию внешней политики Российской Федерации, утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 г. № 229.

Контент-анализ указанных нормативных актов³ с учетом влияния международной обстановки на реализацию российских национальных интересов, позволил идентифицировать не совсем оптимальное, на наш взгляд, стратегическое целеполагание зарубежного гуманитарного сотрудничества России в условиях ее концептуально-цивилизационного противоборства с Западом⁴ после начала в феврале 2022 г. специальной военной операции (СВО) на Украине.

Так, до принятия новой Концепции внешней политики Российской Федерации от 31 марта 2023 г. ее гуманитарная дея-

современной России // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2021. № 1 (842). С. 35—52.

¹ Любимов А.П., Шамаров П.В. Российская миротворческая и гуманитарная деятельность: международное право, суверенная политика и практика // Представительная власть — XXI век. 2022. № 3 (194). С. 19.

² Мультипортал KM.RU. 2023. 20 марта // URL: <https://www.km.ru/economics/2023/03/20/otnosheniya-rossii-i-stran-afriki/903708-rossiya-spisala-afrikanskim-stranam-do> (дата обращения: 21.03.2023.)

³ Любимов А.П., Шамаров П.В. Международная гуманитарная деятельность России: геополитическая значимость, доктринальная база и правовые пробелы. С. 4—11; Любимов А.П., Шамаров П.В. Российская миротворческая и гуманитарная деятельность: международное право, суверенная политика и практика. С. 17—24.

⁴ Выступление В.В. Путина на заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай» 27 октября 2022 года.

тельность за рубежом традиционно считалась средством «налаживания межцивилизационного диалога, достижения согласия и обеспечения взаимопонимания между народами; гуманизации социальных систем во всем мире; консолидирования проживающих за рубежом соотечественников в целях обеспечения ими своих прав в государствах проживания и содействию в сохранении самобытности российской диаспоры и ее связей с Россией; изучения в мире русского языка»¹.

В этой связи отрадно заметить, что в вышеупомянутой Концепции одним из национальных интересов нашего государства во внешнеполитической сфере закреплена защита прав, свобод и законных интересов российских граждан, а также российских организаций «от иностранных противоправных посягательств»². При этом актуальной внешнеполитической задачей признана «всесторонняя эффективная защита прав, свобод и законных интересов российских граждан и организаций за рубежом, а также развитие связей с соотечественниками, проживающими за рубежом, и оказание им всесторонней поддержки в осуществлении их прав, обеспечении защиты их интересов и сохранении общероссийской культурной идентичности»³.

Вместе с тем идентифицируется традиционное с середины 1990-х годов стремление отечественного законодателя дистанцироваться от непосредственного позиционирования федеральной гуманитарной практики в качестве внешнеполитического инструментария России по достижению целей своей внешней политики, продвижению и защите национальных интересов, повышению международного влияния.

Так, даже в Концепции внешней политики Российской Федерации от 2023 г. международное гуманитарное сотрудничество рассматривается исключительно с

позиции «усиления роли России в мировом гуманитарном пространстве»; «популяризации и защите от дискриминации за рубежом отечественных достижений в сферах культуры, науки, образования и искусства»; «поддержке распространения русского языка и укреплению его позиций в мире»; «содействию в развитии международных связей религиозных организаций, принадлежащих к традиционным для России конфессиям»; «общественной дипломатии», содействию в деполитизации международной спортивной деятельности⁴.

Представляется, что такое гуманитарное позиционирование вступает в некоторый смысловой диссонанс с политико-правовой нормой от 2022 г., закрепляющей зарубежную гуманитарную политику в качестве «неотъемлемой части внешней политики Российской Федерации»⁵.

В этой связи напомним, что внешнеполитическая деятельность императивно и априори нацелена на продвижение и защиту за рубежом российских национальных интересов, которые в настоящее время реализуются в условиях «реваншистской политики» и «волчьих повадок Запада»⁶, навязывания «им «деструктивных неолиберальных идеологических» и «псевдогуманистических установок»⁷. При этом впервые на государственном уровне официально признается, что «большинство государств Европы проводят агрессивную политику в отношении России, направленную на создание угроз безопасности и суверенитету Российской Федерации, получение односторонних экономических преимуществ, подрыв внутривнутриполитической стабильности и размывание традиционных российских духовно-нравственных ценностей, создание

⁴ Там же, п. 43.

⁵ Указ Президента Российской Федерации от 5 сентября 2022 г. № 611 «Об утверждении Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом».

⁶ Путин В.В. Послание Президента Федеральному Собранию 21 февраля 2023 г.

⁷ Концепция внешней политики Российской Федерации, п. 8; 19 (9).

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации (п. в, е, ж, л).

² Там же, п. 15 (4).

³ Там же, п. 17 (13, 14).

препятствий для сотрудничества России с союзниками и партнерами»¹.

С учетом вышеизложенного, предельно актуализируется проблема защиты на мировой сцене национальных интересов России с задействованием всего федерального инструментария, в том числе в рамках международной гуманитарной деятельности за рубежом.

В этой связи предметно остановимся на исследовании одного из последних отечественных правовых актов в международной гуманитарной сфере «Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом» (далее по тексту — Концепция).

В данном документе социально-гуманитарный потенциал России предполагается использовать в различных областях международных отношений и политики (например, культура и наука, образование и спорт, туризм и молодежное движение) исключительно в интересах «ознакомления мировой общественности», «взаимообогащения», «укрепления сотрудничества», «взаимного доверия», «развития человеческого капитала» и пр. При этом только «поддержка и продвижение русского языка» признано «ключевым элементом зарубежной гуманитарной политики России»².

Наряду с этим *национальными интересами* России в зарубежной гуманитарной сфере законодатель определил:

1) защиту традиционных российских духовно-нравственных ценностей;

2) ознакомление мировой общественности с историческим и культурным наследием народа России и его достижениями;

3) взаимообогащение культур народов Российской Федерации и иностранных государств, в том числе повышение доступности российского и мирового культурного достояния;

4) развитие международного гуманитарного сотрудничества на справедливой,

взаимной, открытой и недискриминационной основе³.

В свою очередь, *международными целями* российской гуманитарной политики названы:

1) формирование объективного восприятия России в мире;

2) содействие пониманию исторического пути, роли и места нашей страны в мировой истории и культуре;

3) расширение контактов между людьми⁴.

Шестнадцать последующих *задач гуманитарной политики за рубежом* за исключением подпункта 2 (защита и продвижение традиций и идеалов Русского мира) в содержательной части практически идентичны вышеприведенным гуманитарным целям⁵.

В этой связи, *в первую очередь*, констатируем отсутствие корреляционной увязки как вышеизложенных интересов в зарубежной гуманитарной сфере, так и самих гуманитарных целей с повышением международного значения и влияния России, реализацией ее национальных интересов за вычетом намерений по защите российских традиционных духовно-нравственных ценностей и Русского мира⁶. При этом после исключения из текста Концепции таких идентификаторов-определений как «*российский или русский*», подобная универсально-шаблонная трактовка содержания гуманитарной практики России удовлетворит национальным запросам любого иностранного государства, в том числе из состава русофобско-антироссийского «ядра» НАТО.

Во-вторых, закономерные вопросы вызывает и изложение в Концепции *принципов зарубежной гуманитарной политики России*. Так, общеизвестно, что международным сообществом еще в биполярную эпоху консенсуально признаны следующие основополагающие принципы гуманитарной деятельности: 1) гуман-

¹ Там же, п. 59.

² Концепция гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом, п. 4, 13, 20, 23.

³ Там же, п. 13.

⁴ Там же, п. 14.

⁵ Там же, п. 15.

⁶ Там же, п. 13 (1); 15 (2).

ность; 2) беспристрастность; 3) нейтральность; 4) независимость; 5) добровольность; 6) единство и 7) универсальность¹.

Отсюда возникает закономерный вопрос: что стимулировало разработчиков Концепции предложить законодателю считать принципами гуманитарной политики России за рубежом следующие нормы:

— *«единство системы конституционных ценностей, которые характеризуют Россию как социально ориентированное государство, формирующее условия для всестороннего развития личности, реализации ее творческого потенциала, продвижения традиционных духовно-нравственных ценностей;*

— *партнерство, заключающееся в реализации участниками международного гуманитарного сотрудничества совместных проектов, основанных на объединении ресурсов и координации деятельности в целях повышения эффективности такого сотрудничества;*

— *невмешательство во внутренние дела других государств;*

— *координацию, предусматривающую открытость участников международного гуманитарного сотрудничества и их готовность учитывать интересы иных игроков на мировой арене»².*

Все это (особенно единство системы конституционных ценностей) чрезвычайно важно для построения в Российской Федерации подлинно «социального государства»³, укрепления суверенной государственности⁴ и успешной реализации ее

внешнеполитической деятельности, но, к сожалению, находится за рамками современной международной гуманитарной практики как таковой.

Более того, вызывает непонимание и акцентирование в Концепции «невмешательства во внутренние дела других государств». Создается впечатление, что ее разработчики, с одной стороны, достаточно далеки от учета специфики и модальности современной гуманитарной практики в «поле». А, с другой, демонстрируют свою приверженность к подходу «национальной нейтральности и аполитичности» при реализации внешнеполитической деятельности в условиях «агрессивной политики», «недружественных (а по факту враждебных) действий»; «антироссийского курса» со стороны НАТО, ЕС и Совета Европы. А между тем все эти западные практики там же по тексту признаются нашим Президентом в качестве «угроз безопасности, территориальной целостности, суверенитету, традиционным духовно-нравственным ценностям и социально-экономическому развитию России, ее союзников и партнеров»⁵.

Со своей стороны, не считаем такой «взвешенный» подход авторов Концепции конструктивным, целесообразным и рациональным в условиях кардинально трансформированной (с началом СВО на Украине) глобальной обстановки в мире и ожесточенной всесторонней борьбы США и их геополитических вассалов с Российской Федерацией⁶.

Закономерное недоумение вызывает и размещение гуманитарных принципов в тексте Концепции после одноименных интересов, целей и задач. Представляется, что первые не только являются основополагающими или фундаментальными идеями и правилами, следование которым гарантирует наилучшее достижение целей и задач Концепции (т.е. по сути своей они

государственности в условиях специальной военной операции России на Украине // Военное право. 2023. № 1 (77). С. 64—72.

⁵ Концепция внешней политики Российской Федерации, п. 59.

⁶ Там же, п. 13.

¹ основополагающие принципы // Российский Красный Крест. Официальный сайт. URL: https://www.redcross.ru/about/international_movements/principles/ (дата обращения 25.03.2023).

² Концепция гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом, п. 16.

³ Путин В.В. Выступление на заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай» 27 окт. 2022 г.

⁴ Шамаров В.М., Шамаров П.В. О функции обороны страны и ее новейшей трансформации в функцию суверенной государственности // Военное право. 2022. № 5 (75). С. 95—97; Шамаров В.М., Шамаров П.В. Суверенная государственность как особый вид

первичны по отношению к последним), так и по сущностному содержанию более свойственны историческому периоду до начала СВО на Украине, нежели после.

Поясним нашу точку зрения следующим образом:

— изложенная в Концепции трактовка «национальных интересов Российской Федерации в гуманитарной сфере за рубежом» не только не содержательна и мало актуальна, но и не соответствует термину «национальные интересы Российской Федерации», закрепленные в Стратегии национальной безопасности и определенные как «объективно значимые потребности личности, общества и государства в безопасности и устойчивом развитии»¹;

— национальными интересами априори не могут считаться всевозможные «ознакомления» и «взаимообогащения» других стран и народов, в том числе изложенные во втором и третьем подпунктах п. 13 Концепции, поскольку национальные интересы — это исключительное право или прерогатива одного суверенного актора, в нашем случае, Российской Федерации. Отсюда напомним, что собственно с учетом *долгосрочных тенденций* развития внутригосударственной и международной обстановки *национальными интересами* Российской Федерации на современном этапе считаются:

1) сбережение народа России, развитие человеческого потенциала, повышение качества жизни и благосостояния граждан;

2) защита конституционного строя, суверенитета, независимости, государственной и территориальной целостности Российской Федерации, укрепление обороны страны;

3) поддержание гражданского мира и согласия в стране, укрепление законности, искоренение коррупции, защита граждан и всех форм собственности от противо-

правных посягательств, развитие механизмов взаимодействия государства и гражданского общества;

4) развитие безопасного информационного пространства, защита российского общества от деструктивного информационно-психологического воздействия;

5) устойчивое развитие российской экономики на новой технологической основе;

6) охрана окружающей среды, сохранение природных ресурсов и рациональное природопользование, адаптация к изменениям климата;

7) укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей, сохранение культурного и исторического наследия народа России;

8) поддержание стратегической стабильности, укрепление мира и безопасности, правовых основ международных отношений².

Таким образом, резюмируем несоответствие национальных интересов России в редакции ее *долгосрочной* Стратегии национальной безопасности 2021 г. и более современной Концепции гуманитарной политики за рубежом 2022 г., срок действия которой не определен, но, по оценке, существенно меньше (в пределах 5—6 лет), чем у первого доктринального документа. При этом заметим, что даже полный гипотетический провал в реализации «развития международного гуманитарного сотрудничества на справедливой, взаимной, открытой и недискриминационной основе»³ не окажет серьезного влияния на «безопасность и устойчивое развитие»⁴ современной России.

Между тем примерами действительно актуальных и злободневных для отечественных национальных интересов в зарубежной гуманитарной сфере могут, по нашему мнению, считаться:

² Там же, п. 25.

³ Концепция гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом, п. 13 (4).

⁴ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, п. 5 (2).

¹ Пункт 5 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400.

— содействие в прекращении процесса дерусификации на территории ряда зарубежных стран, в том числе постсоветских;

— гуманитарное противодействие инспирированию в рамках СНГ дезинтеграционных, русофобских и антироссийских процессов¹;

— защита не только традиционных духовно-нравственных ценностей России, но и ее граждан, диаспор и соотечественников, проживающих за рубежом, подвергающихся дискриминации и открытому противозаконному (с позиции норм общепринятого международного права) преследованию², в том числе родственным геноциду и этноциду.

В целом, декларируемые с конца прошлого столетия отечественным законодателем такие традиционные гуманитарные постулаты, как «сохранение многовековых духовных связей», «укрепление исторически сложившихся позиций русского языка»³ и т.д., уже не являются достаточно эффективным отечественным внешнеполитическим ресурсом по нивелированию за рубежом вышеуказанных деструктивных процессов даже в рамках СНГ.

В-третьих, в ходе анализа текста Концепции вычленяется склонность к недооценке значимости полевой гуманитарной практики, которая де-юре подменяется различными де-факто мало результативными, но комфортно-удобными мероприятиями для официальной отчетности, статистики и делопроизводства. В частности, к ним традиционно причислены: празднования дней культуры, юбилейных и памятных дат; научные форумы, семинары, конференции и симпозиумы; творческие поездки, контакты и обмен опытом; журналистские и культурные обмены, кинофестивали и книжные ярмарки⁴.

Вместе с тем все их многообразие не имеет непосредственного отношения как к проактивной (высоко результативной и эффективно наращивающей международное влияние и значение России) гуманитарной деятельности за рубежом, так и гуманитарной помощи, предоставляемой российским государством пострадавшим странам.

Одновременно заметим, что заявленная в Концепции поддержка зарубежных соотечественников «в осуществлении их прав, обеспечении защиты их интересов и сохранении общероссийской культурной идентичности»⁵ носит, по нашей оценке, скорее декларативно-пропагандистский, чем конкретно-прикладной характер, поскольку не идентифицирует модальности такой отечественной практики даже на территории соседних, в том числе постсоветских стран. При этом не учитывается и то объективное обстоятельство, что де-юре закрепленная, но де-факто не реализованная правовая норма может нести в своем содержании несравнимо большую социальную опасность, чем полное отсутствие на бумаге такого политико-правового положения.

К примеру, на момент утверждения Концепции в сентябре 2022 г. уже было известно, что в ряде бывших республик СССР (в том числе членах СНГ и ОДКБ) не только торпедирован процесс придания русскому языку статуса второго государственного, но и активно запущена латентная дерусификация их территорий. Последняя процедура предполагает как официальный переход с кириллицы, к примеру, на латиницу и практику пресловутых «национальных языковых патрулей», так и фактически полное игнорирование легитимных интересов русских бизнесменов и участников боевых действий на Донбассе на стороне в то время еще непризнанных народных республик, проведение жесткой внутренней политики в отношении про-

¹ Там же, п. 17.

² Там же, п. 19.

³ Концепция гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом, п. 83.

⁴ Там же, п. 33, 43, 71, 93.

⁵ Там же, п. 62.

российски ориентированных и прорусски настроенных местных жителей¹.

В-четвертых, Концепция пренебрегает потенциалом и ресурсами российских общественности, частного сектора и бизнес-сообщества. Иными словами, даже теоретически не допускается возможность проактивного задействования в национальных интересах России гуманитарных возможностей ее негосударственного сектора, например, частных коммерческих структур, патриотично настроенных представителей-меценатов экономической элиты, а также различных гуманитарных, волонтерских, благотворительных и иных неправительственных организаций. Не предусмотрены и меры стимулирования и поощрения негосударственной зарубежной гуманитарной практики, предполагающие, в том числе официальное признание государством таких гуманитарных заслуг на благо России.

В-пятых, Концепции свойственна, по нашему мнению, излишняя как теоретико-философская академичность, оперирующая с рядом нераскрытых в ее тексте понятий («человеческий капитал»² «культурные коды»³, «инструменты дипломатии наследия»⁴), так и сущностной дефицит конкретно сформулированных гуманитарных подходов, не позиционирующих такую практику в качестве геополитической возможности по наращиванию международного влияния и значения России.

В целом, приходится констатировать, что, несмотря на утверждение Концепции спустя более полугода после начала СВО на Украине, ее содержание мало в чем изменилось по сравнению с периодом «партнерски-конструктивных взаимоотношений» с Западом и публикацией первых отечественных внешнеполитических

документов, так или иначе поддерживающих пресловутые «общечеловеческие» ценности», в настоящее время трансформировавшихся в «псевдогуманистические и иные неолиберальные идеологические установки»⁵ и подходы трансатлантического сообщества. При этом содержание Концепции во многом повторило прежние теоретико-альтруистские и либерально-демократические «человеколюбивые новеллы» западноевропейской политико-правовой традиции⁶, закрепленные в федеральных документах еще в период относительно благоприятной международной обстановки без прямой геополитической конфронтации России с совокупным Западом.

Все это аргументирует вывод о существенном влиянии на Концепцию общечеловеческих, мало содержательных, не реалистичных и либеральных взглядов. Причем последние не только агрессивно насаждаются США и НАТО (эгоистические интересы которых превалируют над понятием всеобщего блага⁷), но и в принципе не способны в условиях глобального цивилизационного противоборства⁸ проактивно-эффективно служить интересам укрепления суверенной государственности и национальной безопасности Российской Федерации.

В общей сложности, во всех вышеприведенных нормативных документах вычленяются как определенный смысловой диссонанс, так и сущностная подмена основного содержания гуманитарной практики скрупулезным перечислением двуединого блока задач в сферах:

— *отечественной культурной дипломатии*, предполагающей систему мер гос-

¹ Шамаров П.В. Миротворческая операция ОДКБ в Казахстане: первые итоги, уроки и выводы // Представительная власть — XXI век. 2022. № 5—6 (196—197). С. 22—35.

² Концепция гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом, п. 4.

³ Там же, п. 17 (1).

⁴ Там же, п. 67.

⁵ Концепция внешней политики Российской Федерации, п. 19 (9).

⁶ Любимов А.П., Шамаров П.В. Российская миротворческая и гуманитарная деятельность: международное право, суверенная политика и практика. С. 20.

⁷ Путин В.В. Выступление на заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай» 27 окт. 2022 г.

⁸ Путин В.В. Послание Президента Федеральному Собранию 21 февраля 2023 г.

ударственных и неправительственных структур по укреплению социально-культурного сотрудничества и международного взаимопонимания посредством обмена идеями, мнениями, информацией, произведениями искусства, культурным фондом и достоянием подобного рода;

— *отечественной публичной дипломатии* — официальное и неформальное информационное воздействие на общественное мнение иностранного населения в интересах достижения внешнеполитических целей России¹. Причем в отечественной Концепции внешней политики 2023 г. она названа «общественной дипломатией»².

Одновременно напомним, что именно интеграция суверенным актором этих двух национальных механизмов в рамках своей внешнеполитической практики и составляет базис *мягкой силы* современного влиятельного государства³.

Без сомнения, и культурная дипломатия, и публичная (общественная) дипломатия чрезвычайно важны для современной России, оказавшейся де-факто практически во враждебном окружении недружественных стран евроатлантической ориентации и их геополитических союзников. Однако обе они имеют мало общего как с практическими гуманитарными мероприятиями (нивелирующими последствия природных, техногенных, рукотворных катастроф и бедствий, спровоцированных, в том числе террористическими актами, внутренними этнополитическими и межгосударственными конфликтами), так и реальным восполнением в мире «дефицита гуманизма ... в отношениях на

межгосударственном, официальном уровне»⁴.

Отсюда постулируется законодательная целесообразность концептуально-логического разделения международной гуманитарной деятельности (изложенной в отечественной гуманитарной Концепции) на два тематических блока (раздела). Первый (чрезвычайно-оперативный) мог бы концептуализировать перспективную федеральную политику, практические мероприятия, сценарии, варианты, форматы и условия межгосударственного взаимодействия в сфере *чрезвычайного гуманитарного реагирования* на кризисные ситуации и бедствия за рубежом. Второй (культурно-публичный) — внешнеполитические инструменты, механизмы и возможности *мягкой силы* (культурной и публичной дипломатии) Российской Федерации, частично уже изложенные в ее Концепции гуманитарной политики от 2022 г.

В то же время полагаем, что наращивание положительного влияния отечественной гуманитарной практики на иностранное население и мировое общественное мнение особенно востребовано в условиях прямого геополитического противостояния России с Западом и его «идейными» зарубежными последователями. Победа в таком противостоянии требует проактивного мышления, заключающегося не в формулировании и осуществлении удобно-привычных, но, как правило, шаблонных и мало результативных проектов (свойственных периоду неолиберального засилья, более 30 лет безрезультатно продвигающего различные гуманитарные «популяризации», «усиления», «повышения», «поощрения» и пр.⁵), а принципиально новых, креативных и высокоэффективных подходов, реализация которых обеспечит:

¹ Любимов А.П., Шамаров П.В. Международная гуманитарная деятельность России: геополитическая значимость, доктринальная база и правовые пробелы. С. 8—9.

² Концепция внешней политики Российской Федерации, п. 43 (3).

³ Nye J.S. Public Diplomacy and Soft Power // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. – 2008. – Vol. 616. P. 101-102.

⁴ Путин В.В. 75 Выступление на пленарном заседании юбилейной 75-й сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединённых Наций 22 сентября 2020 г. // Российская газета. 2020. 22 сентября.

⁵ Концепция гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом», п. 15

— объективное восприятие Российской Федерации в мире, увеличение ее национального присутствия и влияния в ООН, ОБСЕ, других значимых и авторитетных наднациональных организациях, росту благоприятного отношения к нашему государству за рубежом;

— формированию надежного заслона для распространения в мире русофобской и антироссийской клеветы, риторики и пропаганды;

— легально-легитимному продвижению за рубежом национальных интересов России с возможностью их продвижения и защиты;

— расширению национального присутствия в чувствительных для России проблемных государствах на легитимных основаниях, когда все другие причины для такого пребывания полностью исключены.

Все это объективирует императив восприятия международной гуманитарной деятельности в ипостаси внешнеполитического инструментария по законному присутствию России в нужных ей странах и регионах, продвижению за рубежом собственных национальных интересов, и только затем – в качестве международной помощи другим странам в рамках реализации Устава ООН¹. Полагаем, что наша политико-правовая интерпретация, с одной стороны:

— не противоречит общепризнанным международным гуманитарным принципам;

— не политизирует гуманитарную сферу;

— не является вмешательством во внутригосударственные дела;

— не использует гуманитарную деятельность в качестве инструмента давления на суверенное государство или его отдельных граждан. При этом подчеркнем, что именно такой подход традиционно присущ США и ведущим западным странам, склонным предоставлять т.н. «бартерную гуманитарную помощь» в

обмен на лояльность и сотрудничество нуждающегося иностранного населения².

А, с другой:

— повышает международные имидж, влияние и значение России³;

— материализует внешнеполитические задачи России в кризисной международной среде;

— является гибким и адаптивным федеральным инструментом по поддержке союзников и партнеров;

— защищает права и свободы иностранных меньшинств, этнических русских и русскоязычных диаспор, в первую очередь на постсоветском пространстве;

— легитимирует и легализует официальное пребывание России за рубежом без императивного апеллирования к национальному суверенитету стран-реципиентов. Данная возможность объективирована решением Международного суда ООН от 27 июня 1986 г., постановившего, «что предоставление сугубо гуманитарной помощи лицам или силам в другой стране, независимо от их политической принадлежности или целей, не может считаться незаконным вмешательством или каким-либо иным действием, противоречащим международному праву»⁴.

Отсюда гуманитарную помощь правомочно оценивать, во-первых, в качестве эффективного геополитического ресурса по легитимно-конструктивному влиянию на внутреннюю обстановку за рубежом (в ходе ликвидации последствий стихийных и антропогенных бедствий, постконфликтного восстановления и миростроительства, помощи беженцам и переме-

² Рана Р. Современные проблемы отношений между гражданскими организациями и военными: взаимодополняемость или несовместимость? // Международный журнал Красного Креста. 2004. Март-сентябрь. С. 135—168; 138—146; 152—153.

³ Шамаров П.В. Проблема повышения миротворческого имиджа России: актуальность, сущность и значение // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2020. № 4 (841). С. 133—149.

⁴ Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (Nicaragua v. United States of America). Merits, Judgment. I.C.J. Reports, 1986. P.115.

¹ Устав Организации Объединенных Наций, Преамбула, ст. 1 (3).

щенным лицам); а, во-вторых, без императивной привязки к принципу национального суверенитета. Данному толкованию способствует и отсутствие в ООН универсального определения «международная гуманитарная деятельность (помощь)», вариант авторской дефиниции которой, тем не менее, был предложен в результате обобщения сложившейся международной гуманитарной практики¹.

В сравнении с нашими геополитическими оппонентами, которые традиционно используют гуманитарную деятельность для реализации собственных национальных интересов, содержанию российской гуманитарной практики за рубежом излишне присущи определенные популизм, иллюзорность и даже утопичность. К примеру, основными гуманитарными задачами зачастую считались: «защита универсальных демократических ценностей»; «гуманизация социальных систем во всем мире»; «налаживание межцивилизационного диалога»².

Вместе с тем полагаем, что гуманитарная деятельность — это не только благотворительность и безвозмездность; поддержка и продвижение за рубежом русского языка, российской культуры, науки и образования; международное сотрудничество в области физической культуры, спорта и туризма; сохранение исторического и культурного наследия³; и даже не количество откомандированных за рубеж специалистов и масштабы гуманитарных грузов, сколько федеральный ресурс по наращиванию международного влияния России, защите ее национальных интересов, прикладной (а не сугубо духовно-культурной и другой нематериально-эфемерной) заботе о своих зарубежных диаспорах, союзниках и партнерах.

¹ Харичкин И.К., Шамаров П.В. Гуманитарная деятельность как мягкая геополитическая сила современной России. С. 42.

² Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 605 «О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации», п. 2 (а); 4, п. 45 (а, в, м, л).

³ Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом, п. 22—55, 65-69.

Отсюда объективируется необходимость в адаптации хоть и свёрстанной в 2022 г., но уже морально устаревшей Концепции к новым геополитическим реалиям и кризисной международной обстановке после признания государственного суверенитета ДНР и ЛНР⁴ и начала СВО на Украине.

Таким образом, начало СВО на Украине предельно актуализирует потребность России в надежной защите своих национальных интересов, гарантировании ее суверенитета, независимости и территориальной целостности. Все это постулирует, с одной стороны, национальный отказ от утопических и малосодержательных «общечеловеческих» прокламаций и лозунгов, адаптацию гуманитарного контента под углом потребностей национальных интересов и безопасности России. А, с другой, разработку и принятие на федеральном уровне **Концепции международной гуманитарной деятельности Российской Федерации на период до 2030 года**, содержание которой будет позиционировать ее гуманитарную практику в качестве государственного ресурса по реализации:

— гуманитарных возможностей негосударственного сектора России (национально и патриотично ориентированные частные бизнес структуры и представители внешнеэкономической элиты; гуманитарные, волонтерские, благотворительные и другие неправительственные организации);

— представительного российского участия в гуманитарных фондах, программах и операциях ООН;

— гуманитарных проектов в рамках сотрудничества с другими влиятельными наднациональными организациями и на двухсторонней межгосударственной основе с использованием ресурсов активной

⁴ Шамаров П.В. Международно-правовые последствия подписания Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Российской Федерацией и Донецкой Народной Республикой // Вестник Дипломатической академии МИД России. Международное право. 2022. №1 (16). С. 6—9.

российской общественности, прогрессивного частного бизнеса и сектора;

— международных гуманитарных операций в моноакторном режиме, что обеспечит действенную поддержку российским диаспорам и пророссийски настроенным группам иностранного населения, формирование среди них сторонников демократической России¹.

— гуманитарной деятельности не с ракурса звучных, но, в целом, бесплодных (с точки зрения воплощения национальных интересов) наукообразных теоретических проектов типа «совокупности позитивных общепонятных культурных кодов, ассоциирующихся с Россией у международного сообщества»², а оценка такой международной практики под углом стратегической инвестиции России в лояльность иностранного населения, повышения международного влияния, защиты собственных приоритетов.

В целом, объективируется потребность в законодательном закреплении на федеральном уровне ряда политико-правовых новелл, предполагающих следующие меры:

— политико-правовая концептуализация (на основе симбиоза норм международного права и благоприятной для реализации национальных интересов России мировой прецедентной практики, в том числе трансатлантической) сущностного содержания отечественной гуманитарной практики и ее нормативное закрепление с позиции наращивания международного влияния страны, продвижения и защиты за рубежом ее национальных интересов;

— адаптация отечественных концептуально-доктринальных документов с позиции позиционирования гуманитарной деятельности России в качестве ее «мягкой силы» по результативному отстаиванию и защите на мировой сцене как идей

русских мира, цивилизации, культуры, сообщества, идентичности, языка и культуры, так и зарубежных интересов и прав российских граждан, соотечественников, русскоговорящих диаспор и пророссийски настроенных иностранцев;

— системное наращивание в гуманитарных структурах ООН и других наднациональных организациях должностного уровня и численности российских представителей;

— разработка конкретных, реализуемых и результативных (с точки зрения продвижения национальных интересов, повышения международного влияния, значения и имиджа России) гуманитарных мероприятий, проектов и программ;

— реализация в моноакторном режиме гуманитарных мероприятий по поддержке национальных диаспор; точечных акций и операций в интересах пророссийски настроенных иностранцев, целевого формирования среди них новых приверженцев современной России;

— создание системы и механизмов государственного стимулирования и поощрения отечественных акторов, меценатов и доноров, в том числе неправительственной сферы;

Представляется, что сформулированные в статье подходы и рекомендации могут быть учтены в новом доктринальном документе — **«Концепции международной гуманитарной деятельности (политики и практики) Российской Федерации на период до 2030 года»**.

Адаптация текста последней к турбулентной международной обстановке и актуальным национальным потребностям России будет способствовать наращиванию ее международного значения и влияния, защите национальных интересов и безопасности, повышению в мире собственных гуманитарных возможностей, рейтинга и имиджа. При этом с учетом многоаспектного контента гуманитарной политики и практики, содержание такой Концепции целесообразно подразделить на два самостоятельных раздела. Первый (чрезвычайно-оперативный) блок мог бы раскрывать федеральную политику, пер-

¹ Шамаров П.В. Концептуализация миротворчества России как объективное требование сложной международной обстановки // Проблемы национальной стратегии. 2022. № 2. (71). С. 27—28.

² Концепция гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом, п. 17 (1).

спективные мероприятия, сценарии, варианты, форматы и условия межгосударственного практического взаимодействия России в сфере чрезвычайного гуманитарного реагирования на кризисные ситуации за рубежом. Второй (культурно-публичный) — внешнеполитические инструменты, механизмы и возможности мягкой силы (культурной и публичной дипломатии) Российской Федерации.

Библиография

1. Любимов, А.П. Международная гуманитарная деятельность России: геополитическая значимость, доктринальная база и правовые пробелы / А.П. Любимов, П.В. Шамаров // Представительная власть — XXI век. — 2021. — № 4 (187). — С. 4—11.
2. Любимов, А.П. Российская миротворческая и гуманитарная деятельность: международное право, суверенная политика и практика / А.П. Любимов, П.В. Шамаров // Представительная власть — XXI век. — 2022. — № 3 (194). — С. 17—24.
3. Рана, Р. Современные проблемы отношений между гражданскими организациями и военными: взаимодополняемость или несовместимость? / Р. Рана // Международный журнал Красного Креста. — 2004. Март-сентябрь. — С. 135—168.
4. Харичкин, И.К. Гуманитарная деятельность как мягкая геополитическая сила современной России / И.К. Харичкин, П.В. Шамаров // Вестник Московского государственного лингвистического университета. — 2021. — № 1 (842). — С. 35—52.
5. Шамаров, В.М. О функции обороны страны и ее новейшей трансформации в функцию суверенной государственности / В.М. Шамаров, П.В. Шамаров // Военное право. — 2022. — № 5 (75). — С. 95—97.
6. Шамаров, В.М. Суверенная государственность как особый вид государственности в условиях специальной военной операции России на Украине / В.М. Шамаров, П.В. Шамаров // Военное право. — 2023. — № 1 (77). — С. 64—72.
7. Шамаров, П.В. Концептуализация миротворчества России как объективное требование сложной международной обстановки / П.В. Шамаров // Проблемы национальной стратегии. — 2022. — № 2. (71). — С. 14—34.
8. Шамаров, П.В. Международно-правовые последствия подписания Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Российской Федерацией и Донецкой Народной Республикой / П.В. Шамаров // Вестник Дипломатической академии МИД России. Международное право. — 2022. — № 1 (16). — С. 6—25.
9. Шамаров, П.В. Миротворческая операция ОДКБ в Казахстане: первые итоги, уроки и выводы / П.В. Шамаров // Представительная власть — XXI век. — 2022. — № 5—6 (196—197). — С. 22—35.
10. Шамаров, П.В. Проблема повышения миротворческого имиджа России: актуальность, сущность и значение / П.В. Шамаров // Вестник Московского государственного лингвистического университета. — 2020. — № 4 (841). — С. 133—149.
11. Nye J.S. Public Diplomacy and Soft Power / J.S. Nye // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. — 2008. — Vol. 616. P. 94—109.
12. Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (Nicaragua v. United States of America). Merits, Judgment. I.C.J. Reports, 1986. P.115. — 140 p.

Рецензии на военно-правовые издания

Актуальные направления развития отечественных правовых идей: заметки на полях монографии «Идея добра в творчестве Ф.М. Достоевского и её влияние на развитие философии права (к 200-летию Ф.М. Достоевского)»

© Землин Александр Игоревич, доктор юридических наук, кандидат философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор ФГКВОУ ВО «Военный университет имени Князя Александра Невского» Минобороны России

© Багреева Елена Геннадьевна, доктор юридических наук, кандидат педагогических наук, профессор Департамента международного и публичного права юридического факультета ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

© Бальчугов Сергей Георгиевич, кандидат педагогических наук, заместитель начальника кафедры теории и истории государства и права ФГКВОУ ВО «Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации»

Аннотация. В работе осуществляется теоретическое осмысление и практическое рецензирование второго издания монографии «Идея добра в творчестве Ф.М. Достоевского и её влияние на развитие философии права (к 200-летию Ф.М. Достоевского)», опубликованной в 2023 г. Книга оценивается как глубокое, многослойное и современное исследование философских, теоретико-правовых, ценностно-смысловых и социально-психологических идей писателя. Авторами монографии (А.И. Баstryкин, Р.Ф. Исмагилов, В.П. Сальников) закладываются новые тенденции в познании структуры и содержания уже устоявшихся и принимаемых в обществе правовых норм с точки зрения их ценностно-смысловой определенности на основе субъектно-биографического подхода. Полезна к изучению монография обучаемым по специальности «Правовое обеспечение национальной безопасности», аспирантам (адъюнктам) и соискателям, ведущим военно-правовые исследования в области философско-методологических проблем военного права, а также научным работникам и профессорско-преподавательскому составу.

Ключевые слова: правовая политика; структура права; концептуальные положения; системность; традиция; теоретическое познание; торжество справедливости; гуманизм.

Actual directions of development of domestic legal ideas: Notes on the margins of the monograph «The idea of goodness in creativity F.M. Dostoevsky and its influence on the development of the philosophy of law (to the 200th anniversary of F.M. Dostoevsky)»

© **Zemlin A.I.**,

Doctor of Law, Candidate of Philosophical Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Professor of the Federal State Military Educational Institution of Higher Education «Military University named after Prince Alexander Nevsky» of the Ministry of Defense of Russia

© **Bagreeva E.G.**,

Doctor of Law, Candidate of Pedagogical Sciences, Professor of the Department of International and Public Law of the Faculty of Law of the Financial University under the Government of the Russian Federation

© **Balchugov S.G.**,

Candidate of Pedagogical Sciences, Deputy Head of the Department of Theory and History of State and Law of the Federal State Military Educational Institution of Higher Education «Novosibirsk Military Order of Zhukov Institute named after General of the Army I.K. Yakovlev of the National Guard Troops of the Russian Federation»

Annotation. The paper provides a theoretical understanding and practical review of the second edition of the monograph «The idea of goodness in the works of F.M. Dostoevsky and its influence on the development of the philosophy of law (to the 200th anniversary of F.M. Dostoevsky)», published in 2023. The book is assessed as a deep, multi-layered and modern study of the philosophical, theoretical-legal, value-semantic and socio-psychological ideas of the writer. The authors of the monograph (A.I. Bastrykin, R.F. Ismagilov, V.P. Salnikov) lay down new trends in the knowledge of the structure and content of legal norms already established and accepted in society from the point of view of their value-semantic certainty based on the subject-biographical approach. The monograph is useful for studying by students in the specialty «Legal support of national security», graduate students (adjunct students) and applicants conducting military legal research in the field of philosophical and methodological problems of military law, as well as researchers and teaching staff.

Keywords: legal policy; structure of law; conceptual provisions; consistency; tradition; theoretical knowledge; triumph of justice; humanism.

В развитии современного отечественного права особое значение имеют две тенденции, которые сегодня фиксируются и в теоретическом, и в практическом аспекте. К первой относится опора на исторический опыт, разработки ведущих отечественных мыслителей, трансляцию их идей в развитии российских правовых школ. Вторая проявляется в соотношении исторического опыта осмысления правотворчества и правоприменения с современной социокультурной ситуацией, поиске точек научной опоры в положительном опыте предыдущих поколений для преодоления кризиса современного миропорядка

и отмирания сложившейся системы международного правопорядка.

Проявление кардинального влияния на функционирование социальной практики новых вызовов и угроз делает актуальным вопросы обеспечения интеллектуальной и правовой безопасности России, защиты ее самобытности, национальных интересов, эффективного социального обеспечения и справедливого правосудия. В научной литературе это получило широкое обсуждение и теоретическое обоснование¹.

---

¹ Дамаскин, О.В., Холиков, И.В. Актуальные вопросы правового обеспечения сил и средств обороны и безопасности России в условиях современных военных конфликтов // Вестник

Особую ориентирующую роль в процессах преодоления неэффективного правоприменения и устранения влияния негативных мировых факторов на развитие отечественной системы права выполняют методологические и теоретические конструкции, содержащиеся в трудах выдающихся мыслителей страны. В этом аспекте анализ и критическое осмысление публикуемых изданий есть важный этап научной фиксации социальной значимости любых научных работ. Примеры таких публикаций наблюдались в последнее время¹, ввиду чего настоящая рецензия подготовлена в развитие подобного подхода к независимой оценке публикуемых книг.

В ряду выдающихся отечественных мыслителей особое место занимает фигура Федора Михайловича Достоевского, сумевшего в своем творчестве раскрыть сопряжение правовых, нравственных, эмоционально-волевых и когнитивных компонентов в их движении поступательно с общественным развитием.

Для продолжения комплексного обобщения содержания и смысла идей Ф.М. Достоевского и их реального использования очень важно, чтобы появлялись научные работы, в которых комплексно

осмыслялась его жизнь и творчество. Книга «Идея добра в творчестве Ф.М. Достоевского и ее влияние на развитие философии права (к 200-летию Ф.М. Достоевского)»², опубликованная под эгидой Следственного комитета Российской Федерации, написана авторами, которые своими работами широко известны юридическому сообществу.

Монография логично разделена на вступительное слово и предисловие, четыре части, включающие в себя 11 глав, заключение, приложения и библиографию. Предваряет основное содержание работы оригинальное вступительное слово к книге, затем в предисловии иллюстрируется общая характеристика издания. Само содержание выстроено с применением дедуктивного метода и диалектического подхода, где движение познания явлений идет от общего к частному, в их культурно-исторической обусловленности и взаимодействии. В монографии раскрываются становление великого мыслителя, вопросы влияния и интеграции его творчества в культурные практики России и за рубежом, анализируются и синтезируются ключевые концепты, характерные для понимания Ф.М. Достоевским русской души, личности, социального равенства, права и справедливости.

Книга имеет значение для современного развития философской, юридической, психологической, исторической, филологической и других наук. Полезно ее изучение будет и лицам, осуществляющим правотворческую и нормотворческую деятельность на различном уровне, практическим работникам в области применения права (судьям, прокурорам, адвокатам, государственным служащим). Для научных работников и профессорско-преподавательского состава, занятого изучением и преподаванием философии права, монография может стать ориентиром и примером концептуализации идей наибо-

Академии военных наук. 2018. № 4 (65). С. 121—128; Землин, А.И. Актуальные вопросы военной деятельности государства: правовое измерение // Военное право. 2022. № 6 (76). С. 233—237; Сальников В.П., Большакова В.М., Захарцев С.И. Институализация военного права как отрасли права в постнеклассической научной рациональности (рецензия на монографию «Военное право в 3-х томах. М.: Центр правовых коммуникаций», 2022) // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2023. № 1. С. 251—261.

¹ Гайдамашко И.В., Наумов П.Ю., Дьячков А.А. Потенциал монографии «Военное право» в обучении будущего военного юриста и развитии его личности // Государство и право. 2023. № 5. С. 68—79; Захарцев С.И., Коваленко В.И., Старовойтова О.Э. Ф.М. Достоевский как философ права. Рецензия-размышление по поводу монографии: А.И. Бастрыкин, Р.Ф. Исмагилов, В.П. Сальников «Идея добра в творчестве Ф.М. Достоевского и ее влияние на развитие философии права» // Образование и право. 2022. № 10. С. 363—370; Холиков И.В. История и теория военного права: первое фундаментальное исследование // Военное право. 2021. № 5 (69). С. 222—228.

² Бастрыкин, А.И., Исмагилов, Р.Ф., Сальников, В.П. Идея добра в творчестве Ф.М. Достоевского и ее влияние на развитие философии права (к 200-летию Ф.М. Достоевского) / Вступительное слово А. Александрова. Изд. 2-е, испр., доп. СПб.: Фонд «Университет», 2023.

лее ярких представителей российской школы философии права.

В эпоху вторжения цифровых и информационных технологий во все сферы общественной и личной жизни деятельность государственных органов и бытие любых форм человеческой кооперации обращение к традиционным формам интеллектуальной деятельности, общения, накопления и передачи содержательно важной информации укрепляет связь поколений и формирует стержневые опоры национального сознания. В этом смысле рецензируемая монография — отличный и наглядный пример актуального рассмотрения вклада определенной исторической фигуры в системное развитие права, государства и общественных институтов.

Ввиду того, что сегодня весьма популярным становится познание ценностных оснований права, смысловых образований в структуре правовых норм и аксиологического подхода, адаптированного для внедрения в правовую науку, рецензируемая монография является одним из фундаментальных оснований развития и совершенствования применения такого подхода, имеющего особое значение для формирования общественно правосознания, правовой культуры личности гражданина, военнослужащего. Это не означает, что в монографии не применялись иные принципы современного научного познания — напротив, широко и весьма эффективно в книге использованы системный, деятельностный, субъектный, биографический, сравнительно-правовой и иные принципы, характерные для современного этапа развития правовой науки в целом и военного права в частности¹.

Монография представляет собой простое к восприятию, но сложное по совокупности положений издание, обобщающее в себе громадный объем философских и правовых идей Федора Михайловича Достоевского, в их развитии и современном

преломлении. Особую ценность представляет то, что в рецензируемой книге творчество выдающегося отечественного писателя исследуется в контексте не только содержания его идей, но и социальной обусловленности, внутренних переживаний и преследовавших на протяжении всей жизни Ф.М. Достоевского проблем оценки справедливости российской реальности.

Подобный аспект рассмотрения справедливости традиционен для российской системы распределения благ, функционирования социальных лифтов и равенства всех перед органами государства и правосудия. В книге указанные проблемы получают свою концептуализацию и собственное разрешение.

Книга «Идея добра в творчестве Ф.М. Достоевского и её влияние на развитие философии права (к 200-летию Ф.М. Достоевского)», с одной стороны, продолжает традиционные для отечественной правовой школы исторические, правовые и философские изыскания. С другой стороны, авторами закладываются новые тенденции в познание структуры и содержания уже устоявшихся и принимаемых в обществе правовых норм с точки зрения их ценностно-смысловой определенности на основе субъектно-биографического подхода. Обобщение подобного подхода в трудах авторов монографии наблюдалось и ранее (что явилось предпосылкой и основанием ее появления), однако в столь целостном и концептуальном виде он предстал именно на страницах второго издания монографии, доработанном и дополненном.

Подготовка будущих специалистов по юридическим специальностям требует широкого изучения литературных источников, формирования интеллектуальных и ценностных основ личности профессионала. Особенно монография будет полезна обучаемым по специальности «Правовое обеспечение национальной безопасности», а также аспирантам (адъюнктам) и соискателям, ведущим военно-правовые исследования в области философско-методологических проблем военного права, поскольку в ней представлены результаты осмысления правовых функций госу-

¹ Землин А.И., Корякин В.М. Методология военно-правового исследования. Общая часть. Учебник и практикум для студентов, обучающихся в военных учебных центрах при федеральных образовательных организациях высшего образования. М.: КноРус, 2021.

дарства по отношению к личности, силе и мере государственного принуждения, справедливости и обоснованности судебно-следственной деятельности.

Библиография

1. Бастрыкин, А.И. Идея добра в творчестве Ф.М. Достоевского и ее влияние на развитие философии права (к 200-летию Ф.М. Достоевского). Вступительное слово А. Александрова. Изд. 2-е, испр., доп. / А.И. Бастрыкин, Р.Ф. Исмагилов, В.П. Сальников. — СПб.: Фонд «Университет», 2023. — 456 с.

2. Гайдамашко, И.В. Потенциал монографии «Военное право» в обучении будущего военного юриста и развитии его личности / И.В. Гайдамашко, П.Ю. Наумов, А.А. Дьячков // Государство и право. — 2023. — № 5. — С. 68—79;

3. Дамаскин, О.В. Актуальные вопросы правового обеспечения сил и средств обороны и безопасности России в условиях современных военных конфликтов / О.В. Дамаскин, И.В. Холиков // Вестник Академии военных наук. — 2018. — № 4 (65). — С. 121—128.

4. Захарцев, С.И. Ф.М. Достоевский как философ права. Рецензия-размышление по поводу монографии: А.И. Бастрыкин, Р.Ф. Исмагилов, В.П. Сальников «Идея добра в творчестве

Ф.М. Достоевского и ее влияние на развитие философии права» / С.И. Захарцев, В.И. Коваленко, О.Э. Старовойтова // Образование и право. — 2022. — № 10. — С. 363—370.

5. Землин, А.И. Актуальные вопросы военной деятельности государства: правовое измерение / А.И. Землин // Военное право. — 2022. — № 6 (76). — С. 233—237.

6. Землин, А.И. Методология военно-правового исследования. Общая часть. Учебник и практикум для студентов, обучающихся в военных учебных центрах при федеральных образовательных организациях высшего образования / А.И. Землин, В.М. Корякин. — М.: Кнорус, 2021. — 228 с.

7. Сальников, В.П. Институализация военного права как отрасли права в постнеклассической научной рациональности (рецензия на монографию «Военное право в 3-х томах. М.: Центр правовых коммуникаций», 2022) / В.П. Сальников, В.М. Большакова, С.И. Захарцев // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2023. — № 1. — С. 251—261.

8. Холиков, И.В. История и теория военного права: первое фундаментальное исследование / И.В. Холиков // Военное право. — 2021. — № 5 (69). — С. 222—228.

Противодействие коррупции как учебная дисциплина (рецензия на учебник «Организационно-правовые основы противодействия коррупции»)

© **Иванов Владимир Юрьевич,**

кандидат юридических наук, доцент кафедры
№ 25 ФГКВОУ ВО «Военный университет
имени князя Александра Невского» Минобороны
России

Аннотация. Статья представляет собой рецензию на учебник «Организационно-правовые основы противодействия коррупции», подготовленный авторским коллективом ученых Военного университета. Издание содержит систематизированный дидактический материал по темам, имеющим особое значение для формирования у обучающихся компетенций, позволяющих с пониманием сущности, правовых и организационных основ противодействия коррупции принимать осознанные решения и осуществлять основанные на законе действия, самостоятельно осуществлять поиск, отбор и научный анализ нормативных правовых актов и литературы для исполнения обязанностей по предстоящему должностному предназначению, обеспечивая тем самым формирование как общекультурной, так и профессиональной компетенций антикоррупционной направленности специалистов.

Ключевые слова: коррупция; противодействие коррупции; антикоррупционная политика; профилактика коррупции; антикоррупционные профессиональные компетенции.

Anti-corruption as an academic discipline (review of the textbook "Organizational and legal foundations of anti-corruption")

© **Ivanov V.Yu.,**

Candidate of Law, Associate Professor of the
Department No. 25 of the Federal State Educational
Institution of Higher Education "Prince Alexander
Nevsky Military University" of the Ministry of
Defense of Russia

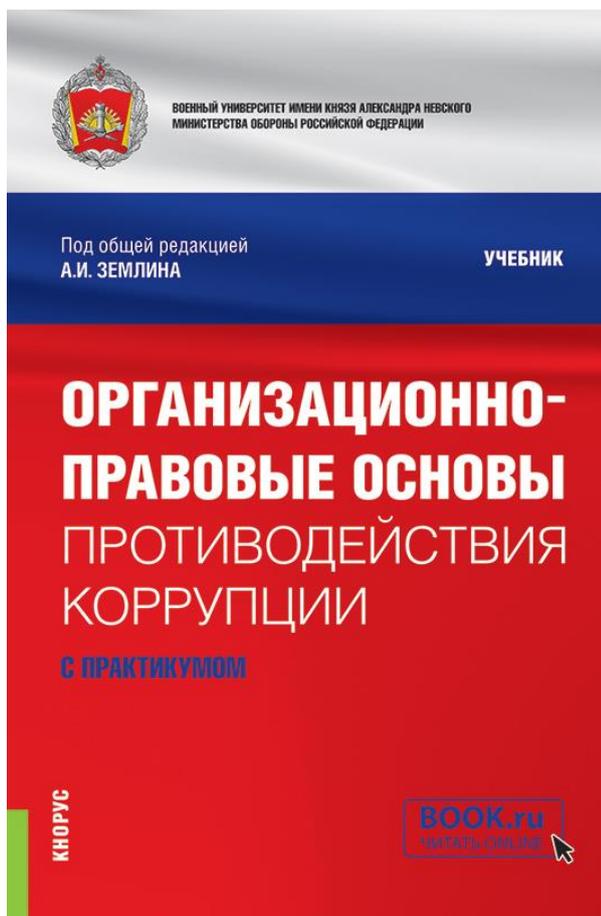
Annotation. The article is a review of the textbook "Organizational and legal foundations of anti-corruption", prepared by the author's team of scientists of the Military University. The publication contains systematic didactic material on topics of particular importance for the formation of students' competencies that allow them to make informed decisions and carry out actions based on the law, independently search, select and scientifically analyze normative legal acts and literature for the performance of duties with an understanding of the essence, legal and organizational foundations of anti-corruption. according to the upcoming official purpose, thereby ensuring the formation of a general cultural, and professional competencies of anti-corruption orientation of specialists.

Keywords: corruption; anti-corruption; anti-corruption policy; prevention of corruption; anti-corruption professional competencies.

В ряду актуальных задач внутренней политики российского государства центральное место занимает антикоррупционная деятельность. Акцентируя внимание на важность борьбы с коррупцией, Президент Российской Федерации В.В. Путин отмечает: «Дело не в том, что коррупция наносит ущерб экономике и что страдают

граждане — это конечно плохо, но страшнее то, что эти преступления подрывают сами государственные основы России. И бороться с ними – чрезвычайно важная не только профессиональная, но и политическая задача».

Однако статистические данные со всей очевидностью свидетельствуют о том, что борьба с коррупцией, осуществляемая в целом весьма активно и поступательно, не приносит, тем не менее, должного результата, необходимого для достижения поставленных национальных целей социально-экономического развития Российской Федерации.

Важнейшим направлением противодействия коррупции по праву признается антикоррупционное просвещение и образование.

Национальный план противодействия коррупции на 2021—2024 годы (утв. указом Президента Российской Федерации от 16 августа 2021 г. № 478) в п. 35 предписывает Министерству просвещения Российской Федерации продолжить работу по включению в федеральные государственные образовательные стандарты общего образования и среднего профессионального образования положений, предусматривающих формирование у обучающихся нетерпимого отношения к коррупционному поведению, а в профессиональной дея-

тельности - готовности содействовать пресечению такого поведения.

Согласно п. 36 указанного Национального плана Министерству науки и высшего образования Российской Федерации поставлена задача с участием заинтересованных государственных органов и организаций рассмотреть вопрос об открытии в образовательных организациях высшего образования программы магистратуры «Антикоррупционная деятельность».

Пунктом 39 Национального плана противодействия коррупции на 2021—2024 годы руководителям федеральных государственных органов рекомендовано в соответствии со своей компетенцией обеспечить:

а) участие государственных (муниципальных) служащих, работников, в должностные обязанности которых входит участие в противодействии коррупции, в мероприятиях по профессиональному развитию в области противодействия коррупции, в том числе их обучение по дополнительным профессиональным программам в области противодействия коррупции;

б) участие лиц, впервые поступивших на государственную (муниципальную) службу или на работу в соответствующие организации и замещающих должности, связанные с соблюдением антикоррупционных стандартов, в мероприятиях по профессиональному развитию в области противодействия коррупции;

в) участие государственных (муниципальных) служащих, работников, в должностные обязанности которых входит участие в проведении закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных (муниципальных) нужд, в мероприятиях по профессиональному развитию в области противодействия коррупции, в том числе их обучение по дополнительным профессиональным программам в области противодействия коррупции.

Условием успешного решения названных задач является наличие соответствующей учебной литературы, в

которой раскрываются основные вопросы антикоррупционной деятельности, а также в которой содержатся соответствующие дидактические материалы, способствующие усвоению курса противодействия коррупции. На решение этих задач направлен учебник «Организационно-правовые основы противодействия коррупции», вышедший недавно в столичном издательстве «Кнорус», подготовленный авторским коллективом Военного университета¹.

Названный учебник подготовлен на основе рабочей программы учебной дисциплины, закрепленной за 25 кафедрой (военной администрации, административного и финансового права) ФГКВКУ ВО «Военный университет имени князя Александра Невского» Министерства обороны Российской Федерации, которая преподается курсантам прокурорско-следственного факультета.

Изучение дисциплины направлено на формирование следующих компетенций, предусмотренных ФГОС для обучения по программе специалитета 40.05.01 Правовое обеспечение национальной безопасности (специализация: Военно-правовая, специальности: прокурорская работа, следственная работа), реализуемой образовательной организацией:

УК-11. Способность формировать нетерпимое отношение к коррупционному поведению;

ОПК-2. Способность анализировать мировоззренческие, социальные и лично значимые проблемы в целях формирования ценностных, этических основ профессионально-служебной деятельности;

ОПК-7. Способность выполнять должностные обязанности по обеспечению законности и правопорядка, безопасности личности, общества и государства при соблюдении норм права и нетерпимости к противоправному поведению;

ПСК-2. Способность определять правовую природу общественных отношений, возникающих в сфере обеспечения обороны и безопасности, вычленять правовую составляющую в юридически значимых событиях и фактах, правильно их квалифицировать.

В результате изучения дисциплины обучаемые должны:

— *знать*:

сущность и содержание коррупции как социально-правового явления;

детерминанты коррупции, особенности их проявления в механизме преступного поведения;

правовые, организационные и тактические средства предупреждения коррупции;

основные направления профилактики коррупционного поведения;

источники зарождения коррупции, причины и условия возникновения и живучести коррупционных отношений в Российской Федерации;

меры по противодействию коррупции в Российской Федерации;

акты антикоррупционного законодательства и нормы служебного права Российской Федерации, а также механизмы их действия в процессе осуществления деятельности по противодействию коррупции в Российской Федерации;

организационно-правовые основы функционирования системы противодействия коррупции в Российской Федерации;

место, роль и методику работы по противодействию коррупции в Российской Федерации;

правовой режим государственной службы в части антикоррупционных запретов, ограничений и требований;

правовые основы и порядок урегулирования конфликта интересов на государственной службе Российской Федерации;

правовые основы и порядок проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов органов власти и их проектов;

¹ Организационно-правовые основы противодействия коррупции (с практикумом) : учебник / А.И. Землин, И.В. Мишуткин, О.М. Землина, В.М. Корякин; под общ. ред. А.И. Землина. М.: Кнорус, 2024.

виды и основания привлечения к ответственности за коррупционные правонарушения по законодательству Российской Федерации;

— *уметь*:

противодействовать коррупционным проявлениям в служебной деятельности;

анализировать содержание нормативных правовых актов антикоррупционного законодательства Российской Федерации;

правильно применять положения актов антикоррупционного законодательства Российской Федерации в практической деятельности по предстоящему должностному предназначению;

выявлять предпосылки и вскрывать проявления коррупции в системе государственной (муниципальной) службы, осуществлять разбор и юридическую квалификацию типовых коррупционных правонарушений;

— *владеть навыками*:

проведения антикоррупционной экспертизы актов органов власти, а также их проектов;

проверки соблюдения антикоррупционного законодательства в процессе исполнения государственными служащими служебных (должностных) обязанностей;

— *иметь представление*:

об основных тенденциях и важнейших направлениях развития правовых основ противодействия коррупции;

о правовом регулировании противодействия коррупции в зарубежных государствах.

Материал, содержащийся в рецензируемом учебнике, изложен в доступной форме, сопровождается справочным и иллюстративным материалом, содержит тестовые задания и ситуационные задачи для самостоятельной отработки, что делает его применимым не только для обучения курсантов, но также слушателей дополнительного профессионального образования, а также студентов других вузов, обучаемых по программам специалитета и магистратуры.

Структурно учебник состоит из 4 разделов, включающих материалы по 8 основным темам курса.

Первый раздел раскрывает историко-правовые аспекты и теоретико-правовые основы противодействия коррупции в Вооруженных Силах. Здесь рассмотрены такие вопросы, как источники зарождения коррупции, причины и условия возникновения и сохранения коррупционных отношений в Вооруженных Силах Российской Федерации, раскрыты понятие, сущность и специфика проявления коррупции в Вооруженных Силах Российской Федерации.

Второй раздел учебника посвящен разъяснению организационных основ противодействия коррупции в Вооруженных Силах. Раскрыты содержание основных мер по противодействию коррупции в Вооруженных Силах, проанализированы правовые основы и порядок взаимодействия органов военного управления, военно-следственных органов и военных прокуратуры по противодействию коррупции в Вооруженных Силах Российской Федерации.

В *третьем разделе* идет речь об антикоррупционных обязанностях, возлагаемых на военнослужащих и государственных гражданских служащих законодательством Российской Федерации. В данном разделе идет речь запретах и ограничениях, связанных с поступлением на военную службу, раскрывается обязанность представлять сведения о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также обязанность информирования командования о всех случаях склонения к совершению коррупционных правонарушений. Отдельному анализу в данном разделе подвергнуты вопросы, связанные с понятием, правовыми основами и порядком урегулирования конфликта интересов на военной и государственной гражданской службе Российской Федерации.

Учитывая особый контингент, на который в основном рассчитано рецензируемое учебное издание (будущие военные прокуроры и военные следователи), важное место в нем занимает *четвертый раздел* «Правовые средства обеспечения законности в сфере противодействия кор-

рупции в Вооруженных Силах Российской Федерации». В данном разделе рассмотрены правовые основы и порядок проведения нормативных правовых актов органов военного управления, а также подробно освещены виды и основания привлечения военнослужащих и иных граждан к ответственности за коррупционные правонарушения по законодательству Российской Федерации.

Таким образом, в связи с изданием рецензируемого учебника можно констатировать, что отечественная военно-

юридическая литература пополнилась добротным, качественным научно-практическим изданием, призванным способствовать подготовке квалифицированных юридических кадров для Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов.

Библиография

Организационно-правовые основы противодействия коррупции (с практикумом) : учебник / А.И. Землин, И.В. Мишуткин, О.М. Землина, В.М. Корякин; под общ. ред. А.И. Землина. — Москва : Кнорус, 2024. — 290 с